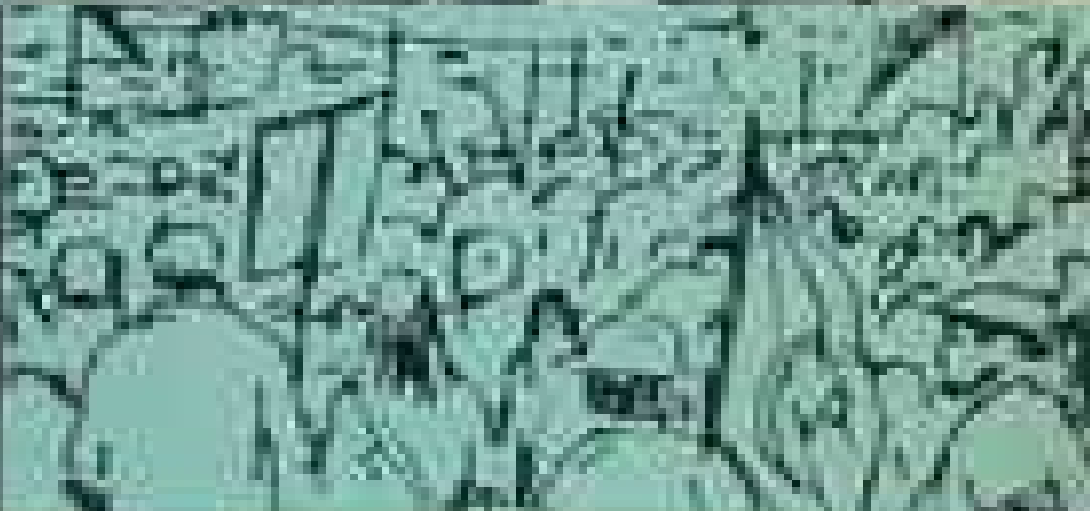

САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ

И. Лисовский

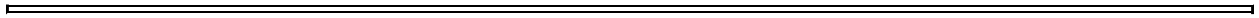
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга известного советского ученого И. Р. Лаврецкого рассказывает о героическом пути славного сына чилийского народа, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сальвадора Альенде. Имя Сальвадора Альенде стало символом бесстрашного революционера, преданного идеалам демократии и отдавшего свою жизнь за дело народа.

- [ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ](#)
 -
- [Лаврецкий Иосиф Ромуальдович](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА](#)
 - [ОДНАЖДЫ В САНТЬЯГО](#)
 - [ПО СТОПАМ КРАСНОГО АЛЬЕНДЕ](#)
 - [12 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ РЕСПУБЛИКУ](#)
 - [МИНИСТР НАРОДНОГО ФРОНТА](#)
 - [НА ПУТИ К «ЛА-МОНЕДЕ»](#)
 - [ТРУДНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ](#)
 - [СТРАНА, РАСКАЛЕННАЯ ДОКРАСНА](#)
 - [КТО УБИЛ ГЕНЕРАЛА ШНЕЙДЕРА!](#)
 - [ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ](#)
 - [«ЧИЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»](#)
 - [«МУМИИ» НАСТУПАЮТ, НАРОД ОБОРОНЯЕТСЯ](#)
 - [ТАНКИ ИДУТ НА «ЛА-МОНЕДУ»](#)
 - [МЯТЕЖ](#)
 - [«ГОРИЛЛЫ» ГОТОВЯТСЯ К ПРЫЖКУ](#)
 - [РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ УМИРАЮТ СРАЖАЯСЬ](#)
 - [ТВОЙ НАРОД ПОБЕДИТ, ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ!](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [ФОТОГРАФИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

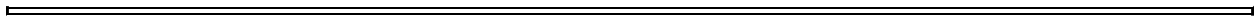
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Коммунистический Союз
З. А. А. А.

Лаврецкий Иосиф Ромуальдович
САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

Эта книга о человеке, который преподал своей жизнью урок революционной последовательности, мужества и патриотизма. Его жизнь показана сквозь призму классовой борьбы, потрясавшей далеко не «мирное» чилийское общество XX века.

Эта книга о революции и контрреволюции в Чили. И о бдительности. «Люди, будьте бдительны!» — предупреждал Юлиус Фучик. Гибель Сальвадора Альенде еще раз напоминает, что никто не вправе забывать жестоких уроков прошлого. В каких бы широтах ни жил человек, на каком бы языке он ни говорил, он обязан быть начеку, ибо черные силы старого мира еще не сложили оружия и могут, если их не обезвредить вовремя, принести неисчислимые страдания и бедствия людям труда, борцам за народное счастье. Но эта книга и об оптимизме, о вере в неизбежный триумф идеалов, за которые сражался до последнего вздоха в «Ла-Монеде» товарищ президент Сальвадор Альенде. Она о вере в грядущее торжество простых чилийских тружеников.

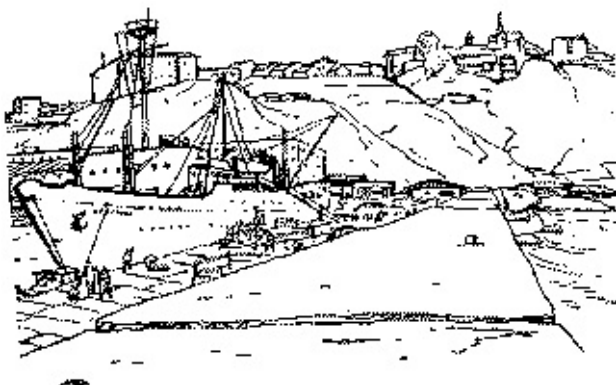
Оптимистическая трагедия? Да, именно так автор хотел бы, чтобы читатель воспринял его книгу, возможно во многом несовершенную, написанную по горячим следам событий, с болью в сердце за тех, кто ушел, и с гордостью за тех, кто в подполье или за тюремной решеткой борется против зверя, имя которому — фашизм.

Автор

Москва, июнь 1974 г.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

*Моей стране
природою даны
вершины и высокий дух
свободы,
просторы океана и весны,
но сколько крови
пролилось на всходы,
и радость,
когда радовались мы,
уликой нам была
в иные годы.
Кровавая река
течет из тьмы.
Израненную,
со следами пыток,
мы вынесли отчизну
из тюрьмы.
Пабло Неруда*

ОДНАЖДЫ В САНТЬЯГО

В то сентябрьское воскресное утро 1916 года ярко светило солнце, как бы предвещая приближающуюся весну. Солнечные лучи, казалось, заливали золотом аламеды — проспекты, пасеос — бульвары и кинты — парки, которыми славилась столица. Они играли на медном, почти кроваво-красном национальном гербе, пылавшем над воротами президентского дворца «Ла-Монеда», освещая высеченный на нем девиз чилийского государства «Убеждением или силой!». Они искрились на статуе Девы непорочного зачатия, украшающей вершину холма Сан-Кристобаль, на амбразурах мрачной испанской цитадели, воздвигнутой на другом столичном холме, Санта-Люсия, на зеркальной глади реки Мапочо, рассекающей город на две половины, на позолоте соборных звонниц.

В тот день в доме алькальда — мэра столицы дона Рамона Альенде Кастро на авениде Эспанья царило оживление. В пятницу к алькальду приехал погостить его брат дон Сальвадор с женой доньей Лаурой Госсенс Урибе, дочерьми Лауритой и Инее и сыновьями Сальвадором и Альфредо. Гости прибыли из города Такна, лежащего у самой перуанской границы. Этот город был занят чилийцами во время Тихоокеанской войны 1879–1883 годов, когда Чили воевала с Перу и Боливией. В Такие дон Сальвадор Альенде Кастро имел адвокатскую и нотариальную контору.

Чтобы добраться в столицу, адвокат Альенде с семьей сел в Такне на пароходик «Чилоэ», и несколько дней они шли к югу вдоль извилистого чилийского берега. Пассажиры высадились в порту Вальпараисо. В этом городе восемь лет назад, 26 июня 1908 года, родился Сальвадор Альенде-младший, или Чичо, как его ласково называли домашние. Из Вальпараисо семья Альенде направилась в столицу поездом.

И вот они в Сантьяго. Еще в субботу вечером дон Сальвадор договорился с доньей Лаурой о том, как они проведут здесь свое первое воскресенье. Донья Лаура пожелала пойти с дочерьми и женой дона Рамона на праздничную мессу в кафедральный собор, а дон Сальвадор решил повести сыновей знакомиться с достопримечательностями столицы. Их вызвался сопровождать сам дон Рамон.

Хотя предки доньи Лауры и происходили из Франции, родины Вольтера и Робеспьера, сама она, воспитанная в католическом духе, отличалась набожностью и строго выполняла все церковные предписания. В противоположность ей дон Сальвадор был свободомыслящим и членом

масонской ложи «Справедливость и свобода», которую некогда возглавлял его отец, известный в Чили врач Рамон Альенде Падин. В те времена масонские ложи в Чили играли роль прогрессивных клубов, объединявших антиклерикальных и радикально настроенных деятелей из среды интеллигенции. Многие в Чили становились масонами по семейной традиции, следуя примеру отца или деда. Так стали масонами дети Альенде Падина, а затем и дети дон Сальвадора — Чичо и Альфредо.

Справедливо было бы спросить, почему доктор Альенде Падин, будучи антиклерикалом, нарек своего сына Сальвадором, что в переводе означает Спаситель — синоним Иисуса Христа, — имя, которое потом получил по наследству и Чичо? Виной тому была супруга Альенде Падина, ревностная католичка, как и мать Чичо. Это она настояла на имени, традиционном в ее семье. А дон Рамон, хоть и был масоном 33-й степени, то есть высшего чина, и грозой католической церкви, дома во всем уступал жене.

Столь же прекрасно ладили между собой антиклерикал и масон дон Сальвадор и верующая донья Лаура. Дон Сальвадор считал, что его супруга имеет такое же право быть ревностной католичкой, как он сам поклоняться Вольтеру и следовать масонским ритуалам. Донья Лаура, со своей стороны, не пыталась обратить мужа в свою веру. Девочки находились под духовной опекой матери, мальчики росли, следуя примеру отца, свободомыслящими.

— С чего же мы начнем? — спросил мужчин дон Сальвадор после того, как дамы, одетые в черное и закутанные в традиционные мантильи, ушли в собор замаливать свои и их грехи.

— Пойдем на аламеда Бернардо О'Хиггинса, — предложил дон Рамон. — Посмотрим «Ла-Монеду», зайдем ко мне в муниципалитет, потом заглянем в палату депутатов.

Вскоре все четверо зашагали к центру. На улицах многие прохожие здоровались с доном Рамоном. Мэр был весьма популярным человеком в столице, в особенности его авторитет возрос после того, как он лишил концессии на мощение улиц английскую компанию «Чилиан электрик трамвайс», не уплатившую муниципалитету 400 тысяч песо налога.

— Эти англичане совсем обнаглели, — рассказывал дон Рамон брату. — Они ведут себя у нас точно в африканской колонии, не стесняясь, обманывают и обсчитывают. Но бороться с ними трудно. Их ведь поддерживают «пелуконы»^[1]. Сперва наши консерваторы вздыхали по колониальным порядкам, а теперь готовы превратиться в английских слуг, лишь бы сохранить свои привилегии. Но если позволить им это, то

положение «рото»^[2] как было, так и останется беспросветным. А тогда нам не избежать революции. В один прекрасный день рото восстанут, подобно санкюлотам во время Французской революции, и перережут не только пелуконов, но и нас с тобой.

Дон Сальвадор, плотный сеньор, одетый по последней моде, в очках, с бородкой клинышком а-ля Анатоль Франс, невольно вздрогнул:

— Неужели ты думаешь, что это возможно?

Я абсолютно в этом уверен. Ты считаешь, что народ вечно будет сносить нужду, жить в конурах, недоедать,дохнуть от болезней? Такая жизнь приведет в отчаяние даже ангелов. К тому же у них есть свои вожди, например сеньор Рекабаррен. Его «Будильник трудящихся»^[3] позаботится, чтобы пробудить рото к борьбе. А власти? Палят из ружей по забастовщикам. Вспомни расстрел демонстрации рабочих селитряных разработок в 1907 году в Икике, когда было убито свыше 2 тысяч человек. Рекабаррен был прав, когда заявил в парламенте: «Тот, кто посеет ненависть, пожнет бурю».

— Рекабаррен здорово разозлил пелуконов. Какой скандал он вызвал, когда, избранный в 1906 году в парламент, отказался принести присягу на Евангелии и поцеловать крест...

— Да! Пелуконы изгнали его из парламента и пытались засадить в тюрьму. Пустая затея! Рекабаррен покинул Чили, но только для того, чтобы вернуться через несколько лет еще более непреклонным противником капиталистов. Он создал Социалистическую рабочую партию, объединил профсоюзы в Рабочую федерацию Чили. Путами и штыками не накормишь рабочих, не решишь социального вопроса. Этой элементарной истины никак не поймут наши твердолобые правители.

Оба старших и оба младших Альенде прошли большой парк — кинту Нормаль и через широкую аламеду Делисиас вышли на площадь Бульнеса, расположенную у восточного фасада президентского дворца «Ла-Монеда». На площади справа, рядом с большим серым зданием военного министерства, высилась бронзовая статуя на гранитном постаменте — памятник генералу Бернардо О'Хиггинсу, отцу нации и основателю чилийского государства, а слева — таких же внушительных размеров памятник его другу и соратнику по борьбе с испанскими колонизаторами аргентинскому полководцу Хосе де Сан-Мартину.

Альенде подошли к памятнику О'Хиггинсу и, сняв шляпы, склонили головы в почтительном молчании. Такой же обряд они совершили и перед статуей Сан-Мартина. Затем дон Сальвадор повторил уже известную детям

по предыдущим его рассказам историю об участии их прадеда дона Рамона Альенде Гарсеса и его двух братьев, Хосе-Марии и Грегорио, в войне за независимость Чили. Дон Сальвадор поведал, что Грегорио командовал эскадроном личной охраны генерала О'Хиггинса и, когда в 1823 году доблестный генерал был вынужден отказаться от власти и покинуть страну, Грегорио сопровождал его в изгнание. Он прожил восемь лет на чужбине. А дон Рамон и дон Хосе-Мария воевали в знаменитом партизанском отряде «Гусары смерти», командиром которого был прославленный патриот Мануэль Родригес. Оба они отличались редкой храбростью, как отмечает их соратник Хосе Сапиола в своих «Воспоминаниях 30-х годов». «Гусары смерти» действовала на границе с Аргентиной. Они помогли армии генерала Сан-Мартина незамеченной перейти Анды. Сан-Мартин пришел чилийцам на помощь, он объединился с О'Хиггинсом, и они вместе разбили войска испанцев. Так Чили завоевала независимость.

— Помните, дети мои, и передайте вашим детям, что в этих исторических событиях участвовали и наши предки, — заключил свой рассказ дон Сальвадор.

— А что стало с прадедушкой Рамоном, когда он победил испанцев? — спросил отца маленький Чичо.

— Когда смолкают битвы и наступает мир, бывшие воины радеют о продолжении своего рода и, следовательно, женятся, мой друг. Так поступил и ваш прадедушка. Он избрал себе в жены одну из дочерей доктора Висенте Падина, известного в те времена эскулапа, декана медицинского факультета Национального университета и основателя столичного госпиталя святого Висенте. От этого брака родился в 1845 году ваш дед Рамон Альенде Падин, самый знаменитый пока что представитель нашего рода, по прозвищу Красный Альенде. Но о нем разговор особый. А теперь пойдем к президентскому дворцу.

«Ла-Монеда», квадратное двухэтажное массивное здание, охватывает целый квартал. В крыле, что выходит на площадь Бульнеса, помещается министерство иностранных дел. Слева — министерство внутренних дел. Президент же занимает второй этаж, выходящий на площадь Конституции. С площади Бульнеса можно пройти через «Ла-Монеду» двориками. По традиции проход для населения свободный. Президент имеет свой вход во дворец с улицы Моранде, ведущий прямо на второй этаж в его покои.

В те годы президентский дворец не был окружен, как теперь, высотными зданиями, которые своей громадой как бы подавляют и принижают его. Тогда «Ла-Монеда» была самым большим в столице сооружением и казалась необъятной по своим размерам. Президентская

стража в красочных — времен войны за независимость — мундирах и плюмажах, с ружьем на плече сторожившая дворцовые ворота, украшенные национальным гербом, строгая классическая внешность самого здания, желто-золотистый цвет его стен, как и чилийский национальный флаг, развевающийся на крыше, — все придавало «Ла-Монеде» особую торжественность, парадность.

— Чем могу служить? — услужливо обратился к мэру дежуривший у дворцовых ворот капитан президентской гвардии.

— Разрешите, капитан, представить вам моего брата адвоката из Такны дона Сальвадора Альенде и его сыновей Альфредо и Чичо. Молодые кавалеры хотели бы посетить дворец, ознакомиться с нашей национальной святыней, если это, разумеется, не причинит вам беспокойства, капитан.

— Отнюдь нет, сеньор алькальде. Господин президент сегодня отсутствует, он еще в пятницу отбыл в свой фонд^[4], где пробудет до понедельника. Прошу вас, сеньоры, — сказал офицер, жестом приглашая гостей пройти в ворота.

Но тут случилось неожиданное. Восемилетний Чичо, вцепившись в руку отца, решительно отказался двинуться с места. Возможно, мальчика смутил суровый вид гвардейцев, или ему вдруг почудилось за этими воротами что-то страшное, или по какой другой причине, но Чичо заявил отцу:

— Я не хочу в «Ла-Монеду»!

Взрослые добродушно рассмеялись.

— Ты единственный из чилийцев, который на приглашение войти в «Ла-Монеду» отвечает отказом, — сказал дядя Рамон. — А ведь все наши соотечественники мечтают попасть в это здание и обосноваться в нем. Итак, ты не желаешь стать президентом, Чичо?

— Нет! — чуть не закричал мальчик.

— Кем же ты будешь?

— Уасо^[5], — гордо заявил Чичо.

— В таком случае тебе ничем не грозит посещение «Ла-Монеды», — заключил дядя. — Даже если бы уасо захотел остаться здесь, ему этого не разрешат. Пойдем, Чичо, а то, чего доброго, сеньор капитан не поверит тебе, ведь уасо народ смелый.

Чичо с вызовом посмотрел на капитана и решительно шагнул в ворота. Офицер, пропустив гостей вперед, поспешил за ними, давая на ходу объяснения:

— Этот двор называется Апельсиновым, здесь был когда-то

апельсиновый сад, а вот этот — Мраморным, здесь стоят два орудия времен войны за независимость — одно из них называется «Сердитое», другое — «Молния». Дворец был построен знаменитым итальянским архитектором Джоакино Тоэской, который прибыл к нам во второй половине XVIII века. Тоэска строил дворец двадцать пять лет и закончил его только в 1805 году, за пять лет до начала войны за независимость. Здание предназначалось для монетного двора, отсюда его название «Ла-Монеда». Только в 1846 году при президенте Мануэле Бульнесе «Ла-Монеда» была превращена в резиденцию правительства. Но старое название за нею сохранилось.

Офицер предложил гостям подняться вверх по парадной лестнице на второй этаж, где жил, работал и принимал посетителей президент республики.

— Налево от нас, — продолжал он давать объяснения, — личные покои президента — его кабинет, помещение его секретарей, зал «Булл», где он обедает в кругу своих приближенных. Эта дверь ведет на балкон, выходящий на площадь Конституции. Ею пользоваться имеет право только президент. С балкона он обращается в дни национальных праздников и больших политических событий к народу. А этот коридор ведет в Красный зал. Он, как видите, украшен портретами всех наших президентов. Здесь устраивают государственные банкеты. Из Красного зала можно пройти в Зимний сад и в зал Тоэски, где президент принимает послов. Далее расположен зал, в котором заседает Совет министров. А эта лестница ведет в Апельсиновый двор.

Через массивные ворота капитан провел гостей на площадь Конституции. Она была заполнена гуляющими горожанами. В центре помещалась эстрада, на которой духовой оркестр полиции играл бравурные марши, вальсы и куэки^[6].

Альенде церемонно поблагодарили капитана за оказанное им внимание и распрощались с ним. В этот момент раздался оглушительный пушечный выстрел.

— Ровно двенадцать часов, полдень, — объяснил мальчишкам дядя Рамон. — Это стреляет старая крупновская пушка времен Тихоокеанской войны, установленная на холме Санта-Люсия. По этому выстрелу мы сверяем наши часы, прекращаем работу и идем обедать. А теперь, дети, я приглашаю вас к себе в муниципалитет.

В муниципалитете, двухэтажном небольшом здании, расположенном неподалеку от «Ла-Монеды», дон Рамон показал племянникам свой кабинет, стены которого были увешаны старинными картами и гравюрами.

— А вот, — сказал он, указывая на грамоту, украшенную разными

печатами и витиеватыми подписями и вставленную под стекло в золоченую рамку, — президентский декрет о назначении вашего деда Рамона Альенде Падина начальником санитарной службы чилийской армии во время Тихоокеанской войны.

Когда началась война, 14 февраля 1879 года, Красный Альенде был депутатом парламента. Он отказался от депутатского мандата и ушел добровольцем на фронт, где сражался в рядах знаменитого 7-го линейного полка, которому пришлось участвовать во многих кровопролитных схватках. Потом он был назначен начальником санитарной службы армии, но, как сказано в президентском декрете, «без права на получение жалованья», то есть он выполнял свои обязанности совершенно безвозмездно.

С окончанием войны дон Рамон оказался без каких-либо сбережений и, чтобы прокормить свою большую семью, был вынужден принять заем, предложенный масонской ложей.

Война нелегко далась Красному Альенде. Он умер, едва достигнув сорокалетнего возраста. Его хоронили с большими почестями. Гроб несли министры, среди них два будущих президента республики — Хосе Мануэль Бальмасада и Рамон Баррос Луко. На похороны пришли делегации рабочих, молодежных клубов, масонских лож, депутаты, сенаторы, представители суда, генералы, врачи. Надгробную речь произнес лидер радикальной партии Энрике Мак-Ивер. Он говорил о бескорыстном служении Рамона Альенде Падина интересам родины и народа и сказал, что память о нем будет жить, пока люди будут бороться за великие идеалы свободы и справедливости.

— Патриотизм вашего дедушки, — продолжал дон Рамон, — отметила и газета «Меркурио». Тогда она выходила в Вальпараисо и придерживалась весьма прогрессивных взглядов. Теперь же она, впрочем, как и многие либералы 80-х годов, стала прислужницей пелуконов. Да, в политике люди с годами становятся консерваторами, только не от житейской мудрости, а от трусости и эгоизма, которые берут над ними верх. Будем надеяться, что этого не случится ни с нами, когда мы постареем, ни с вами, мои племянники, когда вы повзрослеете.

Отдохнув в кабинете мэра и выпив кофе, Альенде направились к парламенту, зданию в псевдоклассическом стиле, утопающему в зелени. Служители любезно согласились по просьбе мэра открыть залы заседаний палаты депутатов и сената, чтобы дон Рамон мог показать племянникам кресла, в которых сживал их знатный дед, представлявший в течение восьми лет в палате депутатов, а затем в течение четырех лет в сенате

радикальную партию.

Посещение парламента дало повод дяде пуститься в новые пространные воспоминания о дедушке Рамоне. Он вспомнил его прозвище Красный Альенде, которым наградили деда за его радикальные взгляды, а также и потому, что он был огненно-рыжий. Дон Рамон был заядлым антиклерикалом, он выступал за отделение церкви от государства, за секуляризацию кладбищ и актов гражданского состояния, за светскую школу. Попы его отлучили от церкви и предали анафеме, но это его мало беспокоило. Защищая свои идеалы, он издавал газеты «Путеводитель для народа» и «Долг», организовал первую в Чили светскую школу «Блас Куэвас» (был такой известный в Чили просветитель в XIX веке, которого преследовали церковники). Народ его поддерживал, об этом свидетельствует его неоднократное избрание в парламент.

Но Красный Альенде был не только передовым для своего века общественным деятелем, он был известным врачом, первым в Чили обратившим внимание на социальные аспекты медицины, на связь эпидемий и смертности с антисанитарными условиями жизни людей. Эти взгляды он изложил в своей работе о причинах эпидемий тифа среди бедных слоев населения, опубликованной в 1865 году. Его стараниями был открыт первый родильный дом в Сантьяго. Правительство, учитывая заслуги доктора Рамона, назначило его президентом Совета по вопросам санитарии, а потом и президентом Совета народного образования. И на этих постах он не получал жалованья.

Выйдя из здания Национального конгресса, дон Рамон повел родственников в парк имени президента Бальмасады, друга Красного Альенде.

Хосе Мануэль Бальмасада был избран президентом в 1886 году. В то время англичане владели селитряными разработками на севере Чили, в районе города Икике. Главным владельцем чилийской селитры был англичанин Томас Норт. Посетивший север Чили в конце XIX века русский дипломат и путешественник А. С. Ионин писал в книге «По Южной Америке»: «В Икике есть свой король. Короля этого зовут королем пустыни или скорее королем селитры; его фотографии продаются во всех магазинах, с изображением королевской короны наверху, имя ему полковник Норт».

Бальмасада предпринял попытку национализировать селитряные копи — главное в то время богатство страны. Но против него восстали чилийские банкиры и дельцы, находившиеся в тесной связи с английским капиталом. Эти пелуконы, имевшие большинство в конгрессе, привлекли на свою сторону ряд реакционных военных, заручились поддержкой

церкви. Они устроили мятеж в Сантьяго, пытались захватить президентский дворец и убить Бальмаседу. Это им не удалось. Тогда они образовали мятежную хунту во главе с капитаном военно-морских сил Хорхе Монттом. Хунта, опираясь на военные корабли, захватила богатые селитрой северные районы Чили.

В стране началась гражданская война. Мятежникам оказали помощь английские и германские капиталисты, заинтересованные тогда больше американских в эксплуатации природных ресурсов Чили. Подлинным «стратегическим мозгом» заговора стал прусский капитан Эмиль Кернер, бывший профессор артиллерийско-инженерной школы в Шарлоттенбурге, работавший по найму в Чили в качестве военного специалиста. Он перебежал к мятежникам, получил от них чин генерала и стал фактическим руководителем их вооруженных сил.

Гражданская война бушевала в Чили с 7 января по конец августа 1891 года. Видя, что борьба затягивается, и не желая дальнейшего кровопролития, Бальмаседа оставил власть в руках генерала Мануэля Бакедано, которого ошибочно считал патриотом и своим единомышленником.

Генерал Бакедано предал президента, пустив мятежников в столицу. Бальмаседа же укрылся в аргентинском посольстве в Сантьяго, где вскоре застрелился. Мятежники во главе с капитаном Хорхе Монттом захватили власть, в стране началась кровавая оргия преследований бальмаседистов. «Король пустыни», полковник Томас Норт, получил обратно ранее конфискованные у него селитряные разработки.

...Только к вечеру Чичо и Альфредо с отцом и дядей вернулись в дом дона Рамона. К обеду пришли многие родственники, в том числе два других дяди, врачи Гильермо и Томас с женами и детьми. Гильермо — известный хирург, совершенствовавшийся в Германии и Испании, Томас — стоматолог.

Обед был обильным, с многочисленными чилийскими блюдами из морских рыб и моллюсков, все это сдабривалось хорошим местным белым вином. Альянде были хлебосолами, жизнелюбами, весельчаками. Мужчины — среднего роста, плотные, выносливые. Женщины славились красотой, обаянием, изяществом.

За столом сидели долго. Мужчины все время толковали о политике. Всех волновало будущее Арики и Такны, где согласно мирному договору с Перу должен был состояться плебисцит, который решил бы дальнейшую судьбу этого района: быть ему чилийским или отойти к Перу. Вспомнили шутку дона Сальвадора-старшего, пославшего президенту Легии,

кроважидному и тупому перуанскому тирану, оду, восхваляющую его сверх всякой меры. Тиран был так удивлен и польщен этим посланием чилийского адвоката, что приказал опубликовать его во всех газетах страны. На это и рассчитывал поэт. Когда ода появилась в печати, над тираном смеялись не только в Перу, но и в других республиках. Оказалось, что это был акrostих. Начальные буквы стихотворных строк составляли фразу: «Я плюю на тебя».

Разумеется, говорили и о мировой войне, ее последствиях для Чили. Альенде все дружно сочувствовали Антанте. Они резко осуждали чилийских генералов, не скрывавших своих симпатий к кайзеровской Германии.

Обсуждали и недавнее открытие Панамского канала. Теперь путь от чилийских берегов до атлантических портов Соединенных Штатов сократился вдвое, что вызвало увеличение продажи традиционных чилийских товаров — селитры и меди — в США. Это улучшало экономическое положение страны, испытывавшей с начала мировой войны большие трудности. С войной экспорт чилийских товаров резко сократился еще и потому, что у чилийских берегов орудовала немецкая военная эскадра под командованием адмирала Шпее. Только в феврале 1915 года английским кораблям удалось обезвредить германский крейсер «Дрезден», настигнув его у чилийских островов Хуан-Фернандес. На одном из них согласно легенде некогда спасся от кораблекрушения английский моряк Селкирк, жизнь и приключения которого на лоне девственной природы были потом так красочно и увлекательно описаны Даниелем Дефо в его знаменитом романе «Робинзон Крузо».

Говорили и о мексиканской революции, которая началась еще в 1910 году и с тех пор привлекала всеобщее внимание в странах Латинской Америки. Альенде возмущались вторжением американской армии под командованием генерала Першинга на территорию Мексики. Эта грубая и наглая интервенция империалистов США против страны ацтеков и майя вызывала единодушное осуждение передовой латиноамериканской общественности, требовавшей от президента Вильсона немедленного отзыва войск с мексиканской территории.

Когда женщины встали из-за стола и увели малышей спать, братья Альенде заговорили о том, к какой профессии готовить своих детей. Согласились, что есть только два вида деятельности в Чили — врача и адвоката, — дающие человеку возможность жить независимо, не эксплуатировать труд других, не гнуть спину перед сильными мира сего. Дон Сальвадор заметил, что думает посвятить старшего сына Альфредо,

как ему казалось, более практичного по сравнению с младшим, адвокатуры, возможно, он станет со временем и политическим деятелем, а Чичо, более доверчивого и ласкового, — медицине. Рамон, Гильермо и Томас одобрили планы брата.

Еще долго горел в тот вечер свет в гостиной на авениде Эспанья...

ПО СТОПАМ КРАСНОГО АЛЬЕНДЕ

Домой адвокат Альенде с женой и детьми вернулся тем же путем — железной дорогой в Вальпараисо, а оттуда пароходом в Такну.

Жизнь вошла в обычное русло. Семья Альенде занимала особняк с хозяйственными пристройками и большим двором по соседству с армейскими казармами. В Такие был расквартирован значительный гарнизон: рядом граница с недавним противником — Перу.

На полковом плацу весь день шли войсковые учения. Дети дон Сальвадора, в особенности Чичо, обожали верховую езду. Отец специально для них держал лошадей. Когда Чичо садился в седло, он мог наблюдать через забор казарменную жизнь, марширующих солдат. Его привлекал блеск начищенных ружей, грозный вид пушек, сложность пулеметов. Может быть, именно в эти годы зародилась в нем страсть к огнестрельному оружию, которую он сохранил на всю жизнь. Уже будучи взрослым, он любил хорошие ружья, пистолеты, разбирал их и чистил, стрелял в цель.

В Такие в то время гарнизоном командовал полковник Карлос Ибаньес дель Кампо, будущий диктатор Чили. Мать Чичо, донья Лаура, подружилась с женой полковника Росой Кирос Диас. В 1918 году, когда Чичо исполнилось десять лет, донья Лаура по совету доньи Росы решила уговорить мужа направить Чичо учиться в столичную гимназию — Национальный институт. Мальчик проявлял способности к наукам, а уровень преподавания в Такие был невысок. Дон Сальвадор согласился с доводами жены и отвез сына в Сантьяго, где оставил на попечение дяди Рамона. Чичо не замедлил стать одним из первых учеников Национального института.

Вскоре дон Сальвадор с семьей перебрался на жительство в Икике, в то время центр селитряной промышленности на севере Чили.

В связи с окончанием войны цены на селитру и другие предметы чилийского экспорта резко понизились, а на продукты первой необходимости подскочили. Добыча селитры и меди стала катастрофически снижаться. Число безработных выросло до 100 тысяч, и это при населении всего лишь в 3 миллиона 755 тысяч человек. В стране резко обострились классовые конфликты.

Тревожные для помещиков и банкиров известия поступали из-за рубежа. В Аргентине, Бразилии, Мексике происходили рабочие и студенческие волнения. В Европе рушились троны, распадалась империя.

Из далекой России, где народ сверг царя, а в октябре 17-го совершил победоносную социалистическую революцию, был слышен голос Ленина, призывавшего пролетариев мира объединиться в борьбе за мир и свободу.

Октябрьскую революцию приветствовала Социалистическая рабочая партия во главе с Рекабарреном.

Страх и неуверенность охватили пелуконов. В июле 1920 года власти расстреляли студенческую демонстрацию в Сантьяго, протестовавшую против полицейского террора. Многие участники демонстрации оказались в полицейских застенках. От пыток умер известный поэт Доминго Рохас. В феврале следующего года войска расстреляли рабочую сходку на селитряных копях в Сан-Грегорио, убив свыше 500 человек.

В этих условиях на политическую арену выплыл ловкий политик Артуро Алессандри Пальма, деятель либеральной партии, атаковавший олигархию — «позолоченного негодяя», как он ее называл, и обещавший соблюдать демократические свободы, улучшить положение рабочих, отделить церковь от государства. Его кандидатуру в президенты поддержали радикальная и либеральная партии, образовавшие Либеральный альянс. За Алессандри высказалась и Социалистическая рабочая партия, возглавлявшаяся Рекабарреном. Все это обеспечило Алессандри успех на выборах.

Отца Чичо издавна связывали с Алессандри дружеские отношения. Приезжая в Сантьяго навестить сына, дон Сальвадор бывал у «Льва из Тарапаки»^[7], как окрестили нового президента его сторонники. Случалось, что Алессандри и сам приезжал в дом на авени де Эспанья, чтобы повидаться с адвокатом Альенде. Маленький Чичо слышал, как восторженно отзывались об Алессандри взрослые, которым он казался поначалу великим реформатором и другом народа. Возможно, что Чичо тогда впервые узнал и о том, что у президента есть сын Хорхе, на 12 лет старше его, Чичо, инженер по профессии, с которым ему придется со временем сразиться в борьбе за президентское кресло.

Общий энтузиазм по отношению к Алессандри несколько поубавился, когда «реформатор» стал вместо обещанных реформ расстреливать рабочие демонстрации, как это делали и его предшественники. Охладел к своему кумиру и адвокат Альенде. Во время одной из встреч с Алессандри дон Сальвадор попытался узнать, думает ли президент осуществить обещанные реформы. Алессандри рассмеялся:

— Ты, Сальвадор, романтик, поэт. Пойми, одно дело — предвыборные обещания, другое — править народом из «Ла-Монеды». Это только со стороны кажется, что президент всемогущ, способен всех одеть,

накормить и напоить. Не тут-то было! Пелуконы — скуперджи, они эгоистичны и мстительны. Попробуй их тронуть, и они быстро выставят тебя из «Ла-Монеды». Ведь это их дом. Недаром он называется «Монедой», а обладатели монеты ты знаешь кто...

— Но ты ведь «Лев», действуй смело и решительно, и народ тебя поддержит. Или ты трусишь?

— Нет, но я не хочу потерять власть!

Дон Сальвадор неоднократно вспоминал этот разговор с Алессандри.

Чичо рано стал задумываться над тем, как менялись люди, становясь обитателями «Ла-Монеды», мимо которой он ежедневно проходил по пути в Национальный институт. «Ла-Монеда»! Здесь решались судьбы страны, отсюда управлял страной президент, к этому дворцу были устремлены взгляды и помыслы граждан. Но почему «Ла-Моне-у» так строго и бдительно охраняли солдаты? Кого и чего боялся президент? Был ли он узником «Ла-Монеды» или просто слабым и безвольным человеком?

Массивная «Ла-Монеда» с ее нескончаемой двойной анфиладой окон, стекла которых то нестерпимо сверкали под лучами солнца, то в непогоду нагоняли тоску своим холодным блеском, казалась ему все более загадочной.

Между тем в 1922 году неугомонный дон Сальвадор вновь сменил место работы и жительства. Из Икике он переехал в Вальпараисо, где получил должность начальника государственной нотариальной конторы порта. Это было весьма доходное место, ведь Вальпараисо — крупнейший порт Чили, через него проходит большая часть ввозимых в страну и экспортируемых из нее товаров. Материальное положение семьи значительно укрепилось. По просьбе отца Чичо оставил Сантьяго и присоединился к семье в Вальпараисо, где продолжал образование в местном лицее.

Чичо возвращается в город, где родился, в «переломном» возрасте. Ему 14 лет, он пишет стихи, начинает интересоваться политикой. Чичо рад встрече с Вальпараисо — городом неповторимым, многоязычным, многоэтажным, расположенным на террасах, идущих к морю и соединяющихся причудливыми лестницами и подъемниками. Через Вальпараисо, эти морские ворота Чили, на протяжении десятилетий проникали в страну новости из Европы, книги, философские и политические идеи и теории; приезжали артисты, писатели и другие заморские знаменитости. Здесь в конце XIX века служил в таможне великий никарагуанский поэт Рубен Дарио, здесь же он впервые опубликовал свой знаменитый сборник стихов «Лазурь». В Вальпараисо

собирались политические изгнанники, преследуемые тиранами в соседних странах. В этом порту некогда коротали свои дни в изгнании предки Эрнесто Че Гевары, да и сам он потом прибудет сюда, путешествуя по Латинской Америке.

Вальпараисо — одно из «чудес» Нового Света. Знамениты на всем тихоокеанском побережье его кабачки и бары, его лестницы и парки, его уникальные кушанья — морские ежи, пропитанные йодом, похлебка влюбленных из морских моллюсков, неповторимые по вкусу рыбы — конгрио, корбина, марискаль; его землетрясения, женщины, уличные певцы, белое искрящееся вино.

В прошлом, еще до открытия Панамского канала, во времена парусного флота, в Вальпараисо бывали моряки всего мира, о нем слагали песни поэты, о нем писали романисты и путешественники.

Пабло Неруда был влюблен в этот город, жил неподалеку от него, воспел его во «Всеобщей песне», которую Сальвадор Альенде считал одним из лучших произведений поэта:

Я люблю тебя, Вальпараисо,
все твое я люблю, невеста океана,
резкий свет среди ночи,
открывающий тебя матросу,
для него ты тогда
как цветок апельсина
в наготе из огня и тумана...
Королева всех побережий,
кораблей и приливов узел,
ты во мне, как луна и как ветер,
что живет в тенистой аллее.
Я люблю твои улицы и закоулки,
острый месяц над твоими холмами,
и люблю я твоих матросов,
разукрашенных синью мая.

Этот город был, ко всему прочему, колыбелью рабочего движения Чили. В нем действовала в те годы не только сильная организация Социалистической рабочей партии, но и революционные профсоюзы Рабочей федерации Чили. В Вальпараисо пустила корни завезенная американскими моряками боевая организация «Индустриальные рабочие

мира», время от времени бросали бомбы анархисты, фанатичные последователи Иберийской федерации анархистов.

В 1922 году рабочее движение в Чили находилось на подъеме. В начале этого года IV съезд Социалистической рабочей партии, заседавший в Ранкагуа, по предложению Луиса Эмилио Рекабаррена постановил присоединиться к Коммунистическому Интернационалу и переименовать партию в Коммунистическую партию Чили. Это событие широко обсуждалось в печати, среди рабочих, студентов.

Оживленные комментарии вызывали и сообщения из Советской России. Рождение нового мира на необъятных просторах бывшей царской империи, подвиги Красной Армии, победившей внутреннюю контрреволюцию и силы империалистических интервентов, конфискация помещичьей земли, фабрик, заводов и банков и передача их в руки трудящихся, деятельность Ленина, верховного вождя революции, — обо всем этом писали чилийские газеты. Одни — с ненавистью, другие — с удивлением и недоверием, третьи — сочувственно, с надеждой, что большевистский эксперимент увенчается успехом, воплотит в жизнь идеалы социальной справедливости, откроет новую эру в истории человечества.

Рекабаррен одним из первых в Чили понял историческое значение Октября. «Нынешняя Россия — это факел для всего мира, — писал он в 1918 году. — Привет этой России! Революционная Россия, освобождающая мир от войны, — это самый могучий оплот подлинной демократии трудового народа». С победой революции Россия, предвидел Рекабаррен, «будет несокрушимой базой для свержения капиталистического строя во всем мире, с его империализмом и милитаризмом».

В Чили политическая жизнь всегда носила бурный характер. Некоторые иностранные наблюдатели объясняли это какими-то особыми свойствами, якобы присущими чилийскому национальному характеру. Так, например, известный шведский писатель А. Лундквист пишет, что «в душе каждого чилийца, особенно жителя Сантьяго, вечно клокочет вулканическое беспокойство. Это мучительная неудовлетворенность жизнью, горестное сознание неспособности быть сразу всем, чем он хочет: европейцем и в то же время индейцем, чилийцем и гражданином мира, сыном природы и цивилизованным человеком. Сердце его сжигают совершенно противоположные стремления: к земле и техническому прогрессу, к деревенскому лету и городской зиме, к уединению и обществу».

Разгадку этого «вулканического беспокойства» следует искать в

социальных «болячках», свойственных Чили, как и иным странам Латинской Америки.

Знакомство с сапожником Хуаном Демарчи, мастерская которого находилась поблизости от дома Чичо, открыло юноше безбрежный и новый для него мир социальных утопий, классовых боев, рабочего движения со всеми его сложностями, нюансами, надеждами и разочарованиями.

Хуан Демарчи, итальянский эмигрант-анархист, как все анархисты, считал государство величайшим злом, которое следует разрушить, чтобы человек обрел счастье и свободу. В Латинской Америке слово «большевики» переводили как «максималисты», поэтому Демарчи считал их единомышленниками и с восторгом рассказывал Чичо о достижениях Страны Советов. Альенде, уже будучи президентом, вспоминал: «Закончив уроки в лицее, я заходил поговорить с этим анархистом, который оказал глубокое влияние на мое идейное развитие. Хотя ему было более 60 лет, он охотно беседовал со мной. Он научил меня играть в шахматы, он обсуждал со мной разные вопросы, он одалживал мне книги...»

Демарчи по сравнению с Чичо был старцем, но в своем собеседнике он видел не юнца, а кандидата в будущие борцы, ибо кому, как не молодым, следовало продолжать борьбу за святое дело освобождения человечества от всяческого гнета, которую начали в свое время великие титаны социализма. Так рассуждал старый анархист, заражавший Чичо своей пламенной верой в торжество добра над злом, снабжавший его брошюрами Бакунина, Кропоткина, Лафарга, Рекабаррена, итальянского анархиста Малатесты, чилийского демократа Франсиско Бильбао, испанского социалиста Пабло Иглесиаса.

Теперь Чичо совсем другими глазами смотрел на окружавшую его действительность: на толпы изможденных от недоедания и болезней рото, в прохудившихся одеждах, страдающих зимой от холода и летом от жары, на самодовольных, разодетых по последней моде богачей, претендовавших на роль вершителей судеб страны. Армия, полиция, судьи, духовенство — прислужники эксплуататоров, с жаром убеждал своего юного друга старый анархист, и Чичо с каждым днем все больше верил ему, ибо сама жизнь подтверждала рассуждения Демарчи.

В 1924 году Чичо закончил с отличием лицей и стал чемпионом страны среди юношей по десятиборью и плаванию. Он с самозабвением отдавался спорту, обожал верховую езду, стрельбу по мишеням. Юноша рос крепким, выносливым, энергичным, веселым. Но любовь к жизни и ее радостям не превратила его в беззаботного и бездумного повесу, как часто случалось со многими сверстниками его круга. Юного Альенде все больше

и больше волновала судьба обездоленных, их борьба за социальное освобождение. Он уже понимал, что это проблема «номер один» для его народа, хотя и не видел еще конкретных путей ее решения.

На семейном совете согласились, что Чичо посвятит себя медицине, следуя укоренившейся в семье традиции. Это совпадало и с его собственным желанием. Ведь врач, как подтверждали своей деятельностью его прадедушка и дедушка, может принести много добра нуждающимся и отверженным. А творить добро Чичо уже тогда считал основной целью человеческого существования.

В то время медицинское образование в Чили можно было получить только в Национальном университете в Сантьяго на медицинском факультете, деканом которого некогда был прадедушка Чичо. О том времени напоминал студентам портрет доктора Висенте Падина, висевший в кабинете декана.

Согласно чилийскому законодательству каждый мужчина, достигший 18-летнего возраста, должен пройти военную службу. Чтобы не прерывать потом учебу в университете, Чичо решает поступить добровольцем в армию еще до достижения совершеннолетия, сразу же после окончания лицея. Военную службу он проходит в кирасирском полку, расквартированном неподалеку от Вальпараисо, на аристократическом курорте Винья-дель-Мар. Здесь Чичо сталкивается со слепой, бездушной дисциплиной, привитой прусскими инструкторами.

Еще в конце XIX века в Чили усилилось влияние германского капитала, резко возросла иммиграция немцев в страну, где они оседали целыми колониями. В Вальдивии, например, их стало так много, что эта провинция походила на немецкое княжество. В 1895 году правительство пригласило германскую военную миссию, поручив ей реорганизацию и модернизацию чилийской армии. Немцы принялись за дело со свойственной им профессиональной деловитостью. Они внесли в армию «прусский дух». Офицерский корпус, и без того гордившийся одержанной в Тихоокеанской войне победой, стал еще более заносчивым, спесивым и замкнутым. В нем быстро росло число выходцев из Германии, немецкие колонисты считали лучшей карьерой для своих сыновей военную.

Не прошло и десяти лет, как чилийская армия внешне стала походить на германскую. Армейская форма, прусский гусиный шаг, палочная дисциплина — все напоминало больше прусские, чем местные традиции.

Чичо не приемлет палочную дисциплину. Когда однажды его товарища по службе несправедливо наказал офицер, Чичо запротестовал, за что был послан на гауптвахту. Офицеры-профессионалы с недоверием относились к

отпрыску семьи Альенде, за которой укоренилась слава масонов и радикалов. Однако поводов для претензий он не давал. Чичо безупречно нес строевую службу, отлично управлялся с конем, был отменным стрелком, прекрасно разбирался в военном деле.

В то же время за месяцы пребывания в кирасирском полку Чичо смог убедиться, что офицеры, в особенности молодые, далеко не все реакционны. Среди демократически настроенных офицеров — выходцев из средних слоев, вынужденных жить на скудное жалованье, — пользовался популярностью полковник Мармадуке Грове. Он был близко связан с семьей Альенде: его брат Эдуардо был женат на сестре Чичо — Инее. Дон Марма, как называли в семье полковника, сын ирландского врача, осевшего в Чили, служил не только в сухопутных войсках, но на флоте и в авиации, был военным атташе в Лондоне и Берлине, где стал сторонником социал-демократии. Он часто бывал в доме дона Сальвадора, и Чичо неоднократно был свидетелем политических споров и дискуссий между его отцом и полковником, отличавшимся резкостью суждений и вынашивавшим планы социальных реформ.

Тем временем в жизни дона Сальвадора произошли новые перемены. Он был назначен членом Комитета жалоб, которому поручалось наблюдение за проведением плебисцита в Такне. Плебисцит должен был решить дальнейшую судьбу этой территории. Семья Альенде в этой связи вновь переезжает в Такну, с нею едет Чичо.

На этот раз Альенде пробыли в Такне недолго. Плебисцит был отложен, комитет распущен, и дон Сальвадор вернулся в Вальпараисо.

В 1926 году Чичо начинает учиться на медицинском факультете столичного университета. Его влечет политика. В Чили, как и в других латиноамериканских странах, по установившейся традиции студенты принимают самое деятельное участие в политической борьбе. В 1918 году по всем высшим учебным заведениям континента прокатилась волна студенческих выступлений — учащиеся требовали осуществления университетской реформы. Студенты добивались признания за ними права на участие в университетском управлении, изгнания из университетов профессоров-реакционеров и клерикалов и других преобразований, которые должны были сделать вузы более демократичными и независимыми от прихотей диктаторов. Движение за университетскую реформу началось в аргентинском городе Кордове, откуда перекинулось в университеты других стран. Коммунисты оказывали ему всемерную поддержку, а студенты — сторонники реформы, со своей стороны, выступали за смычку с рабочим движением.

В Сантьяго, где университет был расположен поблизости от «Ла-Монеды», политические кризисы часто начинались со студенческих беспорядков. И ни один политический кризис не обходился без убитых во время демонстраций или замученных в полиции студентов.

В Сантьяго во главе движения учащихся университета стояла студенческая федерация, руководство которой, как правило, выступало с радикально-демократических позиций. За годы пребывания в университете Сальвадор Альенде стал одним из лидеров прогрессивного студенческого движения. Он был признанным вожаком студентов медицинского факультета, избирался президентом студенческого факультетского центра, вице-президентом студенческой федерации и членом университетского совета. Он возглавлял левую студенческую организацию «Авансе» («Наступление»), был руководителем одной из студенческих забастовок, за что его исключили на некоторое время из университета.

Чичо принимал самое деятельное участие в организации вечерней общеобразовательной школы для рабочих и сам преподавал в ней основы социальной медицины. У него на все хватало энергии и способностей: и на учение, и на политику, и на работу. Ведь ко всему прочему он еще и зарабатывал на жизнь и на оплату университетского курса, ибо отец был не в состоянии нести расходы по образованию всех четырех детей. Дон Сальвадор мог оплатить только образование дочерей и отложить некоторую сумму им на приданое. Чичо, будучи студентом, работал ассистентом на патолого-анатомической и стоматологической кафедрах, затем в «Скорой помощи» и психиатрическом госпитале. Он ежедневно соприкасался с человеческим горем, заботами, нищетой, болезнями. Это был как бы второй его университет.

Альенде говорил потом, что именно в студенческую пору он впервые знакомится с трудами Маркса, Энгельса, Ленина и становится убежденным социалистом и антиимпериалистом, каким останется до последнего дня своей жизни. Работы марксистских авторов, которые он читал в студенческие годы, глубоко врезались в его память, стали основой его мировоззрения. Среди этих работ он выделял «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Государство и революция» и «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленина. Он также штудировал в ту пору «Капитал». Эти и другие работы теоретиков марксизма читались вслух и обсуждались на собраниях организации «Авансе», причем инициатором коллективного их изучения был Чичо Альенде.

Альенде обладал прекрасной памятью, он поражал своих слушателей,

цитируя отрывки из различных политических или литературных произведений, строфы классических и малоизвестных поэтов.

Поэзия занимала видное место в его жизни. Вышедший в 1924 году сборник стихов Пабло Неруды (поэт был на 4 года старше Чичо) «Двадцать поэм любви и одна песня отчаяния» на долгие годы стал его настольной книгой. Со страниц этого сборника веяло неумемной жаждой жизни, верой в торжество любви, в ее могучую силу:

Тело женщины — белые холмы, белые бедра, —
отдаваясь, ты подобно целому миру.
Неистовым пахарем вторгается в тебя мое тело,
исторгая дитя из глубин земли.

В то же время Неруда, как бы в предчувствии грядущих грозных событий, раскрывал ограниченность любовных переживаний, их преходящий характер, если им не сопутствуют более глубокие общечеловеческие переживания, надежды, стремления:

О, искусанный рот, пожар исцелованной плоти,
о, голодные зубы, о, тесное тел сплетенье!
О, слиянье безумное наших надежд и порывов,
о, наши объятья и отчаянье наше!

И нежность, невесомей воды и муки,
и слова, что у нас на губах рождались,
то было моей судьбой, по ней моя страсть прошла,
и в ней мой страсть утонула. Все было
кораблекрушением!

12 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРАЯСЛИ РЕСПУБЛИКУ

Президент Алессандри был свергнут 5 сентября 1924 года военной хунтой. Но сама хунта просуществовала всего лишь четыре месяца. Члены ее никак не могли договориться между собой, выработать единую программу действий. В стране создалась хаотическая ситуация.

Часть офицеров стремилась установить реакционную диктатуру, другая помышляла о реформах буржуазного типа. Возобладали первые. Их вождь полковник Карлос Ибаньес дель Кампо 25 января 1925 года захватил власть. Чтобы усыпить бдительность своих противников, он вскоре передал бразды правления вновь Алессандри, в правительстве которого занял ключевой пост военного министра.

Алессандри провел конституционную реформу, наделившую президента большими полномочиями. Новая конституция отделила церковь от государства, осуществив давнишние чаяния прогрессивных кругов Чили. Однако это отделение носило чисто формальный характер. Оно настолько не ущемляло традиционных позиций церкви в чилийском обществе, что даже Ватикан не возражал против него.

В конце 1925 года состоялись выборы нового президента. Избранный на этот пост Эмилиано Фигероа был марионеткой в руках Ибаньеса, но вскоре честлюбивый полковник отделился и от него и сосредоточил всю полноту власти в своих руках.

Ибаньес, последователь фашизма, любил, чтобы его называли «Муссолини Нового Света». Одним из первых его актов была реорганизация полиции по итальянскому образцу. Муссолини прислал в Чили своих «экспертов», создавших корпус карабинеров, задачей которого было преследование коммунистов, профсоюзных активистов, подавление забастовок, разгон демонстраций.

Ярый антикоммунист, еще в 1922 году призывавший «решительно порвать связи с красной Москвой», Ибаньес развязал в стране террор против прогрессивных деятелей. Компартия была запрещена, ее руководители сосланы на безлюдные острова архипелага Хуан-Фернандес и на остров Пасхи. Вместе с коммунистами подверглись преследованиям и противники диктатора из буржуазного лагеря. Ибаньес произвел чистку в армии, изгнав из ее рядов демократически мыслящих офицеров, в том

числе полковника Мармадуке Грове, вынужденного эмигрировать в Буэнос-Айрес.

Диктатор применял не только репрессии. Следуя примеру Муссолини, он упражнялся в социальной демагогии. Он провел через конгресс кодекс труда, включив в него закон о социальном страховании, о пенсиях по старости и инвалидности и другие меры, за осуществление которых боролись рабочие. Диктатор создал «народные дома» для рабочих наподобие итальянских фашистских организаций «Дополаворо», которые якобы заботились о досуге трудящихся, а в действительности пытались привить им вирус антикоммунизма. Диктатору удалось заручиться поддержкой правых элементов в рабочем движении, которые выступали за ликвидацию компартии. Ликвидаторы, возглавляемые сенатором Мануэлем Идальго, ставшим затем лидером троцкистских раскольников, открыто сотрудничали с Ибаньесом.

В 1927 году Ибаньес устроил новые президентские выборы. Чтобы придать им видимость законности, диктатор частично освободил из ссылки и тюрем политических: заключенных. Из всех партий только коммунисты осмелились противопоставить Ибаньесу своего кандидата — ветерана рабочего движения Элиаса Лаферте. Это разъярило диктатора. На коммунистов обрушились репрессии, а их кандидат был вновь сослан на остров Пасхи. Став «законным» президентом, Ибаньес продолжал политику террора, намереваясь вырвать с корнем «коммунистическую заразу». Но компартия продолжала существовать и бороться, хотя и вынуждена была уйти в глубокое подполье.

Режим Ибаньеса знаменовал собой переориентацию правящих кругов Чили с Англии на Соединенные Штаты. Ибаньес содействовал проникновению американского капитала в селитрянную промышленность. При нем американская компания «Анаконда коппер майинг» захватила контроль над производством меди, монополистический трест «Интернейшнл телефон энд телеграф» (ИТТ) получил концессию на эксплуатацию телефонно-телеграфных линий, а американская, хоть и с местным названием, «Чилийская электрическая компания» приобрела на 99 лет концессию на распределение электроэнергии. Активное внедрение капитала США в годы правления Ибаньеса затронуло интересы англичан, занимавших до этого господствующие позиции в экономике страны, обострило межимпериалистические противоречия в этом районе. В 1930 году капиталовложения США в Чили достигли 729 миллионов долларов. Это был гигантский скачок по сравнению с 1913 годом, когда они составляли всего 15 миллионов долларов. По объему американских

капиталов Чили заняла второе место после Кубы.

Проамериканская деятельность Ибаньеса вызывала недовольство тех кругов чилийской буржуазии, которые традиционно ориентировались на Англию. Алессандри и другие буржуазные деятели, которых Ибаньес лишил — власти, намеревались свергнуть его путем заговора. Они привлекли на свою сторону полковника Мармадуке Грове, который в августе 1928 года перелетел из Аргентины на самолете в Вальпараисо в надежде поднять на восстание местный гарнизон. Однако сразу же после приземления он был схвачен карабинерами, осужден на 10 лет тюремного заключения и отправлен отбывать его на остров Пасхи, где оставался вплоть до падения диктатора в 1931 году. С Грове в заключении находился его брат, женатый на сестре Альенде.

Газеты много шумели по поводу дела о «красном самолете», как окрестили авантюру дона Мармы, самолет которого был окрашен в красный цвет. Печать диктатора обвиняла дону Марму в том, что он якобы пытался возглавить «коммунистический заговор». Эти события, разумеется, не могли пройти незамеченными для Чичо и других членов семьи Альенде, для которых полковник Грове был своего рода эталоном мужества и патриотизма. Ссылка его на остров Пасхи, в то время почти совершенно отрезанный от материка (на остров только дважды в год приходило из Вальпараисо небольшое судно) и известный тогда не столько своими каменными истуканами, сколько колонией прокаженных, вызвала к дону Марме волну сочувствия в самых широких кругах чилийского общества.

Сочувствовал дону Марме и Чичо. Его с юных лет привлекали деятельные и мужественные люди. Он сам станет со временем таким, хотя и без внешних атрибутов, якобы всегда сопутствующих энергичным человеческим натурам. Мужество и неугасимая энергия будут скрыты в нем под обличьем добродушного близорукого врача, который скажет потом, что он не сделан из теста мученика, героя или жертвы, но погибнет как герой.

Между тем и без того напряженное положение в Чили еще более обострилось в результате кризиса, охватившего в 1929 году весь капиталистический мир. Мировой кризис вызвал в Чили своего рода политическое и экономическое землетрясение. Страну лихорадило и трясло три года, причем за этот период сменился добрый десяток правителей и произошла дюжина, если не больше, разного рода переворотов.

Но расскажем обо всем по порядку. Мировой кризис вызвал резкое сокращение экспорта важнейших чилийских товаров — селитры и меди, закрылись многие фабрики, обесценились деньги, число безработных стало

быстро расти, дойдя до небывалой для Чили цифры 200 тысяч человек. Чтобы не дать людям умереть с голоду, благотворительные организации кормили их похлебкой, которую развозили в огромных котлах по городам страны.

Диктатор Ибаньес лихорадочно пытался удержать власть, с одной стороны, усиливая преследования коммунистов, с другой — заигрывая с лидерами буржуазных партий — либералами и радикалами. Однако он уже был не в силах совладать с растущей оппозицией. Против диктатора выступали трудящиеся, требовавшие хлеба и работы. Их поддерживали студенты. В Сантьяго они захватили здание университета, превратив его в центр борьбы с диктатурой.

В этих событиях видную роль играла группа «Авансе», лидером которой был Сальвадор Альенде. Он возглавляет антиправительственную студенческую демонстрацию и выступает на митинге перед зданием медицинского факультета. Карабинеры стреляют в студентов и убивают одного из них, Хайме Пинто Риосеко.

Гибель студента еще больше накаляет страсти. Карабинеры арестовывают студенческих вожakov, в том числе и Сальвадора Альенде.

Ибаньес хитрит, лавирует. Он все еще надеется удержать власть. Он объявляет амнистию политзаключенным. Альенде обретает свободу. В университете студенты оказывают ему восторженный прием. В столице и других городах проходят антиправительственные демонстрации. Диктатор вновь обращается к силе. 24 июля 1931 года он приказывает войскам очистить университет от восставших студентов. Войска пытаются взять здание университета штурмом. В результате несколько студентов убиты, многие ранены. Но солдатам не удается захватить университет. Коммунисты, трудящиеся из Рабочей федерации Чили, студенты объявляют на 27 июля всеобщую забастовку. Ибаньес вызывает в «Ла-Монеду» лидеров буржуазных партий в надежде договориться с ними на антикоммунистической платформе. Но на его призыв никто не откликнулся. Оказавшись в полной изоляции, диктатор накануне всеобщей забастовки бежит из «Ла-Монеды», оставив вместо себя своего родственника председателя сената Педро Опасо.

Падение диктатора вызвало ликование в стране. Трудящиеся вышли на улицы с красными знаменами, требуя суда над Ибаньесом. Перепуганный Опасо, в свою очередь, не пробыв в «Ла-Монед» и 24 часов, отказывается от власти. «Ла-Монеду» захватывает правый радикал Хуан Эстебан Монтеро, занимавший пост министра внутренних дел в одном из кабинетов Ибаньеса. Он обещает в октябре провести президентские выборы. 22

августа в связи с выдвижением его кандидатуры на президентский пост Монтеро покидает президентский дворец, передав бразды правления своему доверенному человеку правому радикалу Мануэлю Трукко.

Экономическое положение страны продолжает ухудшаться. Ибаньес за годы своего правления буквально заложил страну иностранным, в основном американским банкирам. Внешний долг Чили достиг астрономической цифры 4 миллиарда 500 миллионов песо. Безработица продолжала расти. Государственная казна опустела. Чтобы наскрести необходимые ресурсы, правительство Мануэля Трукко не нашло ничего лучшего, как снизить на 30 процентов жалование матросам и офицерам военно-морского флота.

Чили в отличие от других латиноамериканских республик обладала сравнительно большим военно-морским флотом, который тогда состоял из 35 кораблей различного назначения и тоннажа с общим экипажем около 14 тысяч человек. Решение правительства снизить жалование морякам вызвало стихийное восстание на флоте. В Кокимбо, Талькауано, Вальпараисо матросы арестовали офицеров и образовали революционный комитет под названием Штаб экипажей. Он потребовал не только отменить снижение жалования морякам, но и осуществить аграрную реформу, изгнать из-страны иностранные монополии, демократизировать армию.

Власти и реакционная печать подняли крик о большевистском мятеже на флоте. Правительство объявило осадное положение и направило против взбунтовавшихся моряков верные ему части. Одновременно оно отменило декрет о снижении жалования морякам. Ультраправые организации создали «гражданскую гвардию» в 15 тысяч человек, члены которой стали громить профсоюзы и охотиться за коммунистами.

5 сентября правительственные войска предприняли генеральное наступление на восставших. Мятежные корабли, стоявшие на рейде, подверглись артиллерийскому обстрелу береговых батарей и бомбежке с воздуха. Восставшие пытались сопротивляться, но среди них не было единства. Во время боев погибло около 2500 моряков в солдат. Руководство в Штабе экипажей захватили противники восстания. 7 сентября они капитулировали. Девять руководителей были приговорены к смертной казни, сотни осуждены на каторгу и ссылку на пустынные острова в Тихом океане.

Восстание на флоте, хотя и было подавлено, говорило о наличии революционного кризиса в стране. К сожалению, рабочее движение было слишком слабым. Оно не смогло оказать морякам существенную поддержку и повести за собой недовольные массы населения. В компартии

преобладали сектантские взгляды. Коммунисты агитировали за советскую власть, этот лозунг не был понятен большинству трудящихся. Объявленная Рабочей федерацией Чили всеобщая забастовка в поддержку восставших моряков не имела успеха. В студенческом движении также не было единства по вопросу о тактике борьбы с реакцией. В группе «Авансе» возобладали ультралевые элементы. Альянде не разделял их взглядов и был исключен из группы за «реформизм», в котором не был повинен.

4 октября в условиях осадного положения состоялись президентские выборы. Баллотировались три кандидата: Хуан Монтеро от радикальной партии, Артуро Алессандри от либералов и Элиас Лаферте от коммунистов. Победил, как и следовало ожидать, Монтеро, пользовавшийся официальной поддержкой. 4 декабря он вступил в должность президента. Антикоммунистические преследования усилились. Компартия вновь была объявлена вне закона. На рождество 25 декабря 1931 года власти устроили настоящую охоту за членами партии, убив 29 человек. 11 января 1932 года Рабочая федерация Чили и другие массовые прогрессивные организации объявили всеобщую забастовку против репрессивной политики правительства. Она продолжалась два дня, охватив широкие слои трудящихся. При помощи карабинеров и войск власти подавили забастовку.

Террор, поощрение деятельности иностранных монополий, защита интересов помещиков и капиталистов — такова была политика президента Монтеро. Она вызывала все большее сопротивление в самых различных слоях чилийского общества. Против Монтеро стали высказываться не только коммунисты, рабочие, студенты, но и многие деятели радикальной партии, а также последователи Ибаньес а и Алессандри.

Что же делал все эти месяцы Сальвадор Альянде? Его можно было видеть на студенческих сходках и демонстрациях, требовавших отставки Монтеро, кроме того, он учился и работал. В 1932 году Чичо заканчивал медицинский факультет, надо было готовиться к выпускным экзаменам, писать дипломную работу. Положение его было не из легких. Отец, тяжело больной диабетом, находился в больнице. Мать с трудом сводила концы с концами. Ведь у семьи, кроме заработков доня Сальвадора, других источников дохода не было. Чичо спешил поскорей закончить учебу, чтобы получить диплом врача и иметь возможность оказывать помощь семье. В первой половине 1932 года он сдает последние экзамены, как всегда на «отлично», и едет в Вальпараисо, чтобы быть поближе к родным. Здесь ему предстоит пройти ординаторскую практику и написать дипломную работу.

Пожалуй, никогда до этого в Чили не было столь популярно слово «социализм», как в начале 30-х годов. Правительство явно было не в

состоянии справиться с бедственным экономическим положением страны, покончить с безработицей, обеспечить пищей и кровом трудящихся.

В то же время, как далеко ни находилась Чили от Советского Союза и как ни чернила и ни извращала советскую действительность лживая буржуазная печать, правда о великих переменах в Стране Советов проникала сквозь густую пелену клеветы и в эту страну.

В Советском Союзе ликвидирована безработица! Там народ покончил с нищетой. Страна вся покрыта стройками, рабочие трудятся с невиданным доселе энтузиазмом. Как же русские добились этого? Они свергли буржуазный строй, отдали землю крестьянам, фабрики и заводы превратили в народное достояние, ввели плановую экономику. Их пятилетки — чудо XX века!

Но если такие чудеса возможны в России, то они возможны и в Чили. Социализм, плановая экономика — вот выход из положения. Так рассуждали многие чилийские студенты и даже политические деятели либерального толка, последние не столько из симпатии к социализму и Советской власти, сколько из желания нажить политический капитал, исповедуя «модные» теории. Все эти мнимые и действительные сторонники социализма запоем читали не только Маркса, Энгельса, Ленина. Они читали и Троцкого, и Бухарина, и им подобных, произведения которых печатались тогда в Испании и широко распространялись в Латинской Америке. Можно представить, какой сумбур возникал в головах некоторых из обращенных в социализм после некритического поглощения столь разнообразной литературы, да еще в далеко не совершенных переводах, да еще с желанием «улучшить» содержание, интерпретировать на свой вкус, «применительно к чилийским условиям».

Повальное увлечение социализмом нашло свое выражение в появлении различных политических группировок, провозглашавших себя социалистическими: «Новое общественное действие», «Революционное социалистическое действие», «Социалистическая марксистская партия», «Социалистический порядок», «Объединенная социалистическая партия» и им подобные. На внезапное обилие этих социалистических группировок обратил внимание XII пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала: «Несколько времени тому назад в Чили не существовало ни одной социалистической партии, а теперь их там имеется, по крайней мере, около десятка».

К одной из вышеназванных партий, «Новое общественное действие», примкнул полковник Мармадуке Грове. После падения диктатуры Ибаньеса Грове возвратился из ссылки с острова Пасхи, был принят обратно в армию

и назначен начальником военно-воздушной базой «Эль-Боске», расположенной вблизи Сантьяго. Уже десять лет, как он последовательно выступал с позиций защиты интересов «маленького человека», с позиций друга народа. Теперь Грове открыто провозгласил себя социалистом.

Энергичный полковник стал центром притяжения различных группировок, выступавших против правительства Монтеро. Президент решил, что будет спокойнее, если он отделается от дона Мармы. По его указанию военный министр 3 июня 1932 года отдал приказ о смещении Грове с поста начальника военной базы. Грове отказался подчиниться и образовал революционную хунту, в которую вошли, кроме него самого, отставной генерал А. Пуга, Карлос Давила, бывший при Ибаньесе послом в Вашингтоне, и лидер «Нового общественного действия» Эухенио Матте Уртадо. Хунта обосновалась в «Эль-Боске», потребовала от Монтеро уступить ей власть и издала прокламацию — с призывом создать «социалистическое правительство». Ее поддержали авиация и армейские части, расквартированные в Сантьяго.

Монтеро попытался через Артуро Алессандри уговорить Грове сложить оружие. Но Алессандри поддерживал с доном Мармой дружеские отношения и надеялся превратить его в орудие своего влияния. Поэтому, вместо того чтобы убеждать Грове сдаться, Алессандри посоветовал ему проявить решительность и выставить потерявшего всякий авторитет и политическое влияние Монтеро из президентского дворца. Располагая поддержкой Алессандри и его сторонников, Грове 4 июня окружил «Ла-Монеду» перешедшими на его сторону военными частями, затем явился во дворец и потребовал, чтобы Монтеро немедленно убирался вон. Президент безропотно подчинился.

Хунта преобразовалась в правительство, в котором Грове занял пост военного министра. 6 июня новое правительство провозгласило Чили «социалистической республикой», опубликовав программу неотложных экономических мероприятий. Правительство обещало установить контроль над распределением предметов пахания, конфисковать необрабатываемые земли и передать их малоземельным крестьянам, создать государственные нефтяную, табачную, сахарную и другие компании, социализировать банки, амнистировать осужденных моря-кое и других политзаключенных, установить дипломатические отношения с Советском Союзом, ввести наряду с частной коллективную собственность на средства производства.

Хотя в программе творцов «социалистической республики» и не упоминалось слово «империализм», он тем не менее недвусмысленно осуждался. Программа отмечала, что экономика страны контролируется

иностранными компаниями, извлекающими из эксплуатации природных богатств Чили огромные прибыли. Программа требовала освобождения республики из-под гнета иностранного капитала.

На основе программы хунта стала декретировать различного рода законы. В частности, один из-них (№ 520) давал правительству право реквизировать предприятия, производящие предметы первой необходимости или имеющие стратегическое значение, в случае приостановления производства их владельцами. Эти и другие декреты «социалистической республики» не были проведены в жизнь, но они и не были отменены после ее падения. О них просто забыли. 40 лет спустя о них вспомнит и их использует в интересах народа президент Сальвадор Альенде...

Провозглашение Чили «социалистической республикой» и ее программа взбудоражили умы не только в этой стране, но и за рубежом. Всполошились монополисты в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине. Местная реакция собирала силы. Вновь стали сколачиваться погромные отряды, на этот раз под названием «республиканской милиции»). Англия и США отказались признать новое правительство, угрожая ему всякого рода санкциями. Коммунисты, укрепившись в университете, со своей стороны, приступили к созданию революционных советов рабочих и крестьян. Их делегация посетила «Ла-Монеду», где в Красном зале была принята Грове и Матте Уртадо.

Коммунисты потребовали от создателей «социалистической республики» вооружить рабочих и создать мощный союз солдат, рабочих и крестьян. Грове, однако, не решался идти столь далеко. В правительстве вскоре обнаружились непреодолимые разногласия. Член хунты Карлос Давила, защищавший, как потом обнаружилось, американские интересы, всячески толкал ее вправо. 12 июня Давила был удален из хунты, а 16 июня он возглавил против нее военный мятеж. Ему удалось заручиться поддержкой частей столичного гарнизона, которые заняли авиабазу «Эль-Боске» и здание военного министерства. Оттуда мятежники атаковали «Ла-Монеду», где захватили Грове и Матте Уртадо. Первая в Латинской Америке «социалистическая республика» перестала существовать.

Хотя «социалистическая республика» продержалась всего 12 дней и, кроме амнистии политическим заключенным, не успела осуществить ни одного своего декрета, сам факт ее провозглашения, ее весьма радикальная программа доказывали, что социализм не такая уж утопия для Чили. При всей своей символичности «социалистическая республика» представляет собой определенный этап в новейшей истории Чили, истории ее рабочего и

национально-освободительного движения. Иногда подлинными революциями начинаются с такого рода «романтических авантюры», как назвал «социалистическую республику» один из ее историков. Во всяком случае, «социалистическая республика» имела одно важное последствие для будущих социальных битв Чили — она породила социалистическую партию, лидером которой стал Грове и которая отмечала день 4 июня 1932 года как свой партийный праздник. Именно в этой партии сформировался как политический деятель и как борец за социализм Сальвадор Альенде.

В напряженные дни существования «социалистической республики» Альенде находился в Вальпараисо. Он принял активнейшее участие в мобилизации студенческих масс в поддержку Грове. Когда же Грове свергли, Чичо призывал к борьбе с Давилой и его сообщниками. После избрания президентом Альенде вспоминал:

«Во время митинга в юридической школе я, выступая от имени студентов, произнес речь, после которой был арестован не только я, но и некоторые мои ближайшие родственники, в том числе мой зять — брат Мармадуке Грове — и мой брат, который вообще не участвовал в политической борьбе. Как явствует из этого, мы были связаны теснейшими семейными узами с Грове. Нас судил военный суд, но мы были оправданы. Тем не менее нас заключили в тюрьму и дело передали другому военному трибуналу. Началось новое следствие. Отец мой был болен, ему ампутировали ногу, на второй ноге у него появилась гангрена. Положение его стало критическим. Мне и брату позволили навестить его. Увидев его, я, как врач, понял, что он умирает. Я мог обменяться с ним только несколькими словами. Он сказал мне и брату, что оставляет нам в наследство незапятнанное имя честного человека, а это больше, чем материальные ценности. На следующий день он умер. На его могиле я поклялся, что посвящу себя борьбе за свободу народа, за социальное освобождение страждущих. Думаю, что я остался верен этой клятве».

После падения «социалистической республики» правительство возглавил Карлос Давила. Он пробыл в «Ла-Монедра» всего 100 дней.

По приказу Давилы Грове и Матте Уртадо были вновь высланы на остров Пасхи, компартия объявлена вне закона, по всей стране началась охота за коммунистами, социалистами, рабочими, студентами. Давила установил в стране режим кровавой диктатуры. Он произвел чистку армии от сторонников Грове, ввел осадное положение. Организованная им банда громил, присвоившая себе название социалистического легиона, разгоняла рабочие сходки, устраивала террористические акты против деятелей рабочего движения, членов коммунистической партии.

Хотя Давилу энергично поддерживал Вашингтон, а также Англия, Италия и Германия, ему недолго удалось удержаться у власти. Режим этого агента американского империализма оказался полностью неспособным вывести страну из трясины кризиса, решить хоть одну из экономических или политических проблем Чили. Опасаясь, что Давила может быть свергнут восставшим народом, командующий вооруженными силами генерал Бартоломе Бланче 13 сентября 1932 года устранил его, как сообщали газеты, «без единого выстрела» и сам провозгласил себя «главой государства».

Однако новый хозяин «Ла-Монеды» пробыл в ней только 19 дней. В конце сентября на крайнем севере Чили в городе Антофагасте против него выступил командующий местным гарнизоном генерал Вигнола. Он потребовал восстановления конституционного порядка, угрожая в противном случае отделить провинцию Антофагаста от Чили. Вигнолу поддержали войска в Консепсьоне. Опасаясь худшего, в ночь на 2 октября 1932 года генерал Бланче покинул «Ла-Монеду», передав власть председателю Верховного суда Ойянделю. Сформированное последним правительство из сторонников Алессандри провозгласило амнистию политическим заключенным и назначило на 30 октября выборы президента республики и членов конгресса.

Из тюрем вышли коммунисты, сторонники «социалистической республики», профсоюзные активисты. Обрел свободу и Сальвадор Альенде. С острова Пасхи пароход привез в Вальпараисо полковника Мармадуке Грове и его соратника Матте Уртадо. Трудящиеся порта восторженно приветствовали их. Среди встречавших дону Марму был и Сальвадор Альенде. Тюрьма помешала ему закончить дипломную работу, а теперь вновь пришлось отложить работу над ней.

Предстояли президентские выборы, на которых собирался баллотироваться полковник Грове. Нужно было оказать помощь дону Марме, и Сальвадор с головой ушел в предвыборную кампанию.

В октябрьских выборах участвовало с десятков кандидатов в президенты, в их числе от либералов и консерваторов Артуро Алессандри, изрядно одряхлевший и поправевший «Лев из Тарапаки»; от сторонников «социалистической республики» — Мармадуке Грове; от коммунистической партии — Элиас Лаферте. От шумной группки троцкистов Мануэль Идальго, оппортунист и раскольник, исключенный из компартии.

Власти явно благоволили к Алессандри. Его поддерживал крупный капитал, иностранные монополии. Буржуазия надеялась, что этот опытный

политик, выступавший под маркой демократа и сторонника реформ, поможет стабилизировать политическое положение в стране, обуздать трудящихся с помощью не только преследований, но и мелких уступок. Алессандри получил чуть больше половины поданных голосов — 183 тысячи. Вторым шел Грове: за него проголосовало 60 тысяч избирателей. Это можно было считать большой победой дона Мармы, который не имел ни средств, ни людей для своей предвыборной кампании. Элиас Лаферте получил 4 тысячи голосов, Идальго — несколько десятков. Коммунисты и сторонники Грове завоевали 8 мест в сенате и 16 мест в палате депутатов. Это тоже был успех, и немалый, левых сил.

26 декабря 1932 года Артуро Алессандри вселился в «Ла-Монеду» в качестве конституционного президента Чили. Хаотическая политическая жизнь в стране стала постепенно входить в нормальное русло.

Второе президентство Алессандри знаменует начало «мирного» периода развития Чили. На протяжении 40 лет будут регулярно проходить выборы, один президент будет сменять другого, будет действовать парламент. Почти полвека Чили казалась счастливым исключением в Латинской Америке, где, как правило, каждый генерал стремился завершить свое «служение» родине, овладев президентским дворцом.

Что же произошло в эти годы с чилийскими генералами, которые в прошлом столь упорно пытались обосноваться в «Ла-Монедо»? Не переродились ли они, не превратились ли действительно в стражей конституции? Или у них были другие причины, диктовавшие им столь «неестественное» поведение? На эти вопросы читатель найдет ответ несколько позднее.

Пока же отметим, что эти десятилетия конституционного правления создавали иллюзию, что не только чилийская армия является «особым» по сравнению с ее латиноамериканскими «сестрами» законопослушным организмом, ко и сама Чили превратилась в республику с «особым», демократическим, мирным путем развития.

Однако более пристальное внимание к политическим событиям, происходившим в стране в эти десятилетия, вышит картину значительно более сложную и противоречивую. Сделать это поможет политическая деятельность Сальвадора Альенде, одного из главных действующих лиц «мирного» сорокалетия.

МИНИСТР НАРОДНОГО ФРОНТА

В конце 1932 года Сальвадор Альенде наконец заканчивает свою дипломную работу «Психическое здоровье и преступность» и получает диплом врача. Он пытается устроиться ординатором в одну из общественных больниц Вальпараисо. Напрасно! Четырежды он участвует в конкурсах на ординаторские должности, но его кандидатура отклоняется, хотя соперников у него нет. Причина? Разумеется, политические взгляды молодого врача. Пелуконы, или, как их теперь называют, «мумии», мстят внуку Красного Альенде и родственнику «красного» полковника; Мармадуке Грове.

С большим трудом молодому врачу удается получить работу помощника патологоанатома в местном морге, где на протяжении ряда лет он занимается изнурительной работой — вскрытием трупов. «Клиенты» морга — в основном бродяги, алкоголики, жертвы несчастных случаев на транспорте, в порту, на заводах. Каждый труп, поступивший в морг, представлял частицу безбрежной социальной драмы Чили, свидетельствующей о бедности, нищете и несправедливости пролетарских масс. Сцены из новой дневной жизни морга способствовали дальнейшей радикализации молодого врача, уже тогда считавшего себя социалистом.

Сальвадор Альенде любил свою профессию врача, но не смог посвятить ей жизнь, частично потому, что реакционеры препятствовали ему заниматься врачебной практикой, а частично потому, что политическая деятельность вскоре поглотила его настолько, что не оставляла времени для занятий медициной. Правда, он всю жизнь оставался «домашним лекарем» — лечил всех членов семейства, безотказно ставил диагнозы родным, друзьям.

«Отец мой, — шутил Альенде, — надеялся, что я стану гинекологом, сам я мечтал о профессии детского врача, стал же всего лишь потрошителем трупов. Я сделал больше хирургических операций на трупах, чем на живых людях». В действительности же он превратился со временем в крупнейшего специалиста в области социальной медицины. В середине 30-х годов Альенде выступает инициатором создания профессиональной организации — Чилийской медицинской ассоциации, которая со временем объединит всех врачей страны. Впоследствии он избирается президентом ассоциации, в течение ряда лет редактирует ее орган — чилийский медицинский бюллетень. Он основатель и редактор

выходившего в Вальпараисо «Журнала социальной медицины», объединявшего прогрессивно настроенных врачей.

Работая в Вальпараисо, Альенде пишет монографию «Организация национального здравоохранения», а впоследствии, будучи министром, издает фундаментальный труд «Медицинско-социальные проблемы Чили», в котором раскрывает связь между социальными болезнями и системой эксплуатации и зависимости от иностранного капитала, господствовавшего в стране.

И все же занятия медициной вскоре отошли на второй план. Главным для Альенде становится политика, политическая борьба, деятельность в рядах Социалистической партии Чили. Партия была учреждена 19 апреля 1933 года на конгрессе, в котором участвовали различные социалистические группировки. Ее лидером выдвигается Мармадуке Грове, генеральным секретарем — бывший руководитель «Революционного социалистического действия» Оскар Шнаке Вергара.

Новая партия провозгласила своей главной целью «установление социалистической республики, в которой власть будет диктатурой организованных трудящихся». В «декларации принципов» партия признала борьбу классов «мотором истории», а марксизм — «методом объяснения действительности». Далее там же говорилось: «Социалистическая доктрина носит интернациональный характер и требует солидарности и координированных действий трудящихся всего мира. Выступай за осуществление этих постулатов, социалистическая партия добивается экономического и политического единства континента, которое должно воплотиться в Федерацию социалистических республик Америки и создание антиимпериалистической экономики».

И все же следует сказать, что в идеологическом отношении социалистическая партия представляла собой весьма пестрый конгломерат сторонников социализма — от «романтиков» типа Мармадуке Грове и реформистов социал-демократического толка до ультралевых и троцкистов, сторонников мелкобуржуазного революционаризма и сектантства. Наряду с течениями, представители которых неоднократно выступали со злобными нападками на коммунистов, в ней с самого начала имелись влиятельные сторонники единства действий с компартией. Это предотвратило превращение социалистов Чили в еще одну реформистскую группировку типа социал-демократических партий Западной Европы или же, наоборот, в секту авантюристов.

К сторонникам единства принадлежал и Сальвадор Альенде. Он был одним из учредителей партии, возглавлял ее организацию в Вальпараисо,

где развернул широкую пропагандистскую деятельность, в особенности в рабочих районах. С первых же шагов в социалистической партии Альенде проявил себя стойким антиимпериалистом (одна из его первых политических статей так и была озаглавлена «Антиимпериализм»), выступал за единство действий с компартией.

По всей вероятности, немалую роль в том, что Альенде связал свою жизнь с социалистической партией, сыграла его близость к ее духовному вождю Мармадуке Грове, творцу первой в Чили, да и во всей Америке, «социалистической республики». Семейные связи и традиции привели его к масонству, что произошло, видимо, тоже в начале 30-х годов. Мы уже писали, что дед, отец и дядя Сальвадора Альенде были масонами. Масонские дожи в те годы являлись своего рода филиалами партии радикалов. Но, став «вольным каменщиком», Альенде стремится использовать влияние масонства в интересах социалистической партии.

— Масоны провозглашали, что они борются за свободу, равенство и братство, — говорил Альенде в ответ на вопрос журналиста о значении его деятельности в рядах масонства. — Я же, будучи масоном, выступал с позиций, что при капиталистическом строе не может быть равенства, даже надежды на него; что не может быть братства в условиях классовой эксплуатации, что понятие «свобода» конкретно, а не абстрактно.

Альенде пытался толкнуть масонов влево, в лагерь борьбы за конкретные социальные преобразования в интересах трудящихся, социалистов же он стремился убедить бороться единым фронтом с коммунистами за те же идеалы.

Хотя Альенде был одним из основателей социалистической партии, его продвижение на командные должности в ней было медленным именно из-за его унитарных позиций. В первые годы существования соцпартии он даже не избирался в ее руководящие органы. Только после того, как из партии уходят или изгоняются соглашательские и троцкистские элементы и она твердо становится на путь равноправного сотрудничества с компартией и другими демократическими силами, Альенде выдвигается на первый план, избирается ее лидером. Но даже тогда ему приходится сталкиваться с немалыми трудностями внутри партии, где всегда наличествовали различные течения, отражавшие изменчивые настроения представляемых в ней полупролетарских и мелкобуржуазных прослоек.

С созданием социалистической партии ее руководство развернуло по всей стране кампанию за привлечение сторонников. Партия стала быстро расти. Ее лидер Мармадуке Грове пользовался широкой популярностью как друг простых людей, бесстрашный борец за их интересы. Многие бедняки

верили ему, считали, что если Грове станет президентом, то защитит их от эксплуататоров, обеспечит работой, даст крестьянам землю. Полковник был блестящим оратором, послушать его собирались толпы народа. Имя Грове стало одно время синонимом социалистической партии, ее сторонников называли гровистами.

Дон Марма, хоть и не был сведущ в марксистской теории, придерживался твердой антиимпериалистической линии. Выступая на VI съезде соцпартии в Вальпараисо, дон Марма говорил: «Только наивность или измена судьбам Америки могут заставить нас идти вместе, по одинаковому политическому и экономическому пути с американским империализмом».

Антиимпериалистическая позиция дона Мармы способствовала укреплению его авторитета в массах. В 1934 году на дополнительных выборах в сенат его кандидатура получила широкую поддержку, он был избран сенатором. Его сторонники надеялись, что на следующих президентских выборах он сможет одержать победу и вновь вселится, на этот раз с полным основанием, в «Ла-Монеду».

В годы своего второго президентства Алессандри стал рупором правых, всемерно способствовал проникновению в страну иностранных, главным образом американских, капиталов, преследовал коммунистов и руководителей классовых профсоюзов. Он создал ультраправую военизированную организацию — «республиканскую милицию» из сынков помещиков, лавочников, фабрикантов и их пособников, насчитывавшую около 50 тысяч членов, которая терроризировала рабочие организации, нападала на профсоюзные помещения, срывала забастовки. Не без попустительства Алессандри в Чили активно действовала и нацистская партия во главе со своим фюрером Хорхе Гонсалесом фон Мареесом, возникшая еще в 1932 году. Она вербовала себе сторонников из чилийцев немецкого происхождения и разного рода деклассированных элементов. У нацистов имелись даже штурмовые отряды, организованные по гитлеровскому образцу. Гонсалес фон Мареес был связан, с одной стороны, с Алессандри (он был активным членом «республиканской милиции»), а с другой — с Ибаньесом, который, находясь за границей, продолжал плести заговоры против страны. Нацисты надеялись, используя того и другого, захватить в подходящий момент власть.

Чили занимала видное место в гитлеровских планах проникновения в Латинскую Америку. Об этом говорит хотя бы такой факт: в 1936 году экспорт из Германии в Чили составлял почти 100 миллионов золотых песо и превышал на 12 миллионов песо экспорт в эту страну из США.

Наряду с нацистской партией в 1935 году в Чили возникла так называемая Национальная фаланга по образцу и подобию одноименной испанской фашистской группировки. Ее создателями были Эдуардо Фрей Моптальва, Радомиро Томич, Рафаэль Гумусио и другие вожаки католического студенчества, примыкавшие ранее к консервативной партии. Правда, после фашистского мятежа в Испании, который вызвал всенародное осуждение в Латинской Америке, в частности в Чили, руководители фаланги стали отрешиваться от фашизма и выступать с позиций клерикального реформизма.

Для борьбы с фашистской опасностью социалисты создали собственную милицию. Ее члены, в основном рабочие, одетые в особую форму, охраняли демонстрации трудящихся против фашистских громил. Одним из самых энергичных организаторов милиции стал Сальвадор Альенде. Он командовал ее отрядами в Вальпараисо.

В стране росло забастовочное движение, ширились волнения среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих. «Лев из Тарапаки» был львом только по отношению к трудящимся. На их требования повысить заработную плату, ограничить гнет помещиков он отвечал усилением полицейских репрессий. В январе 1935 года власти подавили забастовку 18 тысяч железнодорожников, бросив в застенки свыше тысячи стачечников. В июле того же года с изощренной жестокостью расправились с антипомещичьим движением крестьян в провинции Каутин. По приказу Алессандри каратели во главе с генералом Умберто Арнабадой, подкрепленные военной авиацией, убили 360 крестьян, сотни были брошены в тюрьмы, подверглись избиениям, пыткам.

Действия властей вызвали бурю гнева в стране. В ответ Алессандри объявил военное положение, обрушился с репрессиями против коммунистов и социалистов. Одной из его жертв стал молодой лидер вальпараисских социалистов Сальвадор Альенде, отец которого некогда дружил с Алессандри. Его арестовали и отправили в ссылку в далекое рыбацкое селение Кальдере, в 850 километрах к северу от Сантьяго.

Ссылка впервые сделала Альенде известным в национальном масштабе. Его освобождения требовал Грове в сенате, трудящиеся на митингах и выступлениях по всей стране. В Кальдере врач Альенде быстро завоевывает доверие и расположение местных жителей. Он оказывает им медицинскую помощь, читает лекции, проводит беседы с рыбаками, их семьями. Дон Чичо, как с уважением называют его местные жители, живет в палатке на берегу моря, он всегда в хорошем настроении, с шуткой на устах. Не прочь пригубить стаканчик вина, полакомиться вкусной рыбой,

чилиец до мозга костей — «уасо» — и в то же время страстный проповедник социализма.

Полгода находился в ссылке Чичо. Только в конце 1935 года власти разрешили ему вернуться в Вальпараисо, где его встретили друзья и единомышленники.

Положение в стране продолжало оставаться тревожным. Реакционные силы не желали сдавать позиций без боя. Не лучше обстояли тогда дела и в других республиках Латинской Америки. В Бразилии диктатор Вар-гас нанес в 1935 году серьезное поражение прогрессивному Национально-освободительному альянсу и развязал в стране массовый террор. В Аргентине, Перу, Венесуэле, в странах Центральной Америки, на Кубе у власти находились тираны, верные прислужники банкиров Уолл-стрита. Только в Мексике правительство генерала Ласаро Карденаса проводило прогрессивный курс, осуществляя аграрную реформу и давая отпор иностранным монополиям.

В капиталистической Европе верх брали фашистские государства, перед которыми заискивала буржуазия так называемых демократических стран.

Угроза фашизма поставила на повестку дня необходимость сближения коммунистов, социалистов и буржуазных демократов, создания Народного фронта против коричневой чумы, за социальные преобразования.

Тактика Народного фронта нашла широкое применение во многих странах капиталистического мира. Она была одобрена VII конгрессом Коминтерна. Во Франции и Испании левые, демократические силы объединились и, одержав решительную победу на выборах, пришли к власти, нанеся тем самым серьезный удар фашизму и реакции.

Идея Народного фронта нашла поддержку во многих республиках Латинской Америки, где при активном участии компартий спланировались антиимпериалистические, антифашистские и антиолигархические движения и группировки. Больше всего успеха она имела в Чили. Здесь существовала серьезная угроза прихода к власти ультраправых сил, намеревавшихся использовать для этого услуги генерала Карлоса Ибаньеса. Было очевидно, что на предстоявших 25 октября 1938 года выборах президента противники реакции и империализма могли рассчитывать одержать победу только при условии сплочения вокруг единого приемлемого для всех кандидата. В Чили имелось изобилие политических группировок: ультраправые — нацисты и ибаньисты, правые — консерваторы и либералы, центристские — демократы, радикалы и фалангисты, левые — коммунисты и социалисты. Ни одна из них не могла

рассчитывать одержать самостоятельно победу на президентских выборах. Отсюда глубоко укоренившаяся традиция блоков и альянсов, столь характерных для политической жизни республики. Это облегчило создание в марте 1936 года Народного фронта, в который вошли радикалы, демократы, социалисты и коммунисты.

Нельзя сказать, что Народный фронт возник без сложностей и помех. Особенно трудно было найти приемлемого для всех группировок фронта кандидата в президенты. На этот пост претендовали в первую очередь лидер социалистической партии Мармадуке Грове и несколько радикалов, партия которых считалась тогда наиболее влиятельной из входивших в Народный фронт. Компартия, не претендовавшая ни на президентский пост, ни на министерские портфели, немало потрудились, чтобы добиться общего согласия.

Состоявшийся в апреле 1938 года конвент левых сил выдвинул кандидатом на пост президента от партий Народного фронта умеренного радикала Педро Агирре Серду. Этот выбор отражал реальное соотношение сил в Народном фронте.

Сальвадор Альенде одним из первых в социалистической партии становится решительным сторонником Народного фронта. В Вальпараисо организация Народного фронта зарождается при энергичном содействии Альенде, который избирается ее председателем. В марте 1937 года на дополнительных выборах в палату депутатов социалистическая партия впервые выдвигает его кандидатуру в депутаты от округов Кильота и Вальпараисо. Альенде всего 29 лет, это его первая избирательная кампания. Он энергичен, обаятелен. Убедительный оратор, обладающий звучным голосом, молодой врач, жертва полицейских преследований Ибаньеса и Алессандри, он без особого труда одерживает победу и входит в парламент. С тех пор в течение более 30 лет Альенде будет избираться членом палаты представителей или сената.

В 1945 году, как и в 1949-м, при поддержке коммунистов он избирается сенатором от провинций Вальдивия, Льянкиуэ, Чилоэ, Айсен и Магальянес, в 1953 году — от провинций Тарапака и Антофагаста, в 1961 году — от провинций Аконкагуа и Вальпараисо. Свыше двадцати лет он возглавлял сенатскую комиссию по здравоохранению. В течение пяти лет Альенде был вице-председателем сената, в 1966 году становится его председателем. В 1969 году вновь избирается сенатором от провинций Чилоэ, Айсен и Магальянес.

Вернемся, однако, к президентским выборам 1938 года. Они происходили в очень напряженной международной и внутренней

политической обстановке. В Испании, где все еще продолжалась гражданская война, Франко одерживал победу над народными силами при содействии Италии и Германии и попустительстве Англии. Во Франции Народный фронт сходил с политической сцены, верх брали люди, выступавшие за «умиротворение» Гитлера. В странах Латинской Америки почти повсеместно господствовала махровая реакция, за спиной которой бесконтрольно орудовал иностранный капитал. В Чили правительство Алессандри намеревалось навязать стране в качестве президента Густаво Росса, занимавшего пост министра финансов, известного банкира и антикоммуниста, типичную «мумию». Кандидатуру Росса поддерживали правые партии, Национальная фаланга, возглавляемая Фреем, церковная иерархия. И на этот раз претендовал вновь вернуться в «Ла-Монеду» генерал Карлос Ибаньес. Он сколотил Народно-освободительный альянс и не скупился на предвыборные обещания. Его поддерживали нацисты Гонсалеса фон Марееса.

По мере приближения дня выборов власти усиливали репрессии против коммунистов и других участников Народного фронта. Росс пугал избирателей, утверждая, что победа Народного фронта будет означать превращение Чили в «колонию Москвы», вызовет «красный террор», закрытие церквей, преследование верующих.

Незадолго до выборов, 4 сентября 1938 года, в Сантьяго фашисты и сторонники Ибаньеса подняли мятеж, пытаясь свергнуть Алессандри. Им удалось захватить университет и несколько других зданий. Однако Алессандри без особого труда овладел положением. Карабинеры вынудили мятежников сдаться. По приказу «Льва» более 60 из них были расстреляны на месте, Гонсалес фон Мареес и генерал Ибаньес очутились в тюрьме. Ходили слухи, что сам Алессандри спровоцировал фашистский путч, чтобы устранить кандидатуру Ибаньеса, мешавшую его протекции Россу. Если это было так, то «Лев» просчитался. Озлобленный на него, Ибаньес снял свою кандидатуру и призвал своих сторонников голосовать за кандидата Народного фронта Педро Агирре Серду.

На президентских выборах 25 октября 1938 года Агирре Серда получил 222 700 голосов, Росс — 218 609^[8] то есть на 4091 голос меньше. Народный фронт одержал победу!

Результаты выборов вызвали огромный подъем среди чилийских трудящихся. «Мумии» во главе с «Львом» вынуждены были признать свое поражение, хотя и тешили себя надеждой, что в недалеком будущем, когда «чернь» несколько поутихомирится, они смогут вернуть власть с помощью выпестованных ими генералов и карабинеров.

25 декабря Алессандри передал бразды правления победившему на выборах кандидату Народного фронта. Под ликующие возгласы своих сторонников Педро Агирре Серда вселился в «Ла-Монеду». Среди тех, кто сопровождал нового президента в его официальную резиденцию, находился и Сальвадор Альенде.

Дон Чичо в немалой степени способствовал успеху кандидата фронта. Он был, как называют в Чили ответственных за избирательную кампанию, «генералиссимусом» Народного фронта в Вальпараисо и обеспечил победу Агирре Серды в этом втором по величине городе страны. Авторитет Альенде заметно вырос и внутри социалистической партии, где он проводил последовательную унитарную линию, выступая за укрепление братских уз с компартией. В конце 1938 года он избирается заместителем генерального секретаря социалистической партии.

Агирре Серда, по возрасту вдвое старше Альенде, явно симпатизирует молодому социалистическому лидеру. Президент хорошо знает родословную Сальвадора и то обстоятельство, что его дед, Красный Альенде, отец и дядя были активными членами радикальной партии и масонами, к числу которых принадлежит и сам дон Педро, как, впрочем, и его молодой друг, которого он по-отечески называет Чичо.

Дон Педро, в прошлом народный учитель, много лет был депутатом парламента от радикальной партии. До создания Народного фронта он был настроен весьма умеренно. Однако, в процессе избирательной кампании посещая различные уголки страны, встречаясь с рабочими, крестьянами, выслушивая их рассказы о нуждах, всякого рода несправедливостях, которые им приходится терпеть, Агирре Серда проникся к ним большой симпатией, понял, насколько были правы коммунисты и социалисты, требовавшие обуздать своеволие помещиков, алчность капиталистов, улучшить долю чилийских тружеников.

Этот новый настрой президента сближает его с Сальвадором Альенде, которого часто приглашают в «Ла-Монеду» на доверительные совещания по важнейшим и острейшим вопросам внутренней политики. А таких вопросов возникает все больше и больше по мере того, как правительство пытается осуществить программу социальных реформ, выдвинутую Народным фронтом.

В правительстве, сформированном Агирре Сердой, преобладали радикалы, но в нем была представлена тремя министрами и социалистическая партия. Коммунисты из тактических соображений не участвовали в правительстве, хотя оказывали ему всемерную поддержку.

Правительство обеспечило свободу собраний и печати, прекратило

ставшую уже традиционной в Чили «охоту» на профсоюзных активистов, коммунистических деятелей, повысило зарплату рабочим и служащим, провело закон о создании финансово-кредитной Корпорации экономического развития, в задачу которой входило создание государственного сектора в экономике. Эти мероприятия, хотя они и не затрагивали основ капиталистического строя, были встречены в штыки реакцией.

Не успел дон Педро освоиться как следует со своими покоем в «Ла-Монеде», как 25 января 1939 года в Чили произошло одно из самых тяжелых в ее истории землетрясений, разрушившее города Чильян, Консепсьон и другие населенные пункты. За несколько минут погибло 25 тысяч жителей, десятки тысяч остались без крова и средств к существованию. Вообще землетрясения — дело привычное для чилийцев. Не проходит и дня, чтобы в каком-нибудь уголке страны не дрожала земля, не ощущались подземные толчки, не колыхались в домах лампы и не дрожали стекла. О таких пустяках даже не пишут газеты, ибо, пока не начинают рушиться дома и в земле не появляются трещины, для чилийцев это не новость, достойная обсуждения и забот.

Трагедия, постигшая Чильян и Консепсьон, потребовала от правительства Народного фронта мобилизации всех средств для оказания помощи пострадавшим. Трудящиеся Чили охотно помогали жертвам землетрясения, бригады добровольцев в зоне бедствия боролись с эпидемиями, спасали раненых, обеспечивали пищей и медикаментами детей, женщин, стариков.

Именно этот момент избрали «мумии» для наступления на правительство Народного фронта. Они стали обвинять его в халатности, безответственности, в неумении справиться с последствиями землетрясения, злобной и лживой пропагандой пытались дискредитировать власть Народного фронта в глазах населения. «Мумии» надеялись, что это облегчит им свержение дона Педро.

На эту грязную работу они вновь подрядили уже известного читателю путчиста-профессионала Карлоса Ибаньеса, которого правительство Народного фронта неосмотрительно выпустило из тюрьмы. Ибаньес, не теряя времени, стал готовить заговор, он вовлек в него генерала Ариосто Эрреру, бывшего при Алессандре главнокомандующим армией и смещенного правительством НародноЕО фронта с этого поста за ультраправые взгляды. Эррера, в свою очередь, заручился поддержкой равных армейских и карабинерских чинов. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону и некоторые воинские части.

Утром 25 августа 1939 года артиллерийский полк, расквартированный в казармах «Такна» в Сантьяго, поднял мятеж, призвал армию последовать его примеру свергнуть «коммунистическое» правительство Педро Агирре Серды.

Узнав о мятеже артиллеристов, в «Ла-Монеду» поспешили руководители партий, входивших в Народный фронт. Одним из первых прибыл в президентский дворец Сальвадор Альенде, находившийся тогда в столице. Когда он вошел в кабинет президента, раздался телефонный звонок. Дон Педро поднял трубку.

— Говорит адъютант генерала Ариосто Эрреры. Армия восстала. Вы обречены. Дон Ариосто предлагает вам сдаться, покинуть «Ла-Монеду» и явиться на аэродром, откуда вы сможете улететь в любую по вашему выбору латиноамериканскую республику. Дон Ариосто гарантирует вам в таком случае полную неприкосновенность.

— Передайте генералу Эррере, — ответил, не повышая голоса, дон Педро, — что президент республики не подчиняется мятежнику и не собирается бежать из «Ла-Монеды». Я бы посоветовал дону Ариосто, пока не поздно, самому воспользоваться самолетом, приготовленным для меня, и покинуть страну.

Ответ президента навсегда врезался в память Сальвадора Альенде. Став президентом тридцать лет спустя и работая в том самом кабинете, где работал Агирре Серда, Альенде неоднократно рассказывал об этом эпизоде своим близким, восторгаясь спокойным мужеством и решительностью старого президента.

Мятеж «мумий» провалился. В поддержку президента выступили трудящиеся столицы. 50 тысяч рабочих вышли на улицы Сантьяго, полные решимости дать бой реакции. Ибаньес, Эррера и их сообщники очутились за решеткой.

Вскоре после этих событий, в конце сентября 1939 года, дон Педро обновил свой кабинет министров. В новое правительство вошли более решительные противники реакции.

Пост министра здравоохранения и социального обеспечения в нем занял доктор Сальвадор Альенде.

В то время Альенде исполнился 31 год, и он все еще был холост. Но друзья его знали, что женитьба не за горами. Ортенсиа Бусси Сото, или просто Тенча для друзей, — так звали избранницу его сердца, красавицу студентку исторического факультета педагогического института в Сантьяго. С Тенчей он познакомился при весьма необычных обстоятельствах, во время землетрясения 1939 года. И Тенча и Чичо находились тогда в

Сантьяго. Она смотрела фильм с друзьями в одном из столичных кинотеатров. Он в соседнем доме участвовал в масонском собрании. Когда раздались подземные толчки, все выбежали на улицу. Там они и встретились. Сальвадор оказался знакомым друзей Тенчи. Они его представили своей спутнице.

Тенча была дочерью итальянского иммигранта и чилийки. Отец ее был моряком. Родилась она, как и Чичо, в Вальпараисо, участвовала в левом студенческом движении, интересовалась социальными вопросами.

Новый знакомый, обладавший, несмотря на свою молодость, большим политическим опытом, к тому же жизнерадостный, с чувством юмора, с первого взгляда понравился ей. Симпатия оказалась взаимной. Чичо не забыл о встрече. На следующий день он уехал в район землетрясения. Возвратясь в Сантьяго, вновь увиделся с Тенчей.

Встречи молодых людей продолжались. Он приносил книги, статьи, которые помогали ей лучше разобраться в чилийской политике, в международном положении. Она собирала материал для его книги «Медицинско-социальные проблемы Чили», которую он подарит ей с надписью: «Тенче — помощнице, товарищу и другу, с глубокой нежностью».

В конце 1939 года они поженились. Церемония, разумеется, была гражданской. Отметить событие пришли товарищи по партии, близкие друзья, родственники жениха и невесты. Но веселиться пришлось без молодожена. В тот день состоялись важные дебаты в сенате, на которых должен был присутствовать Чичо. Тенча не была в обиде. Она знала, что жена политического деятеля, да еще социалиста и такого преданного своему делу, каким был Сальвадор Альенде, не должна рассчитывать на размеренное, спокойное житье.

Ее уделом теперь становились его надежды, тревоги и заботы. Но в этом и было настоящее счастье.

Да, они действительно были счастливы все 34 года совместной жизни. Она подарила ему трех дочерей — Кармен Пас, Беатрис Химену — для домашних Тати, Марию Исабель. Старшая стала воспитательницей дошкольников, средняя — врачом и секретарем отца, младшая — социологом, все три — социалистками со студенческой скамьи. Участие в политической борьбе не помешало им увлекаться спортом, музыкой, искусством. Все три рано вышли замуж, тоже за активных социалистов. Тенча и Чичо не заметили, как пролетело время и они стали бабушкой и дедушкой. В сентябре 1973 года у них было пять внуков, ждали шестого...

Сальвадор Альенде пробыл министром здравоохранения около двух с

половиной лет. Это сложный период в истории Чили. Вновь оживились ультраправые ударные группировки — «Фронт родины», «Националистическое движение» и другие, которые угрожали свергнуть правительство, если оно не пойдет у них на поводу и не порвет с коммунистами. В социалистической партии активизировались сторонники антикоммунизма в лице генсека Оскара Шнаке и профсоюзного лидера Бернардо Ибаньеса. Они и им подобные раскольники пытались развалить Народный фронт, исключить из него компартию. При их поддержке в 1941 году министр внутренних дел Артуро Олавария отдал приказ о закрытии центрального органа компартии «Эль Сигло». Сальвадор Альенде, Мармадуке Грове противодействовали раскольническим маневрам правых социалистов. Подавляющее большинство трудящихся также выступало с унитарных позиций, осуждало попытки изоляции коммунистов.

К высказываниям Сальвадора Альенде все больше прислушивались в социалистической партии и за ее пределами. Деятельность на посту министра здравоохранения способствовала росту его авторитета в массах. Всем было известно его живейшее участие в организации материальной и медицинской помощи потерпевшим от землетрясения и в восстановлении разрушенных районов. По его предложению были созданы специализированные центры — Дома помощи. Он был инициатором целой серии законов по охране здоровья трудящихся, в частности матери и ребенка, создателем Национальной службы здоровья, что обеспечило медицинским обслуживанием около 3 миллионов чилийцев (все население страны составляло тогда 4600 тысяч человек) и позволило увеличить пенсии вдовам и сиротам.

По инициативе Альенде был принят закон, представлявший работницам вспомоществование с пятого месяца беременности. Льготами этого закона пользовались ежегодно около 300 тысяч женщин. Другой закон, связанный с именем Альенде, предусматривал создание сети медицинских учреждений для северных провинций Тарапака и Антофагаста. Стараниями Альенде были созданы советы школьной помощи, которые обеспечивали бесплатными завтраками школьников. Наконец, Альенде добился от парламента принятия закона, создававшего Медицинскую коллегия Чили, что позволяло улучшить материальное положение врачей.

Кроме того, Альенде был автором многочисленных законодательных проектов, не получивших большинства в парламенте. Эти проекты касались защиты национальных богатств Чили от эксплуатации иностранных монополий, они должны были способствовать

демократизации государственной системы, обеспечению прав рабочих в их борьбе с эксплуататорами, развитию физической культуры населения, поднятию благосостояния широких масс трудящихся. И хотя буржуазные законодатели, располагавшие, как правило, большинством, проваливали эти законопроекты, их обсуждение в парламенте, в печати, в профсоюзах способствовало поднятию уровня сознательности трудящихся, мобилизовывало их на дальнейшую борьбу Против местных и иностранных эксплуататоров.

После вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Альянде неустанно и последовательно выступает в поддержку советского народа, на плечи которого падает основная тяжесть в борьбе с коричневой чумой.

В стране наблюдается мощный подъем антифашистских настроений. Но положение осложняется преждевременной смертью президента Педро Агирре Серды, наступившей в конце ноября 1941 года. Предстоят новые президентские выборы. Реакционеры пытаются использовать предвыборную кампанию, чтобы ослабить влияние левых. Альянде прилагает немало стараний, чтобы объединить все антифашистские силы в борьбе с Ибаньесом, кандидатура которого в президенты поддерживается ультраправыми организациями. В результате возникает Демократический альянс, в который входят радикалы, коммунисты, левые социалисты, фалангисты и сторонники Алессандри. Альянс в противовес Ибаньесу выдвигает кандидатуру умеренного радикала Хуана Антонио Риоса, который обещает руководствоваться программой Народного фронта. 1 февраля 1942 года Риос одержал победу на президентских выборах, получив 260 тысяч голосов, на 56 тысяч больше Ибаньеса.

Однако, к «к это почти всегда бывало в Чили с буржуазными политиками, Риос, надев на себя президентскую ленту и поселившись в «Ла-Монеде», начисто забыл свои предвыборные обещания. В знак протеста против поведения Риоса в апреле 1942 года Альянде покинул пост министра. Только под большим нажимом антифашистской общественности Риос в январе 1943 года порвал дипломатические отношения со странами «оси», а после исторических побед Красной Армии установил в декабре 1944 года дипломатические отношения с Советским Союзом.

Победа антигитлеровской коалиции во второй мировой войне способствовала развитию и укреплению рабочего и национально-освободительного движения в странах Латинской Америки. Народы континента с огромной радостью приветствовали подвиги Красной Армии, ее вклад в разгром фашистских держав, приход к власти трудящегося в

ряде стран Восточной Европы.

В своих замечательных произведениях великий чилийский поэт Пабло Неруда воспел героизм, самоотверженность и стойкость советских людей в борьбе с нацистскими захватчиками:

Я родился, чтобы воспеть Сталинград!
Пусть знают все — то верности клятва,
Хоть не был я средь твоих солдат,
Тебя я люблю любовью солдата,
Тебе я оставил эту гранату —
Эту песнь любви тебе, Сталинград.

Эти заключительные строчки из «Новой песни любви к Сталинграду» знакомы миллионам людей в Латинской Америке. Пабло, служивший в годы войны чилийским консулом в Мехико, приобрел на свои средства фильмы «Разгром немцев под Москвой» и «Сталинградская битва» и привез их в 1944 году в Чили. Он сопровождал показ этих фильмов чтением своих стихотворений и поэм, прославлявших героический советский народ, испанских республиканцев, чилийских рабочих, боровшиеся за свои права. Тысячи людей приходили послушать поэта и посмотреть привезенные им документальные ленты.

Местная буржуазия и стоявшие за ее спиной американские монополии делали все возможное, чтобы воспрепятствовать процессу консолидации левых сил в Чили. Часть лидеров социалистов, антикоммунистически настроенных, вела в этот период раскольническую линию в профсоюзном движении, выступала с позиций поддержки интересов американского империализма. Другая часть — среди них Альенде, избранный в 1943 году генеральным секретарем партии, отстаивала унитарные позиции. Это привело к расколу партии, из нее выделилась группировка истинных социалистов.

В начале 1946 года скончался до истечения срока своих полномочий президент Риос. Правые немедленно перешли в наступление. 28 января карабинеры из автоматов расстреляли мирную демонстрацию рабочих на площади Бульнеса. Шесть человек, в том числе комсомолец Рамона Парра, были убиты, сотни рабочих ранены. Рабочие ответили на эту кровавую расправу всеобщей забастовкой. Она не имела успеха из-за предательства правого социалиста Бернардо Ибаньеса, тогдашнего секретаря Конфедерации трудящихся Чили.

Стране предстояло избрать нового президента. Вновь стали возникать и распадаться различные политические блоки и комбинации. После острых споров, преодолевая всякого рода разногласия, левым партиям (без правых социалистов) удалось воссоздать Демократический альянс, выдвинувший кандидатом в президенты Габриэля Гонсалеса Виделу, который в отличие от Агирре Серды и Риоса слыл левым радикалом. Его поддержали коммунисты, истинные социалисты, демократы и радикалы. Гонсалес Видела поклялся осуществить ряд демократических реформ, ограничить деятельность иностранного капитала. Кроме Виделы, баллотировались Крус Коке — от консерваторов, Фернандо Алессандри (сын «Льва») — от либералов и Бернардо Ибаньес — от правых социалистов. Победил Гонсалес Видела, набравший 192 тысячи голосов. Крус Коке получил 142 тысячи, Алессандри — 131 тысячу, Б. Ибаньес — 12 тысяч голосов.

Согласно чилийской конституции, если кандидат в президенты получил меньше 50 процентов + 1 голос, то конгрессу надлежит избрать на президентский пост одного из двух кандидатов, получивших относительное большинство. 24 октября 1946 года конгресс утвердил Гонсалеса Виделу президентом республики.

Новый президент создал правительство, в котором три министерских поста было предоставлено коммунистам. На этот раз компартия, став влиятельной политической силой, согласилась войти в правительство. Хотя одновременно три министерских портфеля получили представители правой либеральной партии, казалось, что Гонсалес Видела станет самым прогрессивным президентом Чили. Он заверял народ в своей преданности и готовности осуществить обещанные реформы и преобразования. Все его заверения и клятвы оказались ложью. На протяжении многих лет он притворялся другом коммунистов, чтобы с помощью их голосов открыть себе путь в «Ла-Монеду». Достигнув своей заветной цели, он переметнулся к правым.

Авторитет Компартии Чили неизмеримо вырос в последние годы. На муниципальных выборах в апреле 1947 года КПЧ получила 106 тысяч голосов, выйдя по количеству голосов на первое место. Успехи коммунистов напугали реакционеров. Последовало удаление министров-коммунистов из правительства. Гонсалес Видела, получив от конгресса особые полномочия, стал подавлять забастовки, преследовать рабочих активистов, лишать их работы. Из медных рудников были выселены около 2 тысяч рабочих с семьями, требовавших повышения зарплаты.

В октябре Гонсалес Видела спровоцировал разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. По его приказу банда головорезов

обстреляла из пулеметов здание посольства. Советское правительство заявило резкий протест и отозвало сотрудников посольства в Москву.

В сентябре 1948 года Гонсалес Видела объявил компартию вне закона, приказал арестовать членов из Центрального Комитета. По всей стране началась полицейская «охота» на коммунистов. Репрессиям подверглось несколько тысяч членов партии и сочувствующих. Арестованных направляли в созданные по нацистскому образцу концентрационные лагеря. В одном из таких лагерей, в безлюдной местности на севере — в бухте Писагуа, — содержалось свыше 2 тысяч заключенных. Коммунистов высылали на пустынные острова южного Чили — Святую Елену, Огненную Землю, Кирикин и Ультима Эсперанса (Последняя надежда). Конгресс, контролируемый буржуазными партиями, одобрил предложенный Гонсалесом Виделой закон «О защите демократии», прозванный народом «подлым законом». Согласно ему коммунисты и сочувствующие — свыше 50 тысяч чилийцев — лишались гражданских, в том числе избирательных, прав.

Пабло Неруда, избранный в 1946 году в сенат от Компартии Чили, заклеил в парламенте правительство Гонсалеса Виделы. В речи, вошедшей в историю под названием «Я обвиняю!», поэт сказал:

— Я приветствую коммунистов Чили, женщин и мужчин, изгоняемых, избиваемых и преследуемых, приветствую и говорю им: наша партия бессмертна. Она родилась из страданий народа, и эти гонения только возвеличивают ее и умножают.

Предатель некогда пресмыкался перед поэтом, уверял его в своей дружбе. Теперь же он приказал карабинерам бросить его в тюрьму. Пабло ушел в подполье. Его охраняли простые люди — рабочие, рыбаки, крестьяне. В подполье поэт написал одно из своих лучших произведений, «Всеобщую песнь».

Компартия Чили была одной из самых крупных и влиятельных в Латинской Америке. Она располагала депутатами, сенаторами, муниципальными советниками, массовой газетой «Эль Сигло», ее влияние распространялось на профсоюзное движение, на интеллигенцию.

Расчет Гонсалеса Виделы и его друзей-янки был прост: если бы им удалось расправиться с чилийской компартией, исключив ее из политической жизни страны, это был бы удар по всем демократическим силам, по национально-освободительному движению всей Латинской Америки.

Именно этого добивались тогда правящие круги Соединенных Штатов. Взяв курс на «холодную войну», они насаждали в странах Латинской

Америки покорные им режимы. Действуя через госдепартамент, Пентагон и ЦРУ, используя экономическое давление и подрывную деятельность, подкуп, шантаж и угрозы, правящим кругам США удалось во второй половине 40-х годов свергнуть неугодные им правительства в Боливии, Эквадоре, Коста-Рике, Венесуэле, Сальвадоре, Перу, Колумбии, заставить республики Латинской Америки подписать договор «Об обороне западного полушария» (1947). Почти повсюду были запрещены компартии, коммунистов преследовали, сажали в тюрьмы, пытали, убивали. В эти годы на американские доллары была создана Межамериканская региональная организация трудящихся (ОРИТ) в противовес прогрессивной Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТЛА), а в странах начались гонения на классовые профсоюзы — профсоюзы, стоящие на позициях классовой борьбы.

При непосредственном участии ЦРУ и посольства США в Сантьяго возникла террористическая организация «Чилийское антикоммунистическое действие» (АЧА) с участием правых социалистов, радикалов, троцкистов, реакционных чинов армии и карабинеров. Возглавлял ее бывший министр внутренних дел в одном из правительств Агирре Серды — Артуро Олавария. АЧА, что по-испански означает «топор», начала громить помещения компартии, профсоюзов, нападать на забастовщиков, участвовать в разгоне рабочих демонстраций.

Гонсалес Видела и другие лидеры радикалов спасовали перед этим давлением, предали национальные интересы страны, включились в антикоммунистический поход. Но их расчет не оправдался. Вопреки террору компартия продолжала существовать и бороться, рабочие продолжали бастовать, демократические силы страны продолжали оказывать сопротивление поборникам «холодной войны».

И все же тот факт, что Гонсалес Видела на протяжении пяти лет осуществлял антинародную политику, свидетельствовал и об известной слабости пролетарского авангарда. Компартия сделала выводы из происшедших событий.

Рикардо Фонсека, Генеральный секретарь КПЧ с конца 1946 года (он умер в 1949 году), заявил по этому поводу, что коммунисты недостаточно боролись против оппортунизма в рабочем движении. Многие рабочие считали, что парламент или министры могут разрешить все их нужды. Вера в парламентаризм проникла в сознание самих членов партии, которые, ожидая «большой речи» того или иного депутата, недооценивали массовую и организационную работу, ослабили руководство борьбой трудящихся.

Большую долю ответственности за создавшееся положение несла и

социалистическая партия. Обосновавшиеся в ней антикоммунисты, антисоветчики, троцкисты из кожи лезли вон, чтобы расколоть рабочее движение, выступали с позиций, ведущих к поддержке интересов американского империализма. Правые оппортунисты во главе с Бернардо Ибаньесом и Россетти захватили в свои руки руководство социалистической партией, они участвовали в правительстве Гонсалеса Виделы, одобряли преследование коммунистов.

Это привело к новому расколу партии. Большинство ее членов, в том числе Альенде, протестуя против предательского курса Б. Ибаньеса, покинули ее, образовав народно-социалистическую партию. К чести Сальвадора Альенде следует сказать, что он никогда не принадлежал к антикоммунистическим течениям, никогда не разделял их взглядов, никогда не выступал с позиций «холодной войны». В парламенте и за его пределами Альенде осуждал предательскую политику Гонсалеса Виделы, протестовал против «подлого закона», требовал прекращения террора и легализации компартии, осуждал проникновение американского капитала в экономику Чили. Последовательная демократическая и антиимпериалистическая позиция снискала Сальвадору Альенде уважение и симпатии всех здоровых сил внутри социалистического движения, способствовала росту его авторитета в рабочей среде.

На протяжении 20 лет политической деятельности Чичо оставался верен своим юношеским идеалам, клятве, данной у изголовья умирающего отца. Он не запятнал себя уступками «мумиям», антисоветчикам, рыцарям «холодной войны».

Альенде не принадлежал к шумливым экзальтированным личностям. Он не любил громких слов, трескучих фраз, красивостей. В нем не было и намека на социального демагога. Речи его были темпераментны и одновременно аргументированы, логичны по своему построению, убедительны по строго выверенному фактическому материалу. Он покорял слушателей не внешними эффектами, а внутренней убежденностью, принципиальностью.

И в его внешности не было ничего из ряда вон выходящего. Плотный, среднего роста, в роговых очках, в простом, отлично сшитом двубортном костюме — обычный врач, обычный чилиец среднего достатка. Но эта кажущаяся обыденность и выделяла его из среды других политиков радикального толка. К нему прислушивались не потому, что он был оригинален, а потому, что он высказывал мысли и идеи, выражавшие интересы чилийских трудящихся, обездоленных, тех самых рото, которые так и не перевелись в Чили, несмотря на то, что все президенты, если им

верить, только то и делали, что заботились об их благосостоянии.

Такой человек в силу своих качеств выгодно отличался от буржуазных политиков, возводивших в высшую добродетель обман и коварство, предательство и двойную бухгалтерию.

Развитие событий в Чили настоятельно требовало единства действий всех пролетарских сил, а этого можно было достигнуть, Альенде был убежден в этом, только наладив равноправное и товарищеское сотрудничество между социалистами, выступавшими с антиимпериалистических и антиолигархических позиций, и коммунистами.

Шел 1952 год...

НА ПУТИ К «ЛА-МОНЕДЕ»

*Но близок, близок день и час победы.
Пусть ненависть не даст рукам возмездья
внезапно задремать,
пусть этот час
придет в свой срок и будет ясным, пусть
народ заполнит улицы пустые
своею мощной, радостной громадой.
Теперь вы знаете мою любовь.
Нет знамени другого у меня.
Пабло Неруда*

ТРУДНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

К концу своего правления Гонсалес Видела был вынужден признать, что не сумел выполнить своих замыслов: вычеркнуть из политической жизни страны компартию, подорвать ее влияние путем массовых преследований, запрета ее печатных органов и тому подобных репрессивных мер.

В стране росла волна недовольства и возмущения действиями этого иуды. В парламенте Сальвадор Альенде боролся за прекращение террора. Он требовал легализации компартии, амнистии Пабло Неруде и всем политзаключенным, закрытия концлагеря в Писагуа. Его поддерживали многие социалисты, радикалы и даже фалангисты. В 1952 году, незадолго до новых президентских выборов, Гонсалес Видела подписал закон об амнистии. Так была проиграна «первая битва третьей мировой войны», как хвастливо окрестил свой антикоммунистический поход этот обанкротившийся политикан.

Политическая панорама в преддверии новых президентских выборов выглядела весьма своеобразно. Альфонсо, официальный кандидат на президентский пост от правящей радикальной партии, выступал за продолжение курса Гонсалеса Виделы. Ничего хорошего народу не сулил и кандидат консерваторов, представлявший интересы банкиров и помещиков. На политической сцене вновь появился старый наш знакомый генерал Карлос Ибаньес, неустанно добивавшийся возвращения в «Ла-Монеду» с того памятного 1931 года, когда он потерял власть, сметенный волной народного возмущения.

Ибаньесу шел 75-й год, но он еще выглядел бодро, сохранял военную выправку. События в мире и в Чили заставили «Муссолини Нового Света» пересмотреть свои прежние политические взгляды. Фашизм уже вышел из моды, и даже «демократический» антикоммунизм, как можно было убедиться на примере Гонсалеса Виделы, перестал приносить лавры его оруженосцам. Генерал учел урок истории, теперь его кумиром стал Хуан Перон, президент Аргентины, сумевший путем определенных уступок и ограниченных реформ привлечь на свою сторону многих трудящихся. Ибаньес шел на выборы с широковещательной программой, обещая не только защитить Чили от империализма, наделить землей крестьян, но и отменить «подлый закон», легализовать компартию и восстановить демократические свободы. Вместо сабли он избрал теперь своим символом

швабру, обещая выместить из страны все недуги, которые ее терзали. И хотя все знали, что ему нельзя было верить, многим он казался меньшим злом по сравнению с кандидатами правых радикалов и консерваторов. Вокруг Ибаньеса образовался блок недовольных политикой Гонсалеса Виделы разношерстных группировок, от старых его поклонников фашистского типа до представителей народно-социалистической партии и фалангистов.

Возникновение ибаньистского блока вызвало перегруппировку в политическом лагере. Поддержка кандидатуры генерала многими народными социалистами расколола народно-социалистическую партию. Сальвадор Альенде, Хосе Тоа и другие ее руководители, не согласные с поддержкой Ибаньеса, вернулись в социалистическую партию, откуда тем временем были исключены Бернардо Ибаньес и ему подобные антикоммунисты. После этого социалистическая партия вместе с коммунистической и демократической образовала Фронт народа, председателем которого и кандидатом в президенты был избран Альенде.

Так на 44-м году жизни Сальвадор Альенде впервые возглавил коалицию левых сил и стал претендентом на президентский пост.

Что же представлял собою Фронт народа, какова была его программа? Об этом Альенде писал в 1954 году в статье, опубликованной в «Правде», — «Борьба народа Чили за национальную независимость»: «Фронт народа — это глубоко патриотическое движение, направленное на борьбу за политическое и экономическое освобождение нашей страны. Это не преходящее, не временное объединение народных сил. Это постоянная организация, в которой каждая партия, сохраняя свою независимость, приняла на себя торжественное обязательство перед чилийским народом.

Программа фронта достаточно широка, чтобы в нем объединились, имея в качестве костяка рабочий класс, крестьяне и прогрессивные землевладельцы, женщины и молодежь, служащие и ремесленники, педагоги и интеллигенты, профессора, торговцы и промышленники, которым дороги национальные интересы...

Фронт народа ведет борьбу за структурное изменение экономики, которое обеспечило бы использование наших природных ресурсов и широкую индустриализацию страны, за проведение аграрной реформы, которая внесла бы коренные изменения в систему владений земель и в условия жизни тех, кто ее обрабатывает. Фронт народа борется за восстановление нормальных отношений Чили с СССР, Китайской Народной Республикой и странами народной демократии. Необходимо также, чтобы наша страна освободилась от тех международных обязательств, которые нас связывают в военном и политическом отношении

и ограничивают независимость и суверенитет.

В области внутренней политики Фронт народа отвергает всякую политическую дискриминацию и поэтому добивается устранения реакционного закона, именуемого «законом о защите демократии», положения которого препятствуют развитию политической свободы, свободы деятельности профсоюзов и поставили Коммунистическую партию Чили и ее членов вне гражданских прав. Фронт народа потребовал предоставления компартии и ее членам тех же прав, которыми пользуются все остальные партии. Мы утверждаем, что идеи и принципы нельзя вырвать из сознания и сердца людей при помощи репрессивных законов. Идеи нельзя убить».

Альенде выдвинул конкретную программу преобразований в стране. В его лице впервые в истории Чили кандидат в президенты потребовал национализации собственности американских монополий «Анаконда коппер» и «Кеннекот», владевших медными рудниками. Это был вызов американским империалистам в момент, когда они бряцали оружием, угрожая свергнуть президента Гватемалы полковника Арбенса за то, что его правительство отважилось национализировать часть земель бананового спрута «Юнайтед фрут компани».

Вспоминая это время, Альенде много лет спустя говорил одному журналисту: «Вы спрашиваете меня, почему в 1951 году я вступил в союз с коммунистами. Я это сделал не из-за «холодной», «теплой» или «горячей» войны, а исходя из интересов Чили. Тогда я считал, что Чили необходим более ясный политический курс, чем тот, который избрала социалистическая партия, оказав поддержку кандидатуре генерала Ибаньеса. Не говоря уже об особенностях личности Ибаньеса, он не мог стать знаменосцем революционного процесса. Я считаю, что антиимпериалистическая и антиолигархическая революция должна иметь в качестве основы главным образом единство рабочего класса, который в Чили представлен коммунистами и социалистами. Если не будет согласия между коммунистами и социалистами, то между нами будет братоубийственная война, как то имело место в прошлом, что ослабляло революционное движение и шло на пользу буржуазии и империализму. Я сам был изгнан из своей собственной партии за отказ ' поддержать Ибаньеса. Союз с коммунистами в 1951 году не преследовал избирательную победу, ибо компартия тогда находилась в подполье. Но я стремился к более важной цели: созданию подлинного инструмента освобождения рабочего класса и освобождения Чили».

Разумеется, кандидатура Альенде носила символический характер.

Надежд на победу не было никаких. Социалисты были расколоты, а коммунисты еще не вышли из подполья. Фронт народа не располагал необходимыми денежными средствами для ведения избирательной пропаганды. И все же предвыборная кампания Сальвадора Альенде имела большое политическое значение. Он стал центром притяжения всех подлинно демократических и антиимпериалистических сил страны. Труженики Чили обрели в нем своего глашатая, выразителя своих чаяний, надежд, стремлений.

Альенде четыре раза объездил страну с предвыборными выступлениями. Его сопровождал в этих поездках Володя Тейтельбойм, друг со времен студенчества, член Политической комиссии ЦК компартии, прошедший через концлагерь Писагуа и избранный генеральным секретарем Фронта народа.

Вспоминая об этих первых баталиях Альенде за президентский пост, Володя, как называют его друзья и товарищи, рассказывал автору, с какой радостью встречали кандидата Фронта народа трудящиеся в городах и сельских районах Чили. Альенде был неутомимым оратором. Он стремился побывать в тех местах, где никогда не выступал ни один из кандидатов в президенты, — в далеких горных селениях, в забытых богом рыбацких деревушках, на бесчисленных островах южной оконечности Чили, в селитряных разработках севера, у скотоводов. Его широко знали по всей стране простые труженики. Доктор Чичо легко находил с ними общий язык. Он не прочь был посидеть вечером у костра и отведать крестьянского асадо — мяса, зажаренного на углях, выпить стаканчик вина, спеть песню, рассказать или послушать интересную историю.

Он всегда пребывал в хорошем настроении, был со всеми приветлив. Присутствие духа никогда не покидало его. Случалось, рассказывает Володя, что во время митингов в закрытых помещениях ощущались подземные толчки, предвестники землетрясения. В таких случаях люди, как правило, вскакивали с мест, бросались к выходу. Альенде призывал к спокойствию, давал указания, как организованно и без паники покинуть помещение. На улице направлял людей в безопасные места.

— Я хорошо помню эту избирательную кампанию, — вспоминает Володя. — Мы были маленькой группой.

Сальвадор Альенде знал, что не победит на этих выборах, что даже голосов соберет немного, но то был посев на будущее. Тогда особенно ярко проявилась важнейшая черта его характера — стойкость в борьбе с трудностями, которых было в его жизни гораздо больше, чем побед.

Выборы, как и следовало ожидать, принесли победу генералу

Ибаньесу. Он получил 446 439 голосов. За Альенде проголосовало 51957 избирателей. Это был неплохой результат, учитывая тогдашнюю обстановку в Чили и в Латинской Америке. К тому же многие из тех, кто отдал свои голоса Ибаньесу, сделали это, веря обещаниям генерала проводить независимую от США политику и восстановить в стране демократические свободы.

Узнав о результатах выборов, Ибаньес заявил: «Моя победа является победой народа против империализма», — и потряс шваброй. Но если швабра для чего-ни-будь и пригодилась ему, писал перуанский публицист Хенаро Карнеро Чека, то только для того, чтобы замести следы предвыборных обещаний и посулов, сделанных во время первых дней его пребывания в «Ла-Монеде». Генерал не спешил с отменой «подлого закона», не восстановил демократических свобод, ничем не облегчил жизнь рабочих и крестьян. Он, как и его предшественник Видела, во всех бедах Чили винил коммунистов, которые, по его словам, стремились «заменить одинокую звезду на чилийском флаге красной кремлевской звездой».

При всем своем желании он, однако, был уже не в состоянии править прежними методами. Страна устала от полицейских преследований и антикоммунистической истерии. Левые силы укрепляли свои позиции. В стране нарастала стачечная волна. В освободительную борьбу включались крестьяне, индейцы-мапуче, студенты. Стал вновь выходить легально центральный орган коммунистов газета «Эль Сигло». В 1953 году была воссоздана унитарная профсоюзная организация — Единый профсоюзный центр трудящихся (КУТ).

В 1954 году Альенде с супругой по приглашению Всесоюзного общества культурной связи о заграницей (ВОКС) впервые приезжает в Советский Союз. В Москве он и Тенча посещают научные и культурные учреждения, фабрики, заводы. Знакомятся с нашей государственной системой, наносят визит в Верховный Совет СССР. Они интересуются всем: советским законодательством, системой здравоохранения, образования, решением национального вопроса. Гости посещают Мавзолей В. И. Ленина, Музей Революции, осматривают Кремль.

Писатель Василий Чичков, работавший тогда корреспондентом «Правды» по странам Латинской Америки, рассказал автору, как по поручению редакции он посетил Альенде в гостинице «Националь» и попросил написать статью для газеты. Альенде охотно согласился.

— Я немедленно примусь за дело, — сказал он.

— Как? — в недоумении спросила Тенча. — Мы ведь должны через час пойти в Большой театр на «Лебединое озеро». Ты ведь всю жизнь

мечтал посмотреть этот балет в Большом!

— Это верно. Но статья в «Правде» для меня важнее. Ведь меня будут читать миллионы советских людей. Они узнают правду о положении в Чили, о нашей борьбе. Приходите, товарищ Чичков, утром, статья будет готова.

Действительно, утром статья была готова. Она была опубликована в «Правде» 12 августа 1954 года. В тот же день Василий Чичков вновь посетил Альенде и принес ему вместе с газетой гонорар.

— Я спросил Альенде, — рассказывает Чичков, — какой сувенир он хотел бы приобрести на гонорар. Думал, скажет — самовар, матрешку или другую какую-нибудь нашу вещицу, которую обычно приобретают туристы. И был удивлен, когда Альенде попросил помочь ему купить... галоши. «Они у вас самые лучшие в мире, — пояснил, улыбаясь, гость. — Видите ли, в Чили часто дожди, сырая погода, а у нас галоши из тонкой резины, часто рвутся, протекают. Ваши же — такие солидные, теплые, на малиновой подкладке. В Чили все мне будут завидовать, что у меня такие необыкновенные галоши».

Прошло несколько лет. Чичков поехал работать корреспондентом в Мексику и однажды прибыл оттуда в Чили. Нашего посольства тогда еще не было в Сантьяго. Корреспондент решил навестить своего старого знакомого Сальвадора Альенде. Но где его искать? Разумеется, в сенате, он ведь сенатор. И Чичков пошел в сенат. Швейцар, которого он спросил, как пройти к Альенде, разъяснил:

— Посмотрим, здесь ли он. Если в гардеробе стоят его галоши, то он на месте.

— Разве у него какие-то особые галоши? — любопытствовал корреспондент.

— Уникальные, черные, на малиновой подкладке, других таких в Чили нет.

Это были те самые галоши, которые Сальвадор Альенде купил в 1954 году в Москве на гонорар, полученный за статью, опубликованную в «Правде».

Но о чем же была эта увидевшая свет 20 лет тому назад статья? Мы уже ее цитировали. В ней автор рассказывал советским читателям о Фронте народа, о том, что представляет собой Чили и какие проблемы волнуют ее трудящихся.

«Вытянувшаяся узкой и длинной полосой земли вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки, Чили насчитывает 6 миллионов населения. Если оценивать нашу страну с точки зрения экономики, то ее следует

отнести к тем странам, которые называют зависимыми или слаборазвитыми.

Мы вывозим сырье и ввозим промышленные товары, а также нефть, бензин, сахар, основные продукты питания. Наша страна имеет тяжелую промышленность, однако она только начинает развиваться».

Народное хозяйство Чили, писал Альенде, существует главным образом на доходы от горнорудного производства. Экспорт минералов (медь, железо, селитра и сера) дает 83 процента получаемой страной валюты, причем 61 процент составляет экспорт меди. Крупные горнорудные предприятия Чили — во власти иностранных монополий, в основном американских, на долю которых приходится около 88 процентов добычи меди в стране.

По запасам меди Чили занимает первое место в капиталистическом мире. Производство меди достигло максимального уровня в 1943–1945 годах, составив 480 тысяч тонн в год, что приближается к одной четверти потребления меди капиталистическими странами в мирное время. Американские компании вывозят добытую медную руду в необработанном виде. Эти компании не производят в Чили плавки, очищения или обработки меди. Установление цен на медь тоже в руках монополий США — «Анаконда коппер» и других.

Трагедия Чили, помимо прочих факторов, состоит и в том, что в силу двустороннего военного соглашения с США страна не может продавать медь ни Советскому Союзу, ни странам народной демократии. Таким образом, чилийцам препятствуют торговать со странами, которые представляют собой почти половину мира.

Другая основная статья чилийского экспорта — селитра — азотистое удобрение. Чили — единственная страна в мире, которая обладает натуральной селитрой. Политика монополий в области производства селитры имела своим результатом вытеснение натуральной селитры, лучшего в мире удобрения, с ее традиционных рынков. При этом селитра, как и медь, попала в число материалов, квалифицированных как «стратегические», и поэтому для нее закрылись рынки СССР и стран народной демократии.

Что касается сельского хозяйства, то важно подчеркнуть, писал Альенде, что в Чили собственность на землю находится в руках немногих: 87 процентами земли владеют менее чем две тысячи собственников. При этом 40 процентов населения страны живет за счет сельского хозяйства. Система землевладения носит полуфеодалный характер, и, без сомнения, из всех трудящихся в наихудших условиях находится труженик полей.

Отсталый характер сельского хозяйства, его низкая производительность, незначительное использование земельных резервов привели к тому, что сельскохозяйственное производство Чили не покрывает внутренних потребностей страны, и это заставляет чилийцев ежегодно ввозить продукты питания на сумму, составляющую около 20 процентов бюджета. Следует отметить также, что крупные землевладельцы не только обладают экономической силой, но и держат в своих руках политическую власть в стране.

Анализ экономического положения в Чили, писал Альенде, доказывает жгучую необходимость коренных изменений в политической, экономической и социальной структуре страны. Движимые любовью к родине, чилийские патриоты образовали с этой целью Фронт народа. Его программа в основном антиимпериалистическая и антифеодальная. Именно поэтому Фронт народа стал базой широкого движения за национальное освобождение.

Изложив уже известную читателю программу Фронта народа, Альенде рассказал далее о борьбе трудящихся против сил реакции, о роли в этой борьбе прогрессивных сил:

«Фронт народа уже более двух лет ведет упорную и непрерывную борьбу. В течение всего этого времени мы в прессе, в рабочих центрах, на публичных собраниях и по радио освещали нашу программу, работу и деятельность нашей парламентской группы. Мы убеждены, что поставили перед народом с чувством полной ответственности тяжелую, но патриотическую задачу, которую должны осуществить в нашей борьбе с империализмом и феодальной олигархией. С каждым днем ширятся наши ряды. Во всех уголках нашей родины имеются тысячи и тысячи наших соотечественников, которые составляют опору фронта в его борьбе за национальную независимость.

Чилийский народ на опыте Гватемалы знает, какими методами действуют силы реакции. Именно Фронт народа сплотил массы чилийских граждан на оказание моральной поддержки Гватемале и осуждение диктаторских режимов стран Карибского бассейна, которые защищают компанию «Юнайтед фрут», широко пользующуюся помощью государственного департамента США. Народ Чили знает, что все разногласия могут быть разрешены путем переговоров и Соглашений, и понимает, что поддержание мира в Корее и Индокитае является общим делом для всех нас.

Азия и Африка просыпаются. Латинская Америка делает то же, чтобы добиться своего экономического освобождения. В Чили Фронт народа

будет продолжать идти во главе этой борьбы».

В конце 1954 года Альенде возвращается на родину. Посещение Советского Союза, Франции, Италии укрепило его во мнении, что политика единого фронта с коммунистами и другими антиимпериалистическими и антиолигархическими группировками — единственно правильная и может привести к победе над реакцией, помочь стране избавиться от отсталости и зависимости.

Коммунисты, в свою очередь, последовательно боролись за расширение демократического фронта, за ведущую роль рабочего класса в нем. В своих решениях X съезд КПЧ в 1956 году отмечал: «Гарантия выполнения программы народа, гарантия того, что демократическая коалиция всех слоев населения, от рабочего класса до национальной буржуазии, даст положительные результаты, заключается в превращении рабочего класса, ведомого и направляемого своим авангардом, в руководящую силу, в его тесном союзе с крестьянством и другими слоями народа, а также в создании правительства этой коалиции, правительства, в котором рабочий класс играл бы ведущую роль».

Совместная борьба коммунистов и социалистов стала приносить плоды. В 1955 году правительство Ибандеса покинула народно-социалистическая партия. Вскоре она и Партия труда, возглавлявшаяся сенатором Бальтасаром Кастро, присоединились к Фронту народа. Так возник Фронт народного действия (ФРАП). Лидером ФРАП стал Сальвадор Альенде. В дальнейшем ФРАП сыграл важную роль в сплочении всех антиолигархических и антиимпериалистических сил вокруг рабочего класса и его партий, гегемония в освободительном движении перешла к рабочему классу.

В 1957 году соцпартия и народно-социалистическая партия воссоединились. Положительным фактором явилось и то, что объединенная социалистическая партия в целом стремилась к сотрудничеству с коммунистами.

Генеральным секретарем партии был избран Соломон Корбалан, а Сальвадор Альенде даже не попал в ЦК. Забегая вперед, следует отметить, что Альенде и в последующие годы не занимал первых должностей в социалистической партии. Он являлся одним из ее лидеров, возможно одним из самых авторитетных, самых популярных, «великим собирателем голосов», не знавшим поражения на парламентских выборах с 1937 года, однако, за исключением краткого периода, когда он избирался замом генсека, а потом и генсеком партии, эти должности занимали другие деятели, в не меньшей степени, чем сам Альенде, претендовавшие стать

кандидатами в президенты.

Почему же всякий раз в президенты выдвигался Сальвадор Альенде? Вовсе не потому, что он располагал монопольной поддержкой партийного аппарата. Он завоевывал право на это место благодаря умению спланировать вокруг себя партийных руководителей, убеждать их в том, что он с большим, чем кто-либо из них, основанием может рассчитывать на победу, на завоевание «Ла-Монеды». Кандидатура Альенде оспаривалась не только в рядах соцпартии, но и среди других группировок, входивших в избирательный блок левых, лидеры которых, в свою очередь, претендовали на президентский пост: каждый выдвигал самые разнообразные доводы в пользу собственной кандидатуры. Единственным исключением была компартия. Она не претендовала на выдвижение своего кандидата в президенты не потому, что не располагала достойными кадрами на эту должность, а потому, что считала, что коммунист вряд ли имел бы шансы на победу, вряд ли объединил бы вокруг себя столь разнообразные силы, которые входили в левый блок. Поэтому коммунисты добивались выдвижения приемлемого для всех левых сил кандидата. С момента возникновения Фронта народа четырежды выдвигался на этот пост Сальвадор Альенде. Как бы остро и ожесточенно ни проходили битвы за это место, в конечном итоге все группировки сходились на Альенде, признавая тем самым, что лучшего кандидата среди них не было.

Разумеется, Альенде, на протяжении двадцати лет боровшийся за президентский пост, жаждал его, стремился к нему, мечтал о нем. Можно сказать, что это было делом его жизни. Но он не хотел занять этот пост любой ценой. Главная его цель была и оставалась — счастье народа, его освобождение от всех видов эксплуатации, от болезней, невежества, от гнета иностранных монополий. Альенде мечтал стать не просто президентом, не просто еще одним жильцом «Ла-Монеды», а товарищем Президентом, первым в Чили, а может быть, и во всем западном полушарии, президентом-социалистом, президентом чилийцев-трудящихся. И этого он мог и желал достичь не любой ценой, а только путем сплочения всех прогрессивных, демократических сил — от коммунистов и социалистов до различных мелкобуржуазных группировок, включая радикалов и католиков, поддерживающих общую программу социальных преобразований.

В 50-х годах на политической арене Чили четко вырисовывается и другой претендент на президентскую должность — лидер Национальной фаланги Эдуардо Фрей Монтальва.

В 1957 году происходит объединение Национальной фаланги с

центристской социал-христианской партией; новая группировка принимает название христианско-демократической партии (ХДП). Ее вождем становится все тот же Фрей. Честолюбивый политик, выступающий с позиций христианского гуманизма, Фрей ратовал за классовое сотрудничество, обещал создать гармоническое «коммунитарное» общество.

Как и Альенде, он прошел школу студенческого движения, с той только разницей, что Альенде в этом движении находился на левом фланге, а Фрей — на правом.

В молодости Фрей стоял на позициях антикоммунизма и защищал корпоративную форму правления, сходную с фашизмом. С годами он несколько «полевел». Фрей убеждал правящие классы, что коммунизм нельзя победить только террором, преследованиями и запретами, что с ним следует бороться путем реформ, убыстряющих капиталистическое развитие и смягчающих классовую напряженность.

Образцом для него стала деятельность итальянских и западногерманских демохристиан, а источником вдохновения — социальные послания (энциклики) римских пап. Возглавив ХДП, Фрей в своем стремлении к власти стал маневрировать таким образом, чтобы, с одной стороны, вызвать симпатии левых (он, например, требовал отмены «подлого закона»), с другой — завоевать доверие правых, которым он внушал, что, следуя его рецептам, можно нейтрализовать коммунизм.

В 1958 году, в преддверии очередных президентских выборов, Фрей отказался поддержать единого кандидата от демократических и левых сил и сам решил баллотироваться в президенты от ХДП. Учитывая схожесть отдельных положений программ ФРАП и демохристиан, это должно было ослабить шансы на победу в первую очередь Альенде, который вторично выступал кандидатом левых сил.

Правые консерваторы и либералы выдвинули своим кандидатом второго из сыновей «Льва из Таранаки», Хорхе Алессандри, банкира и дельца, формально «независимого», а в действительности представлявшего крупный капитал, тесно связанный с интересами американских монополий. Достаточно сказать, что дон Хорхе контролировал 36 акционерных компаний и 16 страховых обществ. На Алессандри должно было работать имя его отца, которому буржуазная пресса на протяжении десятилетий создавала славу «друга простых людей».

Выдвинула своего кандидата в президенты и радикальная партия, хотя на этот раз она и не могла рассчитывать на успех. Предательская деятельность Гонсалеса Виделы расколола эту партию, безнадежно

подорвала ее былое влияние на избирателей.

Альенде, как и на предыдущих выборах, неустанно выступал на митингах, участвовал в демонстрациях, посещал рабочие поселки, шахты, рыбацкие селения. Теперь компартия смогла оказать ему значительно более действенную помощь, чем во время предыдущей избирательной кампании. Накануне выборов в конгресс прогрессивные силы наконец добились отмены «подлого закона» и компартия вновь обрела право на легальную деятельность. В том же 1958 году, после смерти Гало Гонсалеса, возглавлявшего партию в тяжелые годы подполья, Генеральным секретарем КПЧ был избран Луис Корвалан, Лучо, как называют его друзья и товарищи. Лучо — старый член партии, по профессии учитель, в прошлом редактор «Эль Сигло», его связывали с Альенде долгие годы совместной борьбы против реакции и империализма. Менялся политический климат в Латинской Америке. В Колумбии, Перу, Венесуэле рухнули диктаторские режимы, поддерживаемые Вашингтоном. На Кубе повстанцы Фиделя Кастро наносили все более чувствительные удары по войскам тирана Батисты. Все эти события в той или иной степени «работали» на кандидатуру Альенде.

Это понимали и его противники. Хорхе Алессандри, считая Альенде, не без основания, своим главным соперником, обратился к ставшему уже традиционным в борьбе с левыми оружию — запугиванию избирателей жупелом коммунизма. Одновременно «Львенок» заверял, что будет проводить независимую внешнюю политику, соблюдать демократические свободы, бороться с инфляцией, повышать жизненный уровень трудящихся. Алессандри располагал огромными средствами для ведения предвыборной пропаганды. В его распоряжении была разветвленная буржуазная печать, радио, телевидение. Сторонники «Львенка» широко использовали подкуп избирателей, подделывали избирательные списки.

В последнюю минуту реакционеры, не будучи уверенными в победе над Альенде, выдвинули еще одного кандидата в президенты — попарасстригу Антонио Саморано. Этот опереточный персонаж, известный больше своими любовными похождениями, чем политическими взглядами, отлученный от церкви за беспутную жизнь, вдруг обрел богатых покровителей, которые оплачивали ему все расходы по избирательной кампании. Саморано выступал с демагогических позиций «друга народа», обещая в случае своего избрания каждого бедняка превратить в богача, отменить налоги и т. п. На что же рассчитывал этот бывший поп и его не столь безвестные покровители? Их расчет был прост: оторвать от Альенде несколько тысяч голосов, что могло стать решающим фактором в пользу

Алессандри.

Этот расчет оправдался. Алессандри собрал 389 909 голосов, а Альенде 356493 голоса, на 33 416 голосов меньше. Саморано получил 41304 голоса, которые, если б не было его кандидатуры, пошли бы Альенде.

В Чили легко определить процент мужчин и женщин, голосующих за того или другого кандидата; мужчины и женщины опускают голоса в отдельные ящики, и подсчет голосов также ведется отдельно. Итоги голосования показали, что за Альенде голосовало больше мужчин, чем женщин. Многие женщины стали жертвами кампании психологического террора, представлявшего Альенде как разрушителя семейных очагов и сторонника «свободной любви». Когда стали известны результаты выборов, Альенде с улыбкой сказал журналистам: «Женщины нанесли мне поражение на выборах, а дома командуют мною, и тем не менее я все больше и больше преклоняюсь перед ними».

Так как и на этот раз ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, то парламенту надлежало избрать президентом одного из двух кандидатов, получивших относительное большинство голосов. В данном случае предстояло сделать выбор между Алессандри и Альенде. Конгресс избрал Алессандри. За него голосовали консерваторы и либералы, к которым присоединились радикалы и демохристиане, утверждавшие, что традиция обязывает их голосовать за кандидата, получившего наибольшее число голосов.

Альенде, таким образом, во второй раз потерпел поражение на пути к «Ла-Монеде». Но на этот раз он был настолько близок к победе, что, будь выборы «чистыми», он несомненно вышел бы на первое место.

Альенде потерпел поражение, но теперь друзья и врага стали смотреть на него как на реального, а не символического, как то было в 1952 году, претендента на президентскую должность. В поражении Альенде на этот раз таился залог грядущей победы. Теперь уже не вызывало сомнения, что в Чили левые силы могут прийти к власти «законным», мирным путем, через урны.

В январе 1959 года Альенде полетел в Каракас, куда его пригласили на торжества по случаю вступления в должность нового президента Венесуэлы Ромуло Бетанкура. Альенде связывала с Бетанкуром давнишняя дружба; в 30-х годах Бетанкур являлся в эмиграции в Чили. В молодости он был радикалом, даже числился некоторое время коммунистом. Затем создал собственную партию националистического, реформистского типа — «Демократическое действие». На выборах, последовавших вслед за

свержением диктатуры Переса Хименеса, Ромуло Бетанкур был избран президентом Венесуэлы.

В Каракасе в те январские дни говорили не столько о новом президенте, сколько о событиях на Кубе, где народ во главе с повстанцами Фиделя Кастро после кровопролитной борьбы сверг тирана Батисту. В освобожденную Гавану первыми вошли «бородачи» легендарного майора Эрнесто Гевары, по прозвищу Че. Куба ликовала. О Фиделе Кастро говорили и писали в те годы самые противоречивые и невероятные вещи. Друзья называли его «Робин Гудом XX века», враги — «тайным агентом Москвы», одни считали его патриотом, другие — авантюристом.

Что же произошло в действительности на Кубе? Революция? Если да, то какая? Была ли то обычная для Латинской Америки замена одного правителя другим или на этот раз имел место действительно коренной перелом, предвестник глубоких социальных и политических перемен? Но возможен ли такой перелом на Кубе, этой «колонии янки», где все буржуазные партии давно прогнили насквозь, а компартия истекала кровью в результате многолетних жесточайших преследований?

Чтобы лучше разобраться в событиях на острове Свободы, как стали называть Кубу сторонники Фиделя Кастро, Альенде решил взглянуть на них собственными глазами.

В столицу Кубы Альенде прилетел 20 января. Едва успел он поселиться в гостинице, как его внимание привлек шум, радостные возгласы толпы, музыка. Он вышел на улицу, и его глазам предстало невероятное, как он потом говорил, зрелище: по мостовой шагали под звуки бравурного марша двести здоровенных американских полицейских, возглавляемых начальником полиции из американского штата Майами! И это после свержения Батисты?

Как потом выяснилось, руководители кубинской революции не имели к этому параду никакого отношения. Полицейские Майами и Гаваны ежегодно обменивались «дружескими» делегациями такого рода. Воспользовавшись отсутствием визового режима между двумя странами, американцы после падения диктатуры Батисты послали свою полицейскую делегацию в Гавану для укрепления «дружеских связей», на этот раз с новыми властями. Разумеется, узнав о «визите», руководители революции постарались побыстрее избавиться от непрошенных гостей навязчивых «друзей».

Не зная тогда этих подробностей, Альенде истолковал присутствие американских полицейских в Гаване как доказательство американского влияния на руководителей кубинской революции. Возмущенный, он решил

немедленно покинуть Кубу и возвратиться в Чили.

И это действительно произошло бы, не встретить он случайно своего старого друга Карлоса Рафаэля Родригеса, одного из руководителей Народно-социалистической партии (компартии) Кубы, сражавшегося под руководством Фиделя Кастро в горах Сьерра-Маэстры.

Дальше, по словам Альенде, произошло следующее.

— Как ты здесь очутился? — спросил его Родригес.

— Я приехал, — ответил Альенде, — познакомиться с вашей революцией. Не обнаружив ее, возвращаюсь домой. Хороша революция, если ей аплодируют американские полицейские!

— Ошибаешься, Сальвадор. Оставайся, познакомься, поговори с нашими руководителями, и тогда поймешь, что к чему.

В тот же вечер Альенде позвонила по телефону Алейда, тогда секретарь Эрнесто Че Гевары. Она сказала Альенде:

— Майор Че посылает за вами машину, он вас ждет в крепости «Ла-Кабанья».

«Через полчаса я прибыл в «Ла-Кабанью» и встретился с Че, — вспоминал потом Альенде. — Че лежал голый по пояс в заношенных солдатских штанах на походной раскладушке в большой комнате. Помню, что там же стояло бронзовое ложе внушительных размеров. Че страдал от очередного приступа астмы и вдыхал какую-то целебную смесь через ингалятор. Я сел на бронзовое ложе и подождал, пока он придет в себя.

— Послушайте, Альенде, — сказал мне Че, — я прекрасно знаю, кто вы такой. Во время вашей первой президентской кампании я находился в Чили, дважды слушал ваши выступления. Одно было отличным, другое — отвратительным. Следовательно, нам нечего скрывать друг от друга, и мы можем говорить откровенно.

Потом я убедился, какими выдающимися интеллектуальными способностями и человеческими качествами обладал Гевара, как он умел видеть всю совокупность континентальных проблем, как здраво оценивал борьбу народов. Че познакомил меня с Раулем Кастро, потом мы пошли к Фиделю. Шло заседание кабинета министров, меня попросили присутствовать на нем. Затем Фидель увел меня в зал, где отдыхали бойцы Повстанческой армии. Одни из них играли в шахматы или карты, другие просто лежали на полу в обнимку с автоматом. Пристроившись в свободном уголке, мы долго говорили с Фиделем. Тогда я понял, что в действительности представлял собой Фидель».

С тех пор Альенде я вожди кубинской революции поддерживали самые тесные дружеские связи. После встреч и бесед с Фиделем, Раулем,

Че Сальвадор Альенде по достоинству оценил всю глубину кубинской революции, ее подлинно народный, антиимпериалистический характер, ее значение как провозвестника нового этапа национально-освободительного движения в Латинской Америке. В его лице кубинская революция обрела надежного и последовательного друга, выступавшего вплоть до последнего дня своей жизни в ее защиту.

Альенде связывала с кубинскими руководителями не только идейная общность, их сближала, роднила и схожесть характеров, вкусов, наклонностей. Альенде, как и руководители кубинской революции, политически сформировался в левом студенческом движении, питался одинаковой с ними духовной пищей, одними и теми же книгами. У него и у них были одни и те же герои, перед которыми они преклонялись, — вожди войны за независимость Бернардо О'Хштинс, Симон Боливар, Хосе Марти, «генерал свободных людей» Сесар Аугусто Сандино, возглавлявший войну против американских интервентов в Никарагуа в 20—30-х годах XX века, Луис Эмилио Рекабаррен, Пабло Неруда, а также великие обличители империализма, помещиков, капиталистов и попов мексиканские художники-монументалисты Хосе Клементе Ороско, Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос... А с Че его сближало еще и то, что они оба были врачами и оба пожертвовали медициной в пользу революционной борьбы за освобождение Латинской Америки от гнета империализма.

Но чилийский лидер не только в чем-то походил, но и в чем-то отличался от революционеров острова Свободы.

Он был почти вдвое старше своих кубинских друзей.

В отличие от них, конспираторов, подпольщиков, партизан, боровшихся с оружием в руках против Батисты и одержавших победу над многократно превосходившим их числом и вооружением противником, чилиец был политиком парламентского, так сказать, «легального» типа, мастером политических баталий, привыкшим сражаться словом, а не автоматом. На первый взгляд могло показаться, что это должно было отдалить его от руководителей кубинской революции. Ведь его методы борьбы казались прямой противоположностью кубинским, с тем еще для него минусом, что кубинские революционеры уже продемонстрировали действенность своих методов, их результативность, а ему, проигравшему две президентские кампании, еще предстояло доказать, что он на верном пути, что в Латинской Америке народ может победить не только путем вооруженных действий, но и «мирным» путем, в частности с использованием выборов.

Не было ли это реформизмом, утопией, самообманом, в особенности в

свете столь, казалось бы, убедительного опыта кубинской революции? Только будущие события, только последующее развитие революционного процесса в Латинской Америке могло дать окончательный ответ на этот вопрос. И все же при всех отличиях в тактике конечная цель была у них одинакова.

«Мирный» путь Альенде выбрал не потому, что был пацифистом по натуре или питал какие-то иллюзии в отношении намерений своих политических противников, а потому, что считал его для Чили наиболее действенным, наиболее реальным, ведущим к завоеванию власти трудящимися. Это хорошо понимали его кубинские друзья и среди них Че, наиболее бескомпромиссный сторонник вооруженной борьбы против сил реакции и империализма. В этом проявлялось не только доверие Эрнесто Гевары к Альенде, как к революционеру и человеку, но и одинаковая с ним оценка положения в Чили, где в силу целого ряда обстоятельств — наличия парламентской традиции, мощного рабочего движения — сложились условия, благоприятствовавшие тактике единого фронта в иных формах и проявлениях, чем вооруженное восстание или партизанская борьба, как это имело место на Кубе и как, по мнению того же Че, должно было иметь место в большинстве стран Латинской Америки. Альенде очень ценил книгу Че «Партизанская война», которую ее автор подарил ему с дарственной надписью: «Сальвадору Альенде, стремящемуся другими путями достигнуть того же самого. С добрым чувством — Че». Со своей стороны, Альенде был горячо привязан к Че. Он относился к нему как бы к своему «alter ego» — «второму я».

Альенде и Че встретились во второй и последний раз в 1961 году в Уругвае, во время конференции в Пунта-дель-Эсте. Здесь посланцы президента Кеннеди, наемники которого потерпели бесславное поражение на Плайя-Хирон в апреле того же года, пытались поймать латиноамериканцев на золотой крючок «Союза ради прогресса», добиться от них осуждения кубинской революции. Альенде прибыл в Уругвай, чтобы публично выразить солидарность народа Чили с революционной Кубой и разоблачить «Союз ради прогресса» как нового троянского коня, с помощью которого империализм США намеревался затормозить развитие революционного процесса в западном полушарии.

Прогрессивная уругвайская общественность пригласила Че и Альенде выступить на митинге в университете Монтевидео. Реакционеры неистовствовали. Кубинские «гусанос» («черви») — эмигранты и их местные пособники угрожали смертью Че.

После митинга Че сказал Альенде:

— Сальвадор, мы должны выйти из здания поодиночке, иначе одной автоматной очередью нас могут обоих прикончить.

— Так мы и поступили, — вспоминал впоследствии Альенде. — Вокруг университета стояла огромная толпа народа. Люди скандировали антиимпериалистические лозунги. Вдруг раздались выстрелы. Террористы открыли огонь прямо по университету. Позднее мы узнали, что от их пуль погиб наш друг, профессор университета. Вечером Че пригласил меня к себе в гостиницу. Он хотел поговорить со мной. С ним была его мать, которую он очень любил.

Кубинская революция резко изменила политический климат в Латинской Америке, послужила могучим стимулом в антиимпериалистической борьбе, обострила классовые противоречия, поставила на повестку дня осуществление коренных социальных преобразований. Она нанесла смертельный удар концепции «географического фатализма», которая служила соглашательским кругам национальной буржуазии оправданием их холопского прислужничества перед Вашингтоном. Теперь, после победы повстанцев Фиделя Кастро и в особенности после разгрома американских наемников на Плайя-Хирон, уже нельзя было утверждать, что слабые, нищие, отсталые народы Латинской Америки не в состоянии успешно бороться с «северным гигантом». Если победу одержала маленькая Куба, находящаяся у самой пасти империалистического чудовища, то с еще большим основанием могли надеяться освободиться от его гнета народы более крупных и более развитых республик.

Между тем в Чили правительство Хорхе Алессандри, находившееся у власти с 1958 года по 1964 год, пыталось в создавшихся условиях «и невинность соблюсти, и капитал приобрести». С одной стороны, оно шло на поводу Соединенных Штатов: Алессандри принял план стабилизации экономики и развития, навязанный Чили Международным валютным фондом, план, соответствующий интересам американских монополий. «Львенок» послушно следовал за госдепартаментом и в его антикубинской политике. Он приветствовал «Союз ради прогресса», порвал дипломатические отношения с Кубой. С другой стороны, будучи ловким и хитрым политиком, Алессандри стал развивать экономические и культурные контакты с Советским Союзом, что привело в 1960 году к открытию в Сантьяго торгового представительства СССР. В целом же деятельность Алессандри способствовала еще большему обогащению крупных местных капиталистов и иностранных монополий, орудовавших в Чили.

Чилийские трудящиеся оказывали сопротивление реакционной политике Алессандри. В стране множились забастовки, ширилось недовольство среди крестьян, укреплялись позиции коммунистов и социалистов. Число поданных за них голосов на муниципальных и парламентских выборах непрерывно росло. Студенты, рабочие, интеллигенция выступали в поддержку революционной Кубы.

В конце 1962 года, за два года до окончания срока мандата Алессандри, партии стали подумывать о новых президентских выборах, обсуждать соответствующие кандидатуры. Что касается левых сил, то тут все было ясно — ФРАП продолжал стоять за Альенде. Его авторитет за истекшее после последних выборов время значительно возрос. Победа кубинской революции, ее успехи в борьбе с реакционными силами наглядно показывали необходимость осуществления кардинальных социальных преобразований, их абсолютную неизбежность. Альенде, как уже было сказано, с первых же дней победы сторонников Фиделя Кастро встал на защиту кубинской-революции, что не могло не способствовать его популярности в народных массах, сочувствовавших «бородачам». В то же время Альенде продолжал настаивать на том, что чилийская революция будет развиваться своим собственным путем, через мобилизацию и сплочение трудящихся масс, которые, придя к власти, будут действовать в рамках конституции и чилийских демократических традиций. Одновременно он предупреждал, что трудящиеся применят силу, если буржуазия не признает вердикта урн или воспрепятствует проведению реформ, требуемых народом. Его позиция соответствовала девизу чилийского государства «Убеждением или силой!».

В январе 1963 года в Сантьяго состоялась народная ассамблея всех национальных антиимпериалистических сил. Ассамблея провозгласила Альенде кандидатом в президенты от ФРАП на предстоящих в конце будущего года выборах.

Противники ФРАП выдвинули двух кандидатов — Хулио Дурана от радикалов, консерваторов и либералов, образовавших так называемый Демократический фронт, и Эдуардо Фрея от демохристианской партии. Дуран, выступивший с традиционных антикоммунистических позиций, представлял интересы крупных финансовых кругов и олигархии. Махровый реакционер, откровенно исповедовавший свою преданность линии Вашингтона, Дуран вряд ли мог рассчитывать на успех.

Другое дело — Фрей, рекламировавший себя как сторонника социальных преобразований под лозунгом «В Чили все должно измениться!».

Комментируя предвыборные обещания Фрея, Альенде говорил:

— Еще до начала избирательной кампании мы считали, что неудержимое наступление народного движения, бурные события в мире вынуждают и будут вынуждать впредь реакционные силы перенимать наш язык, заставляя их идти на формальные уступки, чтобы не выглядеть заклятыми врагами социального прогресса. Основные лозунги нашей программы, которая раньше квалифицировалась как демагогическая и нереальная, были самым бесстыдным образом подхвачены противниками всяческих перемен. Такие выражения, как «социальные перемены», «аграрная реформа», «перераспределение национального дохода», «торговля со всеми странами» и т. д., прочно вошли в пропагандистский лексикон реакции.

Но главным оружием Фрея была не его реформистская программа — на предвыборные обещания он и в прошлом не скупился, — а все тот же психологический террор, целью которого было запугать избирателя призраком коммунизма. Фрей пользовался этой отравой в размерах, невиданных до того в Чили. Идя по стопам Ибаньеса и Алессандри, Фрей утверждал, что победа Альенде будет означать террор, кровь, невинные жертвы, страдания, убийства, преступления, насилия и тому подобные беды. Эта мысль ежедневно вбивалась в головы чилийцев через каналы массовой информации и церковные проповеди.

Индустрия страха, как ее назвал чилийский публицист Эдуардо Лабарка Годдард, перешла всякие границы, она подавляла, угнетала, терроризировала население. Через определенные, короткие промежутки времени по радио передавали звуки автоматной очереди. Затем слышался отчаянный женский крик:

— Убили моего сына! Это коммунисты!

Следовал слезливо-прочувствованный голос диктора?

— Коммунизм может предложить только кровь и страдания... Чтобы этого не случилось в Чили, выберем в президенты Эдуардо Фрея.

Печать, кино, радио, афиши, стенные газеты, брошюры, листовки, книги — все было использовано, чтобы создать климат, враждебный кандидату ФРАП. В книге «Победил Альенде», изданной к выборам Католическим университетом, описывался дантов ад, который наступит в стране в случае победы левых сил. Использовались с этой целью и спортивные темы. Одна из избирательных афиш призывала: «Гол в пользу Чили! Повторим на выборах победу на мировом чемпионате по футболу. Чили — 2 (Фрей) = Россия — 1 (Альенде)»^[9].

Сторонники Фрея распространяли фотографии кубинца, будто бы

исповедуемого священником перед расстрелом. Надпись гласила: «Чилиец! Если победит Альенде... Ты хочешь, чтобы это произошло и в Чили?» Далее пояснялось, что это «подлинное фото кубинского рабочего незадолго до его расстрела». Это изображение воспроизводилось в газетах, листовках, смотрело с плакатов, расклеенных на улицах. Фото было подлинным, но на нем был изображен не «кубинский рабочий», а известный палач, начальник тайной полиции тирана Батисты, замучивший сотни кубинских патриотов и приговоренный судом за свои кровавые преступления к смертной казни.

Для поддержки кандидатуры Фрея в Чили были направлены «живые свидетели коммунистического террора» — венгерские и кубинские контрреволюционеры. Они выступали по радио, в газетах, на митингах с призывами «спасти Чили от коммунизма».

Сторонники Фрея широко использовали подкуп избирателей. Религиозные организации «Каритас» и другие посылали из США сотни тысяч пакетов с едой и одеждой, которые раздавались беднякам в «грибных» поселках на окраинах за обещание проголосовать за лидера ХДП. Покупались не только голоса, но и люди. В марте 1964 года Вальдо Грес, лидер социалистов в бедняцком районе Сан-Мигель в Сантьяго, создал «Социалистическую партию народа» и объявил о поддержке кандидатуры Фрея. За свое предательство Грес получил от Фрея взятку в 60 тысяч эскудо. Еще ранее Грес безуспешно пытался создать пропекинскую группу, с помощью которой намеревался расколоть социалистическую партию. Несмотря на то, что «Социалистической партией народа» на самом деле не существовало, пропагандисты лидера ХДП заявляли: «Фрей имеет поддержку слева». После выборов Вальдо Грес завершил свое предательство, вступив в партию демохристиан.

В кампании запугивания избирателей активно участвовали и церковные иерархи. В пастырском послании чилийского епископата, опубликованном еще в сентябре 1962 года, говорилось, что «от победы коммунизма в Чили церковь и все ее чада не могут ожидать ничего другого, кроме преследований, слез и крови».

Особенно энергично работали на Фрея иезуиты во главе с бельгийским специалистом по социальным вопросам аббатом Роже Векемансом. Иезуиты лицемерно заверяли, что церковь приветствует всяческие реформы и даже осуждает помещиков и капиталистов, более того, она за революцию, но при одном обязательном условии: революция должна быть мирной, осуществляться в условиях свободы и без участия в ней марксистов, то есть социалистов и коммунистов.

Следуя рекомендациям своих советчиков-иезуитов, Фрей взял на

вооружение лозунг «Революция в условиях свободы». Альянде разоблачал демагогический характер этого лозунга: «Говорят — «революция» и одним глазом подмигивают народу, говорят — «в условиях свободы» и другим глазом подмигивают эксплуататорам».

Реакционеры понимали, насколько уязвима была их «революционная» демагогия. Эти «миротворцы» сомневались в поддержке избирателей и готовились силой преградить Альянде путь к власти. Перед выборами страна покрылась сетью террористических групп, выступавших под вывеской организаций «Свободная Чили», «Форум свободного труда», «Фидусиа», «Чилийское общество защиты традиций, семьи и собственности» и других. «Свободная Чили» возглавлялась крупным дельцом Хорхе Фонтане, который потом станет президентом Конфедерации промышленности и торговли и будет вести подрывную работу против правительства Альянде. Капиталисты, банкиры, агенты ЦРУ, реакционные военные и полицейские чины — вот кто руководил этими бандами громил и убийц.

Как сообщила в апреле 1973 года газета «Вашингтон пост» со ссылкой на данные ЦРУ, правящие круги США израсходовали 20 миллионов долларов, чтобы добиться избрания Фрея на пост президента. Поддержка реакционных режимов соответствовала официальному курсу США. Американские власти открыто вмешивались в дела своих южных соседей, свергая неугодные им правительства, насаждая покорных им «горилл», применяя к строптивым и неугодным для них деятелям политику шантажа, давления и угроз. По их наущению «гориллы» низложили в апреле 1964 года конституционного президента Бразилии Гуларта. То же самое ожидает и Альянде, угрожали обозреватели буржуазных американских газет, а Томас Манн, помощник государственного секретаря по странам Латинской Америки, публично заявил, что Альянде «никогда не будет президентом».

Однако по мере приближения президентских выборов правые силы теряли уверенность в победе. 15 марта 1964 года на дополнительных выборах в палату депутатов в Курико кандидат правых, несмотря на поддержку демохристианской партии, потерпел поражение. Победил социалист, кандидат ФРАП. Это означало, что Альянде при наличии трех кандидатур — его, Дурана и Фрея — мог получить если не абсолютное, то относительное большинство голосов и все-таки стать президентом. Такая перспектива заставила консерваторов и либералов переметнуться от Дурана к Фрею. Таким образом, Фрей из кандидата «демократической левой», как он себя именовал до этого, превратился в кандидата «Национального движения» — блока консерваторов, либералов и клерикалов. Правые

радикалы тоже фактически присоединились к нему, хотя официально Дуран не снял своей кандидатуры.

4 сентября 1964 года состоялись выборы президента. Победил Фрей. За него было подано 1409012 голосов. Альенде собрал 977 902 голоса, Дуран — 130 233.

Хотя Альенде получил самое высокое количество голосов, которое собирал когда-либо кандидат левых сил не только в Чили, но и в Латинской Америке, он и на этот раз — в третий! — проиграл битву за власть.

Не означал ли этот результат выборов конец его политической карьеры или, по крайней мере, его притязаний на президентское кресло? Не превращал ли его этот результат в «вечного претендента» на президентский пост? Выходит, был прав Томас Манн, предсказывавший, что Альенде никогда не станет президентом Чили?

Отвечая после выборов на вопросы журналистов о его дальнейших политических планах, Альенде со свойственным ему юмором ответил:

— Когда я умру, на моем надгробье будет высечено: «Здесь покоится Сальвадор Альенде, будущий президент Чили».

Значит, он решил продолжать борьбу?

Мы вскоре узнаем об этом.

СТРАНА, РАСКАЛЕННАЯ ДОКРАСНА

Фрей рекламировал свою «революцию в условиях свободы» не только как «лучшее лекарство» против коммунизма, но и как панацею от всех социальных зол. Но совершил ли он революцию? Даже его политические друзья и единомышленники были вынуждены признать, что никакой революции Фрей не осуществил, никакого коммунитарного общества не построил.

К помещикам, капиталистам и иностранным монополистам Фрей относился с подчеркнутым уважением, ничем не стесняя их свободу эксплуатировать чилийский народ. Как и предвидел Альенде еще до выборов, лозунг «революция в условиях свободы» означал, что противникам революции будет предоставлена свобода бороться с нею, всемерно препятствовать ее развитию. Так в действительности и оказалось.

Куца аграрная реформа, не затронувшая основных интересов латифундистов; политика «цилизации» меди, передававшая в руки государства 51 процент капитала иностранных корпораций и оставлявшая им возможность загребать, как и прежде, баснословные прибыли, — вот и все «революционные» преобразования, на которые оказался способен Фрей. Да и они были осуществлены под напором трудящихся масс, можно сказать, вырваны чуть ли не силой у демохристианского правительства.

Зато по отношению к трудящимся Фрей проявлял такой же «железный характер», как и его консервативные предшественники на президентском посту. Фрей создал специальные мобильные отряды карабинеров, которые, как писал Луис Корвалан, «были превращены в жестокий ударный батальон, используемый для подавления борьбы рабочих, крестьян, учащихся и жителей поселков нищеты. Его вооружили до зубов танкетками, автоматами, гранатами с газами слезоточивого, рвотного, раздражающего действия и другими видами оружия».

Фидель Кастро, комментируя политику репрессий правительства Фрея, отмечал: «Мне действительно грустно и жалко наблюдать, как буржуа Фрей стал жертвой своих собственных противоречий. Он сказал, что осуществит бескровную революцию, но то, что он принес Чили, — это не бескровная революция, а кровь без революции, с убийствами рабочих. Сторонники Фрея во время избирательной кампании осуждали наказание батистовских преступников на Кубе и законы, которые революционеры вынуждены применять к классовым врагам, сами же они расправляются с рабочими,

стреляют, убивают, лишают их жизни без закона и суда».

Провал реформистской деятельности Фрея, по существу, означал банкротство широковещательной программы «Союз ради прогресса», под эгидой и в духе которой действовал демохристианский лидер.

Вначале с приходом Фрея к власти в Вашингтоне били в литавры, празднуя победу. Правящие круги США надеялись, что Фрей создаст в Чили «антикубинскую модель», и, не жалея средств, оказывали помощь его правительству. Американская печать превозносила Фрея чуть ли не как спасителя Латинской Америки от коммунизма. Отражая эти настроения, известный апологет империализма янки Джон Гантер в своей книге «Внутри Южной Америки» назвал Фрея «нужным человеком в Чили». Этот «нужный человек» оказался бессильным воспрепятствовать развитию революционного процесса.

Стараясь не растерять свой политический капитал и удержать влияние на избирателей, Фрей пытался компенсировать свою весьма робкую внутреннюю реформистскую политику отходом во внешней политике от традиционного антикоммунистического курса своих предшественников. Он восстановил дипломатические отношения с Советским Союзом и рядом европейских социалистических стран, выступал за укрепление регионального сотрудничества в Латинской Америке, отрицательно отзывался об интервенции США против Доминиканской Республики в 1965 году, к концу своего пребывания у власти в погоне за голосами для своей партии реализовал несколько торговых сделок с революционной Кубой, нарушив тем самым установленную Соединенными Штатами экономическую блокаду острова Свободы.

Попытки Фрея проявить внешнеполитическую самостоятельность вызвали раздражение в Вашингтоне и ярость в стане чилийских «мумий». Реакционеры оценивали реформистские потуги «христианского гуманиста» как проявление политической нерешительности, слабости и растерянности. Они требовали от Фрея усиления репрессий против рабочего движения, а не реформистских прожектов и болтовни о «коммунитарном братстве». «Мумии» кричали, что Фрей открывает дорогу социалистической революции, а не спасает страну от коммунизма, воплощением которого был для них ФРАП и его лидер Сальвадор Альенде.

В стране нарастали социальные конфликты, обострялись классовые противоречия. Крестьяне захватывали земли помещиков, жители «грибных» поселков — пустующие квартиры в новых домах, студенты требовали демократизации системы высшего образования, рабочие — повышения заработной платы и эффективных мер по борьбе с инфляцией.

Бастовали банковские служащие и судебские чиновники, требуя увеличения жалованья.

Даже среди духовенства стало проявляться недовольство консервативной ориентацией правительства Фрея и церковной иерархии. Дело дошло до того, что оппозиционные, или, как их стали называть, «мятежные», священники в знак протеста против антинародной политики церковной верхушки захватили кафедральный собор в Сантьяго. «Мятежные» священники, левые католики, осуждавшие капиталистическую систему, действовали и в других странах Латинской Америки, вызывая резкие возражения со стороны реакционных кругов Ватикана. В 1968 году папа римский Павел VI прибыл с официальным визитом в Боготу (Колумбия), где в ряде выступлений осудил стремление левых католиков к революционным — «насильственным» — переменам. Он призывал верующих к смирению и отказу от активной борьбы за улучшение условий жизни, обещая им согласно традиционным церковным рецептам за земные страдания награду сторицею в потустороннем мире. Папские осуждения и призывы к благоразумию и долготерпению не затормозили дальнейшей радикализации католического лагеря. Мятежные выступления священников и верующих продолжались.

Это отразилось и на положении Фрея в собственной партии, где его противоречивый курс вызывал все большее брожение и недовольство. Многие члены партии требовали проведения более энергичной политики социальных преобразований, более решительных мер против иностранных монополистических компаний. В июле 1967 года левые получили большинство в высшем органе партии — Национальном совете. Однако Фрея и его сторонникам путем ряда маневров удалось восстановить контроль над партийным руководством. Это привело к расколу ХДП. Из нее вышли сенатор Рафаэль Гумусио, депутат Хулио Сильва Солар, Жак Чончоль, один из авторов закона об аграрной реформе, и другие деятели — сторонники некапиталистического пути развития. Они образовали оппозиционную группировку Движение единого народного действия (МАПУ), которое стало сотрудничать с партиями, входившими во ФРАП.

Только в рядах армии на первый взгляд не наблюдалось брожения, но никто не тешил себя иллюзией, что армия в условиях обостряющегося политического и социального кризиса будет долго пребывать «вне игры». Исторический опыт свидетельствовал, что армия — этот гарант конституции и демократической законности, как ее величали и правые и левые, — всякий раз «подавала голос», когда возникала настоящая угроза интересам правящих кругов, превращаясь из послушного исполнителя воли

правительства в активного субъекта, диктующего свою волю хозяину «Ла-Монеды».

А что же делал Сальвадор Альенде в годы пребывания у власти Фрей? Находясь на влиятельном посту председателя сената, Альенде поддерживал те мероприятия демокристического правительства, которые могли быть полезны трудящимся, и осуждал и критиковал те из них, которые шли вразрез с их интересами. По мере того как Фрей и его сторонники все больше скатывались вправо, позиция Альенде, как и всех левых, естественно, становилась все более непримиримой и резкой.

В середине 60-х годов национально-освободительное движение в Латинской Америке находилось на перепутье. С одной стороны, революционная Куба, охваченная кольцом американской экономической блокады, предпринимала героические усилия для преодоления экономической отсталости и отражения подрывных действий, организуемых на ее территории агентами ЦРУ. С другой стороны, почти вся Латинская Америка, за исключением Чили, Уругвая и Мексики, находилась тогда под пятой диктаторских режимов, тесно связанных с госдепартаментом, Пентагоном, ЦРУ, «Союзом ради прогресса» и Организацией американских государств (ОАГ). Временное поражение антиимпериалистических сил в Бразилии, Венесуэле, не сумевших предотвратить приход к власти ультраправых режимов, толкнуло некоторых революционно настроенных деятелей на путь вооруженной борьбы «любой ценой», что породило в ряде стран партизанское движение и привело к созданию различного вида экстремистских группировок. Свою долю сумятицы в национально-освободительное движение пытались внести китайские раскольники. Действуя подкупом и интригами, они создавали группки авантюристических элементов, которые, располагая неограниченными средствами, с благосклонного согласия полицейских властей вели бешеную кампанию лжи и клеветы против компартий и Советского Союза.

В Чили также действовали такого рода элементы. Они стремились ослабить не только коммунистическую, но и социалистическую партию. В самой СПЧ большинство склонялось к созданию «фронта трудящихся» (коммунисты, социалисты и профсоюзы), отрицая эволюцию влево радикальной партии и отвергая расширение ФРАП за счет радикалов. Это значительно снижало шансы на победу левых сил на предстоявших в 1970 году президентских выборах.

Альенде вместе с коммунистами отстаивал идею самого широкого объединения всех левых политических групп и деятелей без каких-либо

исключений на основе конкретной антиимпериалистической и антиолигархической программы. Альянде продолжал считать, что в Чили все еще возможно одержать победу левому блоку путем выборов, при условии, разумеется, сохранения демократических свобод. Одновременно с этим дон Чичо самым решительным образом поддерживал революционную Кубу и с большой симпатией отзывался о тех революционерах, которые с оружием в руках сражались против реакционных режимов в разных странах Латинской Америки.

В июле 1967 года Альянде во главе чилийской делегации, в которую входили представители социалистической, коммунистической и других левых партий и группировок, направился в Гавану, где принял участие в Трехконтинентальной конференции солидарности, резко осудившей агрессивные действия американского империализма. На этой конференции Альянде выступил с предложением создать Латиноамериканскую организацию солидарности (ОЛАС), которая и была учреждена в Гаване в июле — августе того же года. ОЛАС провозгласила вооруженную борьбу основным путем, ведущим трудящихся к власти, и призвала вместе с тем использовать и другие формы борьбы.

Деятельность Альянде на Трехконтинентальной конференции, его страстные выступления, разоблачавшие преступные действия империалистов США, его солидарность с освободительной войной народов Вьетнама, с борьбой партизан в Боливии, которых, как предполагалось, возглавлял Эрнесто Че Гевара, вызвали против него в Чили волну новых нападок со стороны правых и обвинения в приверженности к «кастрокоммунизму». Под этим термином, пущенным в ход агентами ЦРУ, подразумевалось руководство Коммунистической партии Кубы. Но нападки не смущали Альянде. Он к ним привык.

— Меня, — говорил он, — обвиняли во всем, чем угодно, за исключением разве кровосмешительства и воровства.

Трехконтинентальная конференция в Гаване привела в бешенство империалистов США. Они потребовали от правительств Латинской Америки подвергнуть преследованиям ее участников. Делегатам конференции чинились различные препятствия для возвращения на родину. Самолету, на котором возвращалась в Сантьяго чилийская делегация, было отказано в посадке в ряде стран. С большим трудом удалось добиться разрешения устроить остановку в Сан-Паулу. Оттуда самолет был вынужден лететь по незнакомому маршруту через Анды, а затем вдоль тихоокеанского побережья. Полет совершался ночью, вслепую, у летчиков не было навигационных карт этого района. Опасаясь столкнуться с

горными вершинами, пилоты подняли самолет на большую высоту. Пассажиры стали испытывать кислородный голод. Полет совершался в кромешной тьме, к тому же сквозь зону циклопа. Самолет бросало, точно щепку, во все стороны. Он зловеще трещал, казалось, вот-вот развалится на куски. Лопнуло стекло одного из окоп, в самолет ворвалась струя ледяного воздуха. Летчики с трудом заделали пробоину.

— Во время полетов, в особенности на дальние расстояния, — вспоминает Володя Тейтельбойм, участник этого драматического рейса, — случаются тяжелые моменты, но именно моменты, они длятся минуты, но в данном случае кошмар длился несколько часов. Все это время Альенде сохранял свойственное ему присутствие духа, шутил, подбадривал товарищей, рассказывал всякого рода смешные истории. Это было тем более необходимо, что не все пассажиры справлялись с нервным напряжением. Одни, потеряв веру в спасение, громко молились, другие плакали.

И вот, когда самолет особенно сильно тряхнуло и он, казалось, камнем полетел вниз, Альенде подошел к Володе и спокойно сказал:

— Кажется, это конец. Ну что ж, одно только могу сказать, что с нашей гибелью борьба за освобождение Чили не прекратится. Гибель отдельных борцов достойна сожаления, но она не может приостановить неотвратимый ход истории.

К счастью, самолет не потерпел катастрофы и некоторое время спустя благополучно приземлился в Сантьяго.

В том же году Альенде с дочерью Беатрис совершил свое второе путешествие в Европу. Он посетил Москву, где присутствовал на торжествах по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Сальвадор Альенде снова побывал в любимившемся ему Ленинграде. Он пожелал отдать дань уважения Сталинграду, посетив места легендарной борьбы, воспетой его другом Пабло Нерудой.

В конце ноября в Чильяне, на родине Берпардо О'Хиггинса, открылся XXII съезд социалистической партии.

Большинство делегатов съезда высказалось против привлечения радикалов к блоку левых сил. Это вовсе не обескуражило Альенде. Он привык встречать на своем пути, в том числе в своей собственной партии, всякого рода препятствия и преодолевать их. Съезд закончился большим митингом, на котором в качестве главного оратора выступил Альенде.

Присутствовал на этом митинге и слушал Альенде известный советский публицист Юрий Жуков, возглавлявший делегацию КПСС на съезде социалистической партии. В своей книге «Чилийский дневник» он

так описывает выступление дона Чичо:

«...Слово предоставляется председателю сената Сальвадору Альенде. Превосходный оратор, отлично знающий психологию и настроения своих соотечественников, он сразу же овладевает аудиторией. Его слушают буквально затаив дыхание. Альенде подчеркивает особое значение единства революционных сил.

— В стране, — говорит он, — ширится народное движение, требующее коренных социальных перемен. Его авангард — Фронт народного действия, опорой которого является союз коммунистов и социалистов. Нам нужна зрелая партия, — продолжает Альенде, — которая укрепила бы это единство. У нас имеются тактические разногласия с коммунистами. Но существует гораздо больше таких вещей, которые нас объединяют, чем тех, которые нас разъединяют. Нам необходимо укрепить наше единство, чтобы лучше защищать жизненные интересы трудового народа.

Оратор взволнованно говорит о том, что Чили, как и другие страны Латинской Америки — а они все связаны общностью судеб, — переживает трудные времена. Североамериканские монополии продолжают беззастенчиво грабить страну. Альенде приводит множество фактов и цифр. Правительство Фрея обещало покончить с нищетой, обеспечить «революцию в условиях свободы». Но эти обещания остались пустыми словами...

На стадионе гремят аплодисменты. Альенде поднимает руку и продолжает:

— Когда-то сенатор Фрей говорил, что это преступление — стрелять в людей, которые просят хлеба, потому что они голодны. Я хочу сейчас переадресовать эти слова президенту Фрею. Пусть он вспомнит их и возьмет на себя ответственность за людей, убитых в Сантьяго^[10]. Мы должны смотреть фактам в лицо. Экономическое положение страны ухудшается. Реакция усиливается. Права народа урезаются. Конечно, в Чили в отличие от многих других стран Латинской Америки, где властвуют диктаторы, ставленники империализма янки, действуют демократические свободы. Трудящиеся нашей страны добились в упорной борьбе таких завоеваний, каких нет в странах, соседних с нами. Но мы должны отдать себе отчет в том, что эти завоевания сейчас под угрозой. Тем важнее ответить на эту угрозу сплочением революционных сил Чили.

И снова жители Чильяна поддерживают Альенде аплодисментами. Теперь он переходит к проблеме международного сотрудничества революционных сил. Альенде только что вернулся из поездки по

социалистическим странам и сейчас делится впечатлениями с соотечественниками. И конечно же, подробнее всего он говорит о своем пребывании в СССР...

— В Советском Союзе, — восклицает Альянде, — я увидел народ, охваченный революционным энтузиазмом! Я был на крейсере «Аврора». Разговаривал с героями, пережившими блокаду Ленинграда, когда люди получали всего сто двадцать граммов хлеба в день, но героически работали, сражались и умирали, полные решимости победить. Я ходил по улицам города-героя Сталинграда. Я слышал сигналы, которые передавала советская автоматическая научная станция с Венеры. Я был на Красной площади и видел парад великолепных Вооруженных Сил СССР, которые преграждают путь империалистам и стоят на страже мира. Работники посольства Демократической Республики Вьетнам в Москве с признательностью говорили мне о том, какую огромную помощь Советский Союз оказывает героическому вьетнамскому народу, который сейчас дает отпор империалистам-янки...

Я прошу вас, — обращается он к делегатам из социалистических стран, — увезите с собой на родину теплое воспоминание о наших людях, расскажите дома о том, как трудно они живут и как самоотверженно борются. И скажите всем: чилийцы хотят быть свободными! Спасибо за ту надежду, которой вы окрылили нас, — ваш опыт для нас неоценим».

Политическая обстановка в стране продолжала осложняться. В октябре 1967 года в горах Боливии рейнджеры при содействии американских инструкторов окружили партизанский отряд Эрнесто Че Гевары. Че был ранен в бою, захвачен в плен и предательски убит» Гибель славного революционера вызвала в Латинской Америке взрыв возмущения против империалистов-янки и их местных пособников. Большую речь в память об убитом партизанском вожде произнес в сенате Сальвадор Альянде. В феврале 1968 года, когда трое бойцов-кубинцев из отряда Че в сопровождении двух боливийских партизан перешли в Чили из Боливии и были интернированы полицейскими властями, Альянде сделал все возможное, чтобы добиться их скорейшего освобождения. Удалось получить разрешение французского правительства на проезд партизан до Парижа.

Альянде лично сопровождал пятерых бойцов в самолете до острова Пасхи, а оттуда до Таити, где они пересели на самолет, который доставил их в Париж, а затем в Гавану.

Солидарность, проявленная Сальвадором Альянде по отношению к Че и его бойцам, вызвала в его адрес новую волну клеветнических наветов со

стороны реакционеров. «Мумии» требовали удаления его с поста председателя сената, а представитель демохристианской партии сенатор Томас Пабло даже «упрекал» его в том, что он не сражался вместе с партизанами.

Альенде выступил по телевидению и в сенате, защищая свое право на солидарность с антиимпериалистическими борцами Латинской Америки. В письме редактору «Меркурио» он напомнил, что реакционеры не стесняются проявлять солидарность с агрессивными действиями правительства США, которое посылает карательную экспедицию в Доминиканскую Республику, вмешивается во внутренние дела Бразилии и старается сколотить «межамериканскую армию» для подавления освободительного движения на континенте. «Мумии» считают подобные действия законными, нормальными. Антинародному фронту местных и иностранных реакционеров Альенде противопоставил солидарность всех прогрессивных сил Латинской Америки, выступающих за свободу и независимость.

Поражение партизанского отряда Эрнесто Че Гевары в Боливии придало бодрости «мумиям». Они пошли в атаку. Серхио Онофре Харпа, главарь правой национальной партии, образовавшейся в результате слияния консерваторов и либералов, потребовал объявления компартии вне закона. Харпа обвинял Фрея в отсутствии «твердости», утверждал, что он открывает путь «коммунистической диктатуре». Лидер консерваторов призывал армию вмешаться и «навести порядок» в стране, то есть установить антинародную диктатуру.

В воздухе «запахло» заговором. В казармах зашевелились реакционные офицеры. Идя в «ногу со временем», они проводили собрания, выдвигая «невинные» требования о повышении жалованья. Правительство поспешило заверить, что постарается удовлетворить их. Печать сообщала, что в страну прибыл «инкогнито» американский генерал Уокерс, один из асов ЦРУ, участвовавший в 1964 году в свержении конституционного президента Бразилии Гуларта. Уокерс сколотил заговорщическую группировку НУЧ (от заглавных букв «Нуэстро Чиле» — «Наша Чили»), в которую вошли лидеры национальной партии, Рауль Саэс, бывший министр финансов в правительстве Фрея, рассорившийся с ним, и ряд военных в отставке. Планы заговорщиков были расстроены благодаря широкой мобилизации масс, осуществленной совместными усилиями коммунистов, социалистов и профсоюзов, объединенных в КУТ. Правительство, к свержению которого призывал Онофре Харпа, было вынуждено предать его суду, обвинив в подрывной деятельности. Судьи,

однако, не спешили с процессом Харпы, он отделался легким испугом.

К тому времени освободительное движение в Латинской Америке пошло в гору. В начале октября 1968 года в Перу к власти пришли военные во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо. Новый режим весьма решительно взял курс на осуществление радикальной аграрной реформы и на ограничение деятельности американских монополий. Знаменательные перемены произошли и в другой соседней с Чили стране — Боливии, где в 1969 году после гибели в авиационной катастрофе президента Баррьентоса его место занял генерал Овандо, также ставший теснить американские компании и поговаривать о социальных реформах. В свою очередь, в Аргентине среди военных, находившихся у власти, начали брать верх националистические элементы, опасавшиеся чрезмерного усиления Бразилии, поддерживаемой США.

Все эти события не могли не повлиять на положение в Чили, где политические группировки активно готовились к президентским выборам 1970 года.

Демохристианская партия, которую из-за свойственной ей политической разношерстности называли «Ноевым ковчегом», была расколота в основном на три течения. Правые во главе с Фреем, который по конституции не мог баллотироваться на второй срок, пытались договориться с реакционной национальной партией о выдвижении единого кандидата. Левые тяготели к ФРАП. Центристы во главе с Радомиро Томичем выдвигали весьма прогрессивную программу в надежде заручиться поддержкой левых партий. После острой внутрипартийной борьбы победили сторонники Томича, и он стал кандидатом ХДП. Национальная партия отказалась его поддержать, выдвинув своим кандидатом бывшего президента Хорхе Алессандри, которому стукнуло 73 года. Он еле передвигался, нуждался в грелках, выступая на митингах. Старый холостяк, ипохондрик и мизантроп, Алессандри олицетворял собой «мумию» в подлинном смысле этого слова. Его излюбленным времяпрепровождением было посещение кладбища. Он это объяснял следующим образом: «В детстве я очень цеплялся за мою мать Росу-Эстер. Отец даже прозвал меня «муж Росы-Эстер»... С того дня как она умерла, я каждое воскресенье хожу на кладбище. Говорят, что мне нравится ходить туда, что я обожаю кладбище. Действительно, его не знает никто лучше, чем я».

Итак, среди центристов и правых на этот раз в отличие от 1964 года не было согласия. Повышало ли это шансы левого кандидата в президенты на победу? Несомненно. В коалицию Народного единства вошли

коммунистическая, социалистическая, радикальная, социал-демократическая партии, Движение единого народного действия (МАПУ) и Независимое народное действие (АПИ). Однако левые силы не сразу договорились о едином кандидате в президенты. Если на предыдущих выборах кандидатура Альенде с самого начала считалась бесспорной, то теперь дело обстояло значительно сложнее. На старте фигурировало пять кандидатов, или, как их называли, предкандидатов, представлявших партии, входившие во ФРАП. Предстояло среди них избрать единого кандидата левых сил. На кого падет выбор, было трудно предсказать.

Первым предкандидатом стал сенатор Рафаэль Таруд, глава небольшой группировки Независимое народное действие, объединявшей в основном последователей бывшего президента Ибаньеса, отошедшего к тому времени в лучший из миров. Таруд занимал в правительстве Ибаньеса пост министра экономики. Он довольно последовательно придерживался антиимпериалистических позиций и рассчитывая, главным образом на поддержку средних слоев. За его кандидатуру высказалась небольшая социал-демократическая партия, пользовавшаяся влиянием среди ремесленников.

Вторым претендентом на президентское кресло стал Альберто Бальтра Кортес, профессор экономики. Его выдвинула радикальная партия, из которой ушли ярые антикоммунисты во главе с Дураном. Исключенные образовали радикал-демократическую партию, примкнувшую к кандидатуре Алессандри. Бальтра выступал в целом с антиимпериалистических позиций, был председателем Общества чилийско-советской дружбы, посетил СССР, где была издана на русском языке его книга об экономике Латинской Америки.

Третьим предкандидатом стал Жак Чончоль, генеральный секретарь МАПУ, группировки, отколовшейся от демохристианской партии. Он мог рассчитывать на поддержку части избирателей, сочувствовавших ранее ХДП и разочарованных ее весьма умеренной деятельностью.

Появление этих кандидатур заставило компартию выдвинуть своего кандидата. Им стал знаменитый поэт Пабло Неруда, член ЦК КПЧ, человек, обладавший несомненным моральным и политическим весом и пользовавшийся заслуженной популярностью в народе. В отличие от других группировок компартия сразу заявила, что она будет отстаивать кандидатуру Неруды только в том случае, если другие участники ФРАП не проявят благоразумия и не договорятся о едином кандидате.

А как же обстояло дело с Альенде? На старте ему не везло. В его собственной партии имелись другие претенденты на президентское кресло.

Они отвергали альянс с левыми радикалами. Такой позиции, в частности, придерживался тогдашний генеральный секретарь партии сенатор Анисето Родригес.

Учитывая острую внутрипартийную обстановку, Альенде считал благоразумным на некоторое время покинуть Чили, чтобы дать перекипеть страстям. Летом 1969 года он направился в поездку на Кубу, КНДР и ДРВ.

Из Гаваны Альенде послал группе своих последователей письмо, настаивая на расширении ФРАП за счет включения в него всех левых и демократических групп и образования на его основе Отечественного фронта.

В интервью с корреспондентами он пояснил: «Представляю себе Отечественный фронт как самое широкое национальное и антиимпериалистическое движение. В этом случае он будет реальной альтернативой власти... Отечественный фронт, начав с единства социалистов и коммунистов, которое нашло свое выражение в десятилетнем существовании ФРАП, должен стать мобилизующим центром всех тех, кто не колеблясь выступает за революционные изменения, за построение социализма. Повторяю, Отечественный фронт будет самым могучим революционным движением в нашей истории. Нужно объединить для завоевания власти и осуществления национальной революции народные партии, студенческие федерации, Единый профсоюзный центр трудящихся, крестьянские конфедерации, а также тысячи и тысячи людей, находящихся вне партийных рядов, но придерживающихся левых взглядов. Никогда еще международные и национальные условия не были столь благоприятны для победы народа. Перед нами одна цель: завоевание власти. И один только лозунг: «Убеждением или силой!»

Такую постановку вопроса полностью разделяла компартия. Однако в рядах собственной партии позиция Альенде была встречена без особого энтузиазма. В руководстве партии еще преобладали настроения против союзов с непролетарскими группировками. В основе таких настроений лежало неверие в возможность рабочего класса повести за собой и под своим руководством непролетарские слои, чтобы добиться победы, в том числе на выборах.

В августе 1969 года, после возвращения Альенде в Чили, вопрос о выдвижении кандидата в президенты обсуждался на провинциальных конференциях соцпартии. Большинство провинциальных организаций высказалось за Альенде. Другие поддерживали кандидатуру генсека партии Анисето Родригеса. Часть делегатов одобрила позицию сенатора Альтамирано, предлагавшего отложить выдвижение кандидатур на более

поздний период.

29 августа собрался Центральный Комитет социалистической партии. В опубликованном коммюнике сообщалось, что он единодушно одобрил выдвижение Сальвадора Альенде кандидатом в президенты от соцпартии. В действительности же за Альенде проголосовало лишь 12 членов Центрального Комитета, а 13 членов (большинство) — сторонники Анисето Родригеса и Альтамирано — воздержались. Альенде, конечно, одержал победу, но далеко не бесспорную и решительную, в руководстве своей собственной партии. Это в известной степени ослабляло его позиции по отношению к его конкурентам — пред-кандидатам других группировок.

Компартия высоко ценила политические качества Альенде. Луис Корвалан отмечал, что Сальвадор Альенде на протяжении двадцати лет стойко и последовательно сражался за создание фронта левых сил и внес большой вклад в политическое воспитание трудящихся масс, доказывая необходимость революционных перемен. Он предложил создать Отечественный фронт — прообраз блока Народного единства.

— Вклад Сальвадора Альенде, — говорил Луис Корвалан в беседе с чилийским журналистом Лабаркой Годдардом, — в развитие народного движения очень ценен. Сальвадор Альенде проделал огромную работу по политическому воспитанию народных масс. В значительной мере политическая культура нашего народа приобреталась на слух, во время выступлений его лидеров. И в этом отношении Сальвадор Альенде особенно выделялся. В ходе всех избирательных кампаний, в которых он участвовал, особенно во время президентских выборов, да и все остальное время, по меньшей мере в течение двух десятилетий, он стремился разъяснить народным массам значение революционных перемен, необходимость революционных изменений, способных реально разрешить проблемы народа и всей страны.

И все же руководство компартии не могло не учитывать определенные негативные моменты, связанные с выдвижением кандидатуры Альенде в четвертый раз на пост президента. Некоторые считали, что Альенде уже «приелся» избирателям, что он уже «выговорился», повторяется, потерял в известной степени свою былую привлекательность, мог показаться «неудачником».

Руководители компартии откровенно высказали Сальвадору Альенде эти сомнения. Он ответил:

— Если вы считаете, что я не должен быть кандидатом, если я не пользуюсь вашим доверием и доверием моей партии и других группировок, то назначьте другого кандидата, и дело с концом!

— Нет, товарищ Альенде, — ответил ему Луис Корвалан, — наше мнение о вас, наши замечания вовсе не направлены на то, чтобы отклонить вашу кандидатуру. Мы с вами уже давно поддерживаем дружеские политические отношения. Мы вас искренне уважаем. И если вы будете назначены кандидатом, то Коммунистическая партия Чили будет бороться за вашу победу, как и в прошлом, со всей решительностью, всеми силами.

Следует отметить, подчеркивал Корвалан, что Альенде учел сделанные ему критические замечания и во время президентской кампании проявил большую волю к победе.

Но стать кандидатом всех левых сил Альенде на этот раз было действительно трудно. На согласование единой кандидатуры ушло почти полгода. Причем, пока левые группировки тратили энергию и силы на отстаивание своих кандидатов, политическая обстановка в стране обострялась не по дням, а по часам.

С одной стороны, различные левацкие группки развязали серию экспроприаций, банковских ограблений, угонов самолетов. Эти авантюристические действия раздувались реакционной печатью, преподносившей их как прообраз хаоса и беззакония, которые якобы ожидают страну в случае победы левых.

С другой стороны, в армии вновь зашевелились реакционные офицеры, недовольные «слабоволием» президента Фрея. В сентябре 1969 года во время парада войск в честь праздника независимости несколько офицеров — капитаны Артуро Маршал, Фернандо Ниераад и другие демонстративно отказались приветствовать президента. Они были понижены в чине. Это происшествие подтверждало, что в казармах не все обстоит благополучно. Некоторое время спустя командующий первой дивизией генерал Роберто Вио направил Фрею письмо, требуя повышения жалованья офицерскому составу. Письмо было составлено в резких и неуважительных выражениях. Копии его распространялась в казармах. Автор письма был сыном генерала, известного своим участием в военных переворотах 20-х годов. Опасаясь, что сын пойдет по стопам отца, Фрей уволил его в отставку.

Генерал, как потом оказалось, возглавлял ультраправую заговорщическую группировку в армии. Считая себя разоблаченным, он решил действовать. На рассвете 21 октября он прибыл в расположение артиллерийского полка «Такна» в Сантьяго, того самого, который восстал в свое время против президента Агирре Серды, и, получив поддержку командования полка, предъявил правительству ряд «экономических требований». Это был мятеж, хотя и весьма своеобразный. Восставшие не

делали попыток покинуть казармы и низложить Фрея. Более того, Вио заявил корреспондентам, которые бросились брать у него интервью, что он «абсолютно предан его превосходительству президенту республики» и что он «никакой не горилла и не мятежник», а всего лишь печется о материальном благосостоянии офицерского состава.

Почему играл в ягненка мятежный генерал? Да потому, что его выступление не нашло отклика в армии. Попытка его единомышленников взбунтовать полк «Юнгай» в городе Сан-Фелипе провалилась. Вио получил только поддержку «Такны», отсюда название его мятежа «Такнасо».

Общественное мнение встретило «Такнасо» с осуждением. Профсоюзы объявили всеобщую забастовку, которая парализовала всю страну. Компартия призвала строго наказать мятежников. Верные правительству войска окружили казармы «Такны».

Фрей повел с мятежниками переговоры, которые привели к подписанию так называемого «акта Такны»: Вио слагал оружие, он и другие участники мятежа предавались суду, а правительство обязывалось повысить жалованье офицерскому составу. Был уволен в отставку главнокомандующий сухопутных войск Хулио Морамбио и на его место назначен генерал Рене Шнейдер, стоявший на позиции невмешательства армии в политическую жизнь.

Обещание предать суду Вио было сделано Фреем, только чтобы «спасти свое лицо». Иезуит Фрей втайне рассчитывал, что бравый генерал еще может оказаться ему полезным. Вио был помещен под арест в военный госпиталь и вскоре обрел полную свободу, 16 декабря он был приговорен судом к изгнанию, но остался в стране и продолжал подрывную деятельность.

У мятежного генерала были могущественные покровители. ЦРУ было в Курсе его подрывной деятельности. Газета «Вашингтон пост» писала на следующий день после «Такнасо»: «Представитель ЦРУ заявил, что управление знало о вчерашних событиях в Чили за шесть недель (!) до них». При этом газета значительно присовокупляла, что «не может дать более подробной информации об этом».

Вио не скрывал своих намерений. 6 февраля 1970 года, за несколько дней до провозглашения Сальвадора Альенде кандидатом в президенты от блока Народного единства, Вио угрожающе заявил, выступая на банкете своих единомышленников, что политическое «присутствие вооруженных сил необходимо», так как «перспективы предстоящего конституционного обновления исполнительной власти далеки от того, чтобы назвать их обнадеживающими, кем бы ни был тот гражданин, который в результате

выборов займет пост президента республики».

О том, что Вио не думал ограничиваться словесными угрозами, свидетельствовал раскрытый 25 марта 1970 года новый заговор, видимой главой которого на этот раз являлся генерал Орасио Гамбоа, в прошлом кандидат в президенты от нацистской партии. Гамбоа был тесно связан с участниками «Такнасо», в частности, с зятем Вио полковником Игуальтом. Но и на этот раз правительство Фрея только пожурilo заговорщиков. Следственные органы, не пролив полного света на заговор Гамбоа, прекратили начатое было против него дело. Почему? Гамбоа, как и его друг и единомышленник Вио, могли еще пригодиться Фрею...

Генералы Вио, Гамбоа и другие претенденты на роль «горилл» действовали не в вакууме, не на свой страх и риск, а при поддержке и с согласия местной и зарубежной реакции, в частности правящих кругов США, которые неоднократно заявляли, что не допустят появления в Латинской Америке «второй Кубы». Собственно говоря, на таких же позициях стояли Фрей и его единомышленники, с той только разницей, что, пока они надеялись не допустить «второй Кубы» другими — «мирными» — средствами, они еще рассчитывали одержать победу на предстоявших президентских выборах.

Что касается Вио, то по мере их приближения он все более решительно заявлял о своем намерении стать «спасителем родины», а точнее, захватить власть и установить военную диктатуру. 30 мая Вио угрожал на сборище своих последователей: «Если в будущем возникнет крайняя опасность для республики или невыносимое положение безвластия, хаос или грубые нарушения основных прав, это оправдывает восстание, которое, несмотря на все законы международного и государственного права, признает народ, и я без колебаний сразу же буду готов первым в нем участвовать».

В свою очередь, Хорхе Алессандри с циничной откровенностью заявлял, что в случае победы Альенде армия и карабинеры не допустят его к власти. Выступая 24 мая по телевидению, этот супермумия сказал: «Не достигнут своих целей те, кто намерен поработить нас так, как это произошло в странах, которые я не хочу называть. Они не сделают это потому, что в Чили достаточно сил, в стране есть вооруженные силы и хорошо организованные отряды карабинеров, которые не допустят, чтобы чуждые нам доктрины пустили свои корни. А в этом случае, основываясь на чувстве патриотизма, военные должны спасти нас, спасая свободу, к которой мы так стремимся».

Итак, стражи буржуазного порядка, обвинявшие до сих пор

коммунистов и социалистов в стремлении насильственным образом захватить власть, теперь, когда появилась возможность прихода левых к власти мирным, парламентским путем, сами превратились в «революционеров», отстаивая право на «восстание», которое, по словам Вио, будет признано народом.

Пока враг готовил переворот, в левых партиях продолжались дебаты вокруг общей программы и избрания единого кандидата. Дебаты острые, порой резкие, прояснили многие вопросы и позволили в конечном итоге сплотить разнородный политический конгломерат в блок Народного единства. Теперь предстояло выработать стройную программу действий для будущего правительства, договориться об участии в нем соответствующих партий, уточнить нормы поведения президента. Все это следовало оговорить и согласовать предварительно, с тем чтобы исключить какую-либо возможность повторения казуса Гонсалеса Виделы, предавшего после своего вселения в «Ла-Монеду» левые силы, которые открыли ему путь к власти.

Основная программа Народного единства была согласована 17 декабря 1969 года. Она провозглашала главной задачей будущего правительства — «покончить с господством империалистов, монополий, землевладельческой олигархии и начать строительство социализма в Чили».

26 декабря был одобрен всеми левыми партиями Пакт правительства и Народного единства. В нем уточнялись отношения будущего президента с левыми партиями. В пакте указывалось, что будущее правительство должно опираться на избравшие его партии, а не на личную власть. Оно не будет правительством только одной партии и тем более правительством одного человека. «Мы, — заявляли группировки, входящие в Народное единство, — изберем не монарха, а представителя народа. В руководящих правительственных органах будут представлены все партии и движения, которые образуют это правительство».

Но кто же станет кандидатом Народного единства? Как уже отмечалось, из пяти группировок только коммунисты изъявляли с самого начала готовность отказаться от своего кандидата Пабло Неруды в пользу приемлемого для всех кандидата. Руководство социалистической партии отстаивало Альенде, хотя готово было заменить его Анисето Родригесом, если последний оказался бы более приемлемым для других группировок. Бальтра, Таруд и Чончоль категорически отказывались кому-либо уступить первое место.

В январе 1970 года наступил перелом. Рядовые члены левых партий потребовали от своих руководителей положить конец затянувшейся сверж

меры дискуссии вокруг кандидата и избрать такового. Первым уступил Бальтра, за ним — Чончоль, а потом — Таруд. ЦК КПЧ тоже снял кандидатуру Неруды. 22 января руководящий комитет Народного единства единогласно постановил выдвинуть Сальвадора Альенде своим кандидатом в президенты на предстоявших выборах.

Выступая вечером того же дня на большом митинге на площади Бульнеса в Сантьяго, Лупе Корвалан сообщил трудящимся столицы:

— Итак, решение принято! У нас уже есть единый кандидат на пост президента — Сальвадор Альенде. Ваши усилия в пользу блока Народного единства не прошли даром. Приспешники правых, каркавшие, как вороны, провалились со своими предсказаниями. Народ уже сказал свое слово и подтверждает его на сегодняшнем митинге. Конечно, у нас были трудности, но победила воля к единству. Сотни тысяч трудящихся — рабочих, крестьян, служащих, женщин, представителей молодежи, писателей, артистов, специалистов — требовали объединения усилий в борьбе против правых сил, против дальнейшего пребывания христианских демократов у власти. Это стремление к единству доминировало в народных партиях.

Таким образом, дон Чичо в четвертый раз стал единым кандидатом левых сил. Это был его последний шанс добиться победы, шанс, который дался ему в этот раз с таким трудом. Никогда в прошлом его кандидатура не вызывала столько споров, сопротивления в рядах левых сил. Но в конце концов все согласилось, что лучше кандидата нет среди них. И в том, что все группировки пришли к такому выводу, была и его заслуга. Своим безупречным поведением, тактом, выдержкой, принципиальностью, наконец, верой в победу он преодолел все трудности и не только добился чести стать знаменосцем левых сил, но и сохранил в качестве друзей и соратников своих вчерашних соперников. Таруд стал генералиссимусом его избирательной кампании. Пабло Неруда, Жак Чончоль, Альтамирано, Анисето Родригес — все они и многие другие включились в борьбу за его победу, готовые преданно служить общему делу.

Ведь его победа на выборах означала бы значительно большее, чем его личный триумф. Это была бы победа чилийских трудящихся, чилийского народа, открывающая новую страницу в истории страны, более того, всей Латинской Америки. Но эту победу еще нужно было завоевать. Нужно было ее «вырвать» в борьбе с коварным, хитрым и готовым пойти на любое преступление врагом. Дон Чичо, как всегда, был готов к бою, к сражениям. Он был уверен, что на этот раз счастье ему улыбнется, избиратели окажут ему доверие и он войдет победителем в «Ла-Монеду».

Теперь, когда Альенде стал официальным кандидатом блока

Народного единства, черные силы реакции начали вновь разворачивать кампанию психологического террора, целью которого было отравить ядом антикоммунизма рядового избирателя. На нее расходовались огромные средства. Она велась через печать, радио, телевидение. Особое внимание уделялось обработке женщин.

Эту кампанию официально проводили две организации — «Чиле ховен» («Молодая Чили») и «Аксион мухерес де Чиле» («Женское действие Чили»). В действительности же таких организаций не существовало. Все счета оплачивало рекламное агентство «Андальен», возглавляемое неким Сальвадором Фернандесом. О том, к каким методам он прибегал, можно судить по следующим образчикам его рекламы:

Газета «Меркурио» поместила фотомонтаж с изображением дворца «Ла-Монеда», перед входом в который стоял советский танк с нарисованным на нем серпом и молотом и буквами «СССР». Фотомонтаж сопровождался следующим пояснением: «Правительство ставленников коммунизма откроет ворота Чили этим танкам, которые решительно подавят самое святое, что мы имеем: свободу». Клеветническая стряпня была подписана организацией «Чиле ховен». Эта организация передавала по радио такого рода комментарии:

— Глагол «экспроприировать» означает «лишать»...

— Вначале будут экспроприированы результаты твоего труда. Затем твои мысли... а еще позже твои дети...

— Все будет принадлежать государству...

— Отвергаем коммунизм и не способных бороться с ним!

На одной из афиш, обращенных к «слабому полу», можно было прочесть:

«Чилийская женщина! Освободись наконец и отдай детей государству. Голосуй за Альенде».

На другой афише был изображен мальчик в ученической форме, а рядом он же, но уже в берете и с автоматом. Текст гласил: «Твой сын... или твой враг? В странах, где господствует коммунизм, детей заставляют выступать против родителей, чтобы подавить любую попытку освободиться от тех, кто поработил их с помощью террора. Мы не позволим, чтобы такое случилось в Чили».

Один реакционный журнал опубликовал рисунок, изображавший заседание «первого марксистского кабинета»: Альенде сидит в углу, главные места занимают руководители-коммунисты и одетый в военную форму «советник, присланный из Кремля».

Во многих тысячах экземпляров распространялись изображения

святой девы Кармен, почитаемой чилийскими верующими, с такого рода надписью: «Святая дева Кармен, царица и покровительница Чили, избавь нас от безбожного коммунизма».

В брошюре, изданной массовым тиражом и озаглавленной «Роковые последствия», доказывалось, что приход к власти Альенде неминуемо вызовет вмешательство в дела Чили ее соседей, которые-де «не допустят, чтобы к власти пришли правительство и президент, открыто прославляющие кубинские доктрины и методы». А это, в свою очередь, заставит Альенде «просить помощи у иностранной коммунистической державы». Таким образом, победа Альенде превратит Чили в арену кровопролитной схватки великих держав со всеми ужасными последствиями для ее населения.

Организаторы «кампании террора» разослали по домам анкету под заголовком: «Городская реформа. Анкета переписи имущества и жилищ (должна быть заполнена главой семьи)». В ней были такие вопросы:

— Имеется ли в вашей собственности следующее: холодильник, радио, телевизор, телефон, автомобиль или другой вид транспорта?

— В состоянии ли вы принять в свой дом в качестве постоянных жителей других лиц, кроме тех, кто в настоящее время проживает с вами? Если нет, то перечислите причины, которые не позволяют вам принять в свой дом других лиц, которые в настоящее время лишены подходящего жилья.

В документе указывалось:

— Не забывайте, что эти анкеты будут собраны официальным представителем Городской реформы Народного правительства, которое благодарит вас за поддержку программы, направленной на благо чилийской революции.

Эта липовая анкета должна была создать впечатление, что с победой Альенде подвергнутся конфискации бытовые предметы, являющиеся частной собственностью граждан, а в квартиры будут вселены бедняки из «грибных» поселков.

«Мумии» не брезговали ничем в борьбе против кандидата Народного единства. Для кампании против Альенде его противники выписали в Чили чехословацких эмигрантов-антисоветчиков и кубинских контрреволюционеров, покинувших Кубу и специализировавшихся с тех пор на клеветнических измышлениях против острова Свободы.

Как свидетельствовали случайно обнаруженные у директора агентства «Андальен» Фернандеса документы, он был теснейшим образом связан с лидером национальной партии Серхио Онофре Харпой, с лидером правых

радикалов Хулио Дураном и им подобными «мумиями», поддерживавшими кандидатуру Хорхе Алессандри. Это они и их сторонники — помещики, фабриканты, банкиры — снабжали Фернандеса деньгами на его «рекламу». Но не только они. Документы свидетельствовали, что кампания психологического террора финансировалась и американскими фирмами. Среди работодателей Фернандеса фигурировали «Бэнк оф Америка», «Ферст нейшнл сити бэнк», «Анаконда коппер компани» и другие монополии Уолл-стрита, действовавшие на территории Чили. В числе клиентов Фернандеса состоял и некий «Чарли» — агент ЦРУ, вручивший ему на подрывную деятельность 20 июля 1970 года 600 тысяч эскудо. Таковы были мутные источники, которые питали пропагандистскую стряпню Фернандеса.

Но и Томич был в этом отношении не лучше сторонников Алессандри. Он клялся, что готов не в пример Фрею осуществить социальную революцию. Он говорил: «Чилийцы делятся на две части: на тех, кто не ест, и на тех, кто не спит, опасаясь тех, кто не ест». Томич заверял избирателей, что он на стороне тех, «кто не ест». Но это не мешало ему утверждать, что победа Альенде приведет-де к хаосу, беспорядкам и всякого рода политическим пертурбациям.

«Чилийка и чилиец, хотите ли вы проснуться спокойно 5 сентября?[\[11\]](#).. Голосуйте за Томича!» — таков был лейтмотив избирательной кампании демокристского кандидата, за спиной которого вырисовывалась все та же зловещая фигура Фернандеса, главного стратега кампании психологического террора.

И все же «мумии» не очень верили в свою победу над Альенде. Пытаясь заранее заручиться голосами демокристов в конгрессе, Алессандри был вынужден 24 июля сделать следующее заявление:

— Чтобы способствовать миру и согласию, которые должны установиться между чилийцами, я повторяю и публично признаю, что президентом станет тот, кто получит хотя бы относительное большинство голосов на выборах.

Потоки лжи и клеветы, которые ежедневно выливались на Альенде и его сторонников через каналы массовой информации, сопровождались вооруженными нападениями фашиствующих молодчиков на помещения левых партий и организаций, на активистов Народного единства, на левых студентов и участников аграрного движения. Бели к этому добавить уже упомянутые нами выступления мятежников в военных мундирах вроде генерала Вио и всякие экссы «левых революционеров», усиленно твердивших, что надежда на легальную победу Альенде — это обман

трудящихся, то можно будет представить, насколько накаленной, взрывчатой, острой и опасной для судеб чилийской демократии складывалась предвыборная обстановка.

Попытки леваков спекулировать на опыте кубинской революции, прикрываясь авторитетом ее руководителей, встретили отпор со стороны Фиделя Кастро, который в начале августа заявил в интервью чилийскому телевидению:

— Я считаю, что в настоящий момент в Чили возможно прийти к социализму путем победы на выборах. Чили — одна из немногих латиноамериканских стран, где политическая борьба развивается в установленных конституционных рамках и где единственное преимущество правых состоит в том, что они располагают большими экономическими средствами. Борьба развивается в конституционных рамках, поэтому повторяю: в этом конкретном случае, в Чили 1970 года, социализм может выиграть на выборах...

Пожалуй, никогда в прошлом бойцовские качества Альенде, его энергия, целеустремленность, вера в народ не проявлялись столь ярко, как в эти предвыборные дни. Не было такого уголка Чили, где бы он вновь не побывал, не выступил перед населением. Скрывал ли он свои идеи, пытался хитрить с избирателями? Нет, он был предельно откровенен с ними. Как всегда, он выступал с позиций антиимпериализма, требуя освободить страну от ига американского капитала, изъять землю у помещиков и латифундистов, национализировать банки. Он защищал революционную Кубу, Советский Союз и другие социалистические страны от клеветнических нападок реакционеров, он осуждал преступную войну американских агрессоров против героического народа Вьетнама: Он выступал в защиту демократических свобод, обещал не только сам, став президентом, соблюдать законность и конституцию, но и заставить реакционеров делать то же самое. Такова была программа Народного единства, и Альенде был готов ее осуществить.

Посещения Альенде каждой провинции, пишет чилийский журналист Эдуардо Лабарка Годдард, были связаны с будущим решением проблем и проведением преобразований, обещанных Народным единством. На крайней севере страны остро стояла проблема национализации компаний по добыче меди и селитры. В сельских провинциях центральной и южной части страны необходимо было довести до конца аграрную реформу. На крайнем юге, в провинциях Чилоэ, Айсен и Магальянес, вопрос стоял об экономическом развитии этого района, откуда более 300 тысяч чилийцев, не имея работы, эмигрировали в соседнюю Аргентину.

Народная коалиция не покладая рук трудилась для победы своего кандидата. В стране было создано 14800 комитетов в поддержку Народного единства, которые вели агитацию за Альенде, решительно пресекая всякого рода провокации как правых, так и ультралевых элементов. Важную роль играли в этой борьбе профсоюзы, объединенные в КУТ. Они мобилизовывали рабочих на борьбу против растущей инфляции, дороговизны, за улучшение условий труда. Энергично действовали пропагандистские бригады комсомола имени молодой коммунистки Рамоны Парра, убитой полицейскими.

Во время избирательной кампании Сальвадор Альенде и поддерживавшие его партии обнародовали «Первые 40 мероприятий Народного правительства», в которых предусматривались конституционные пути разрешения таких острых проблем, как безработица, нужды жителей «грибных» поселков, нужды крестьян, мелких и средних торговцев и собственников, задавленных налогами. Народное правительство, в частности, обязывалось бесплатно выделять ежедневно каждому чилийскому ребенку по пол-литра молока, организовать бесплатную медицинскую помощь в больницах, распустить ставшие одиозными мобильные отряды карабинеров.

Четвертая избирательная кампания потребовала от Альенде огромного напряжения физических и духовных сил. Когда в мае он заболел тяжелой формой гриппа, разнеслись слухи, что у него инфаркт миокарда. Чтобы опровергнуть их, дон Чичо, еще не оправившись от болезни, выступает в обширной программе по телевидению. Несколько дней спустя Альенде, находясь на одной из центральных улиц столицы, неожиданно почувствовал недомогание. Его отвезли под большим секретом в больницу.

Тщательная проверка не обнаружила следов инфаркта, сказывалось только сильное переутомление.

Когда Альенде находился в Сантьяго, рассказывает Эдуардо Лабарка Годдард, то лидеры Народного единства руководили избирательной кампанией из его дома, тесного и непригодного для такой работы, расположенного на улице с символическим названием Гуардпя виеха — Старая гвардия. Телефонные звонки и посещения начинались в 8 часов утра. Альенде внимательно прислушивался к советам, предложениям левых сил, одновременно сохраняя за собой право решать определенные вопросы самому. Он в свои 62 года удивлял друзей неизменным хладнокровием, с каким был готов выполнить задачу, возложенную на него историей, не стремясь быть выше, но ни в коем случае — ниже, чем движение, которое выдвинуло его кандидатуру.

30 августа провел в столице свой последний предвыборный митинг Алессандри. 1 сентября закончил предвыборную кампанию Альенде, а днем позже — Томич.

4 сентября чилийцы устремились к 14490 избирательным участкам. Впервые в голосовании принимали участие слепые, они голосовали, используя систему Брайля. В списки избирателей были занесены чилийцы старше 21 года, умеющие читать и писать, всего 3 539 747 человек, около половины населения страны, из них 1 392 830 голосовали в столице и провинции Сантьяго.

В Чили участие в голосовании обязательно. Альенде был приписан к избирательному округу Пунта-Аренас, на крайнем юге страны, однако по погодным условиям не смог выехать туда и принять участие в голосовании. Об этом он рано утром 4 сентября сообщил полицейским властям, после чего направился с женой к избирательному участку, расположенному в здании лицея № 7 для девочек. Там же голосовала его мать донья Лаура. Ее обступили журналисты.

— Как вы думаете, дон Чичо одержит на этот раз победу?

— Не знаю.

— Но если его изберут, будет ли он хорошим президентом?

— Думаю, что да. Ведь он такой хороший сын.

В 5 часов пополудни двери избирательных участков закрылись. Начался подсчет голосов.

Первые частичные итоги голосования показали небольшое преимущество Альенде над Алессандри. Третьим шел Томич. Руководитель избирательной кампании Народного единства объявил о победе Альенде. Часом позже такое же заявление сделало руководство КУТ.

В 22 часа в центре города появились танки. Они окружили «Ла-Монеду». Это могло означать или военный переворот, или попытку Фрея не признать победу Альенде.

Народное единство призвало народ немедленно выйти на улицу...

Первым признал победу Альенде кандидат демохристианской партии. Он прислал телеграмму:

«Сальвадор! Поздравляю с победой, которая тем более почетна, что она досталась с большим трудом. Она принадлежит народу, но также и тебе. С сердечным приветом — Радомиро Томич».

Ночью, без пяти минут двенадцать, когда улицы столицы заполнили ликующие сторонники Народного единства, военный комендант города генерал Камило Валенсуэла сообщил Сальвадору Альенде от имени министерства внутренних дел и вооруженных сил, что за него

проголосовало относительное большинство избирателей и что правительство разрешает провести его сторонникам митинг в 0 часов 30 минут.

Это была победа!

Сотни тысяч сторонников Народного единства собрались перед зданием Федерации студентов Чили. С балкона к ним обратился Сальвадор Альенде, взволнованный, радостный, встреченный рукоплесканиями и победными кликами.

— Прошу вас, поймите, я всего лишь человек, как и все, с присущими мне слабостями и недостатками, мне приходилось в прошлом терпеть поражения, — сегодня я воспринимаю победу без заносчивости и желания мести, победу, которая не является моей личной победой, а победой народных партий и социалистических сил, оказавших нам поддержку. Она достигнута благодаря радикалам, социалистам, коммунистам, социал-демократам, членам АПИ и МАПУ и тысячам беспартийных, она одержана народом, который вместе со мной 4 ноября войдет в президентский дворец «Ла-Монеда».

Я торжественно обещаю уважать права всех чилийцев, но заявляю также, что мы выполним исторические обязательства, которые взяли на себя и которые содержатся в нашей программе.

Победа не далась легко, но еще труднее будет закрепить достигнутый успех и построить новое общество, новые социальные отношения, новую мораль, новую родину.

Намерен всегда быть для вас товарищем Президентом.

Мы желаем наилучших отношений со всеми странами мира. Мы хотим только, чтобы они уважали — они должны уважать — право чилийского народа, который сегодня выбрал правительство, которое хотел.

Если народ оказался способным добиться такой победы, то он сможет понять, что, только работая и создавая материальные блага, мы сможем добиться выполнения того, что мы обещали женщинам, детям, трудящимся чилийцам, которые сегодня поддержали нас. Революция ставит своей целью не разрушать, а строить. Она стремится не уничтожать, а создавать, и народ готов к выполнению этой задачи...

Тот факт, что мы победили, не означает, что мы должны потерять бдительность. Расходясь, будьте начеку и не поддавайтесь на провокации.

Трудящиеся страны! Вы, и только вы, являетесь победителями. Эта победа найдет признание и за рубежами нашей родины. Эту победу мы посвящаем тем, кто пал в борьбе и пролил свою кровь за дело нашей революции...

Спасибо, товарищи! Самым лучшим, что во мне есть, я обязан моей партии, единству трудящихся, Народному единству...

На вашу преданность я отвечу преданностью народного правителя, преданностью товарища Президента!

Альенде закончил свою речь в 1 час 55 минут ночи.

Еще долго тысячи и тысячи людей пели песни на улицах и площадях столицы, танцевали куэку, выкрикивали лозунги в честь победы Народного единства и его лидера — товарища Президента, как с этого дня стали называть Сальвадора Альенде.

В эту ночь город не спал.

«Мумии» притихли, притаились, их точно ветром сдуло с улиц и площадей столицы.

А танки все так же угрожающе стояли на площади Конституции у «Ла-Монеды» с орудиями, направленными в сторону шумящей, точно море, возбужденной и радостной толпы. Они служили напоминанием сторонникам Народного единства, что для их кандидата, хоть он и одержал победу, «Ла-Монеда» пока остается запретным местом и еще неизвестно, получит ли он в нее доступ или нет.

КТО УБИЛ ГЕНЕРАЛА ШНЕЙДЕРА!

На следующий день после исторической победы Альенде столица и другие чилийские города представляли собой необычное зрелище: люди — мужчины и женщины — в нижнем белье под добродушный смех прохожих бегали по улицам, бросались в бассейны или с мостов в реки, ползали на четвереньках или вышагивали с плакатами на шее, на которых красовались надписи: «Я — болван!», «Поделом таким ослам!» и тому подобные нелестные для их носителей характеристики. Так выставляли себя на всеобщее осмеяние и посмеище противники Альенде, проигравшие пари и теперь вынужденные столь своеобразно расплачиваться за поражение своих фаворитов в борьбе за президентское кресло.

О настроении победителя в эти дни можно судить по интервью, данному после выборов корреспонденту журнала «Эрсилья», в котором Альенде блистал юмором, поражал парадоксами.

— Какие две новости, кроме сообщения о Вашей победе, Вы хотели бы увидеть в первую очередь в газетах? — спросил его корреспондент.

— Прекратилась инфляция, в Чили не осталось ни одного безработного.

— Родись Вы в средние века, какую деятельность избрали бы себе?

— Обвиняемого перед судом инквизиции.

— Как Вы представляете выборы в 3000 году?

— Вероятно, без моей кандидатуры.

— Что Вы думаете о славе, ее бремени и достоинствах?

— Об этом следует проконсультироваться с футболистом Пеле.

— Как Вы объяснили бы 6-летнему ребенку, кто такой Сальвадор Альенде?

— Я бы ему сказал, что он дедушка 5-летнего ребенка.

— Скажите фразу, с которой были бы согласны все чилийцы.

— Да здравствует Чили, дерьмо!^[12]

— За какую идею, по-Вашему, стоит умереть?

— За ту, без которой не стоит жить.

— Когда Вы впервые подумали стать президентом?

— Когда пришел к выводу, что смогу способствовать объединению всех левых сил.

— Кто, по Вашему мнению, был первым политиком в истории?

— Ева.

— Считаете ли Вы, что между мужчиной и женщиной должно существовать полное и абсолютное равенство?

— Полное и абсолютное равенство и полное и абсолютное различие.

— Назовите идеальное место в Чили для работы, любви, отдыха и смерти.

— Любое, соответствующее условиям вашей жизни. Для работы, несомненно, — «Ла-Монеда».

— Какой обычай Вы взяли бы на тот свет с собой?

— В этом вопросе у меня нет каких-либо иллюзий.

— Если бы могли, какие достоинства других народов Вы привили бы чилийцам?

— Было бы лучше позволить чилийцам развивать свои собственные достоинства.

— Какое, по-Вашему, самое примечательное достоинство и самый большой недостаток современной молодежи?

— Самое большое достоинство — мятежный дух. Главный недостаток — конформизм.

— Что значит быть социалистом?

— Быть человеком XX века, отцом человека XXI века.

— Какие реформы в истории человечества больше всего вызывают Ваше одобрение?

— Реформы первобытного христианства и социализма.

— Какие военные подвиги вызывают Ваше восхищение?

— Победоносное сопротивление Вьетнама.

— Политическому деятелю важно быть симпатичным?

— Важно, но антипатично уделять этому большое внимание.

— Какие три достоинства политических деятелей Вы хотели бы иметь и с кого Вы брали бы пример?

— Цельность, человечность и величественную скромность Хо Ши Мина.

— Какую память Вы хотели бы оставить после себя?

— Как о последовательном чилийце.

— Вы сомневались когда-либо в самом себе или в своих взглядах? Если да, то когда и почему?

— Естественно, сомневался, когда со мной не соглашались люди, которых я уважаю и взгляды которых в основном совпадали с моими.

— Какая книга оказала самое большое влияние на Вашу жизнь?

— Азбука.

— Перечислите Ваши личные желания по степени значимости.

— Мои желания носят столь «личный» характер, что для их удовлетворения следовало бы удовлетворить миллионы чилийцев, которые установят степень их значимости.

— Как Вы объяснили бы своему внуку, что такое бог?

— Я ему сказал бы, что бог не похож ни на какого реального персонажа.

Альенде давал интервью, выступал, делал заявления, как будто его вступление на президентский пост уже было обеспечено. Ему, однако, предстояло еще пережить тревожные, полные драматизма и неожиданных поворотов 60 дней, отделявших его от 3 ноября 1970 года — официальной даты вступления в президентскую должность. К тому же на выборах 4 сентября Альенде получил лишь 36,3 процента голосов избирателей, Алессандри — 34,9, Томич — 27,8 процента. Таким образом, ни один из кандидатов в президенты не набрал абсолютного большинства голосов, и вопрос о выборе президента из числа двух первых кандидатов должен был решать конгресс.

Все эти 60 дней власть находилась в руках его противников, в руках Фрея. Все эти 60 дней его враги будут судить, рядить, комбинировать, конспирировать, лихорадочно искать любые зацепки, крючки, предлоги, лазейки, уцепившись за которые можно будет преградить ему путь в «Ла-Монеду», аннулировать результаты выборов, лишить его власти.

В этой кампании шантажа, заговоров, террора, интриг и угроз участвовали не только все внутренние реакционные силы, включая правых демохристиан во главе с Фреем, но и иностранные монополии с интересами в Чили и американская «святая троица» — Пентагон, госдепартамент и ЦРУ.

Альенде был прав, предсказывая после выборов, что Чили между 4 сентября и 3 ноября будет содрогаться больше, чем футбольный мяч, по которому бьет Пеле. Уже будучи президентом, вспоминая эти драматические дни, Альенде говорил, что тогда он был не столько человеком, который готовился стать президентом, сколько начальником сыска. Вслед за 4 сентября последовал ряд взрывов бомб в домах богачей, нападений на банки, пытались взорвать международный аэропорт близ Сантьяго. Кто это делал? Служба безопасности правительства вовсе не пыталась найти подлинных виновников этих провокаций, а всячески их покрывала. Реакционная печать все валила на левых экстремистов. В действительности же эти преступные акты совершали ультраправые подрывные организации, за спиной которых находились американские монополии и буржуазно-помещичья оппозиция.

Известный миллиардер текстильный магнат Карлос Ярур инсценировал покушение на себя, чтобы иметь предлог закрыть свои предприятия и бежать за границу, куда он перевел заодно и все свои капиталы.

Крупные предприниматели при поддержке правительства Фрея увольняли рабочих, останавливали предприятия, мешали сбыту сырья, банки перестали предоставлять кредиты. Буржуазная печать и другие средства информации пытались разжечь новую кампанию психологического террора, предвещая неминуемые лишения, всеобщую нищету и голод. Эта кампания имела своей целью объединить против Альенде и Народного единства всех «демократов», особенно правых и демохристиан, во имя спасения Чили от якобы угрожающей ей «коммунистической тирании».

Движение национального действия — МАН, Националистическое освободительное наступление — ОН Л, «Не отдадим Чили» — НЕЧ, «Спасем Чили» — САЧ, «Независимый республиканский фронт» — ФРИ, «Родина и свобода» — ПИЛ и десятки им подобных фашистских организации, располагавших огромными средствами, создавали климат хаоса, страха и неуверенности в стране, пытаясь во что бы то ни стало преградить Альенде путь к власти. Контрреволюция, внутренняя и внешняя, говорил Альенде, играла на всех досках и действовала на всех уровнях. Она использовала экономический саботаж, создавала финансовую панику, терроризировала население, организовывала покушения на политических деятелей, готовила государственный переворот. Это была чудовищная смесь, в которой террорист выдавал себя за ревнителя порядка и общественного спокойствия, выступал в роли жандарма и даже им являлся в действительности, а заговорщик призывал к уважению власти, которую готовился низвергнуть.

13 октября Альенде должен был выступить на митинге своих сторонников в Вальпараисо. Незадолго до этого местное радио, контролируемое его противниками, сообщило, что на него было совершено по дороге из Сантьяго покушение и что он тяжело ранен двумя выстрелами. «Мумии» выдавали желаемое за действительность. Они надеялись этим провокационным сообщением вызвать беспорядки, кровопролитие, панику и тем самым дать повод для вмешательства военных, преградить таким образом Альенде путь в «Ла-Монеду».

Выступая в тот же день на митинге в Вальпараисо, Альенде заявил, что ему известны имена террористов, которые действительно планируют его убийство. В случае, если террористы приведут свои подлые угрозы в

исполнение, народ узнает, кто это сделал.

«Мумии», сказал Альянде, ищут генерала, который за полмиллиона или миллион долларов совершил бы государственный переворот. Но если такой безумец найдется и демократический порядок будет нарушен, то рабочие немедленно займут фабрики и заводы, крестьяне — поместья, чиновники прекратят работу, народ раздавит заговорщиков и восстановит справедливость.

Альянде был вынужден организовать собственную охрану из надежных молодых людей — сторонников Народного единства, ибо надеяться, что служба безопасности Фрея оградит его от возможных покушений, было наивно. Ведь заговорщики рекрутировались из ее же собственных рядов. За эти два месяца было раскрыто несколько террористических групп, готовивших покушение на Альянде. О руководителе одной из таких групп, Л. Гутьерресе, газеты сообщали, что он является активным агентом ЦРУ. Но органы безопасности, подчинявшиеся Фрею, Гутьерреса и ему подобных террористов отпускали «за недостатком улик».

В условиях непрерывно нагнетавшейся реакционерами нервозности, всевозможных панических слухов и вымыслов, разоблачая своих противников, Альянде одновременно продолжал выступать, разъясняя и уточняя программу будущего правительства Народного единства.

В начале октября Альянде дал интервью корреспонденту «Нью-Йорк тайме». В нем он подробно изложил свои взгляды, которые намеревался осуществить, войдя в «Ла-Монеду». Мы приводим это интервью — оно поможет читателю лучше уяснить ход последующих событий:

«Вопрос: Ваша программа исходит из принципа, что капитализм не смог разрешить социальные и гуманные проблемы Чили. Считаете ли Вы, что это относится и к другим южноамериканским странам? Как, на Ваш взгляд, социализм обеспечит большую занятость, более широкое жилищное строительство, увеличение сельскохозяйственной продукции и расширение возможностей для получения образования в Чили?

Ответ: Я полагаю, что анализ нашей социальной и экономической реальной действительности, данный левыми, может быть применен к большинству развивающихся стран. Кроме Кубы (на которую это не распространяется, поскольку Куба социалистическая страна), я не знаю ни одной латиноамериканской страны, решившей главные проблемы. Я имею в виду проблемы занятости, сельского хозяйства, жилищного строительства, просвещения, здравоохранения, отдыха и организации досуга.

Например, в данный момент, по статистике ООН, более 68 процентов латиноамериканцев не имеют возможности нормально питаться. В Латинской Америке необходимо построить более 14 миллионов жилищ. В Латинской Америке 140 миллионов неграмотных или малограмотных, 11 миллионов полностью безработных и 3 или 4 миллиона частично безработных...

В Чили, по данным специалистов, недоедает половина детей до 15 лет, а 600 тысяч чилийских детей растут хилыми, так как не получали достаточного питания, особенно в первые месяцы жизни. Кроме того, у нас 300 тысяч трудоспособных людей не имеют работы, 43 процента чилийского населения плохо питаются... Эти факты свидетельствуют о банкротстве капиталистических правительств и христианско-демократического реформизма Фрея. Фрей сделал больше, чем обычные капиталистические правительства, но он не затронул самой сути проблемы. В жилищном строительстве, в области занятости, в просвещении и в здравоохранении цифры ясно показывают, что драма, которую переживают такие страны, как Чили, не ликвидирована.

Чили в политическом отношении более передовая страна, чем остальные. Здесь буржуазная демократия действовала в гораздо более полной и ясной форме, чем в большинстве латиноамериканских стран.

Следует добавить, что Чили в последние годы имела огромное преимущество в сравнении с остальной Латинской Америкой, потому что цена на медь на мировом рынке очень сильно поднялась...

И все же Чили — это страна, где растет инфляция. Кроме того, каждые пятнадцать дней, по условиям соглашения с Международным валютным фондом, мы должны повышать цену доллара и понижать цену нашего эскудо. В 1970 и 1971 годах 500 миллионов эскудо уйдут из нашей страны на уплату процентов и амортизационных отчислений по нашему внешнему долгу.

Мы намерены сформировать многопартийное националистическое, народное, демократическое и революционное правительство, которое будет идти к социализму. Мы не говорим, что мы собираемся установить социалистический строй завтра. Социализм нельзя навязать с помощью декрета. Это процесс общественного развития.

Наша программа предусматривает создание трех секторов: государственного, смешанного — частного и государственного капитала, и частного...

Это путь, отвечающий реальным условиям Чили, и мы считаем его основным этапом.

Прежде всего мы должны вернуть себе наши основные ресурсы, находящиеся в руках иностранного капитала, особенно американского, — медь, железную руду, селитру, которые сейчас в ваших руках, в руках американских монополий.

Затем мы должны национализировать монополии, которые оказывают влияние на социальное и экономическое развитие страны. К этому мы должны добавить серьезную, широкую, глубокую аграрную реформу, национализацию банков и установление государственного контроля над внешней торговлей.

Мы считаем, что на этой базе мы сможем подойти к решению основных проблем Чили...

Вопрос: С момента Вашей победы на выборах 4 сентября высказывались самые различные предположения относительно возможной формы и характера Вашего правительства. Если взять самые крайние из них, рассчитываете ли Вы, что Ваше правительство будет правительством марксистской ориентации, которое будет добиваться быстрого и радикального преобразования чилийского общества, или же социал-демократическим, медленнодвигающимся по пути реформ?

Ответ: Мы не намерены подражать ни Советскому Союзу, ни Кубе, ни Китаю. Мы намерены искать наш собственный путь, и в соответствии с существующими реальными условиями мы примем необходимые меры, чтобы обеспечить наиболее полное удовлетворение основных потребностей чилийцев — мужчин и женщин.

Многое зависит от того, с какими препятствиями столкнется правительство. Возможно, если препятствия будут созданы искусственно, если ультрареакционные силы будут замышлять заговор, если усугубится нынешняя попытка вызвать экономический хаос, то мы будем вынуждены проводить наши меры быстрее и решительнее, то есть процесс может стать более радикальным — не потому, что мы хотим этого, а потому, что у нас не будет другого выбора.

Вопрос: Существует предположение, что в Вашем правительстве Народного единства могут господствовать тоталитарные компоненты коалиции, в частности коммунистическая партия. Если Вы допускаете эту возможность, то как Вы будете действовать?

Ответ: Я должен отвергнуть Ваше утверждение относительно тоталитарных компонентов среди партий в правительстве Народного единства. Почему? Я полагаю, что мы исходим из различных философских позиций. По-Вашему, быть коммунистом и социалистом значит быть сторонником тоталитаризма. По-моему, нет.

Я считаю, что человек освобождается, когда он ликвидирует отчуждение, человек свободен, когда экономика обеспечивает ему работу, продовольствие, жилье, здоровье, отдых и досуг.

Не будет никакого превосходства ни коммунистической, ни социалистической партии, обе они марксистские партии... Программа Народного единства — это не программа коммунистической, социалистической или радикальной партии и не программа Партии МАПУ (Движение единого народного действия) или АПИ (Независимое народное действие). Это наша общая концепция...

Вопрос: Ожидаете ли Вы, что Ваше правительство экспроприирует всю американскую и другую иностранную собственность в Чили только потому, что она иностранная, или же в Чили будут существовать возможности для прямых иностранных капиталовложений, включая капиталовложения из Соединенных Штатов?

Ответ: Мы заявили, что намерены экспроприировать те капиталовложения, которые коренным образом и существенно влияют на национальное экономическое развитие. Например, главное сокровище Чили — это ее медь. Мы считаем, что это сокровище должно быть чилийским и находиться в руках чилийцев.

Я уверен, что Соединенные Штаты не согласились бы с тем, чтобы я был владельцем их основных ресурсов. Мы намерены национализировать те компании, которые, на наш взгляд, имеют коренное значение для экономического развития страны...

Вопрос: Ваша программа подчеркивает необходимость независимой чилийской внешней политики. Готовы ли Вы, чтобы добиться этого, изолировать Чили от межамериканской экономической и политической системы в том виде, в каком она существует сегодня?

Ответ: Наша цель не в том, чтобы изолировать Чили. Напротив, наша цель в том, чтобы связать Чили со всеми странами мира, отстаивая в коммерческой области коренные интересы страны. А в культурной области мы также хотели бы воспринять и позаимствовать культурные достижения независимо от их происхождения.

В политической области мы, в сущности, добиваемся лишь полной независимости. Мы сторонники самоопределения и невмешательства. Поймите, очень трудно экспортировать Народное единство в латиноамериканские страны. Чтобы экспортировать Народное единство, там необходимо иметь политические партии и выборы, а в большинстве стран их нет.

Мы хотим укрепить наши культурные и коммерческие отношения с

Соединенными Штатами, но мы хотим иметь право установить отношения с Кубой. Мы не подчинимся, если кто-нибудь придет и заявит: «Нет, сэр, вы не можете иметь отношения с Кубой».

Вопрос: Вы масон. Считаете ли Вы католическую церковь потенциальным элементом оппозиции Вашему правительству?

Ответ: Я думаю, Вы прекрасно знаете, что ссоры между масонами и церковью преодолены. Еще важнее то, что католическая церковь коренным образом изменилась. Прежде, в течение столетий, католическая церковь защищала интересы власть имущих. Сегодня, после Иоанна XXIII, церковь стремится к тому, чтобы претворить в жизнь Евангелие, по крайней мере, в некоторых районах.

Я читал декларацию епископов Латинской Америки, подписанную в Медельине, и они сейчас употребляют те же формулировки, что и мы с момента нашего вступления в политическую жизнь 30 лет назад. В то время нас осуждали за такие выражения, сегодня их употребляют католические епископы.

Я полагаю, что церковь не будет фактором, направленным против правительства Народного единства...

Кроме того, будет существовать самый широкий религиозный плюрализм. Я знаю, что большинство населения страны составляют католики, но имеются и евангелисты, протестанты и баптисты, и все религии будут пользоваться полным уважением.

Вопрос: После выборов чилийские левые группировки, которые ратовали за необходимость насилия для изменения общества, по-видимому, поддержали Ваш призыв к преобразованию с использованием законных мирных средств, а три человека, в политическом отношении отождествляемые с чилийскими правыми, оказались замешанными в террористической деятельности. Исключаете ли Вы полностью, при всех обстоятельствах, возможность насилия со стороны тех, кто вас поддерживает?

Ответ: Мы много раз говорили, что у нас нет никакого политического соглашения с партией МИР (Революционным движением левых). Только она несет ответственность за тактику, которую она разработала и наметила для себя. Во время кампании они произвели некоторые экспроприации. Я не знаю, почему они прекратили их. Когда мы будем в правительстве, они опоздают с этим, потому что мы намерены сами проводить широкую экспроприацию.

Что касается правых, то я полагаю, что есть группировка, связанная с империалистическими интересами, которая будет готова пустить в ход

любые средства. В числе этих средств — насилие, экономический хаос и покушения на убийство.

Мы ответим на реакционное насилие революционным насилием, но это будет ответ. Если другие прибегнут к насилию, то мы ответим насилием, но мы сами не намерены прибегать к насилию.

Мы отвергаем терроризм в принципе, исходя из нашей идеологии, убеждений, а также из гуманных побуждений».

Борьба против Альенде шла в этот период одновременно по двум линиям: легальной, предусматривавшей не допустить победителя в «Ла-Монеду» формально, «законными» средствами, и нелегальной, заговорщической, нацеленной на лишение его власти путем насильственного вооруженного переворота и установления в стране режима реакционной террористической военной диктатуры.

Первая из этих линий развивалась следующим образом. Согласно конституции конгрессу предстояло сделать выбор между двумя кандидатами, получившими наибольшее число голосов, то есть между Альенде и Алессандри. Томич, получивший голосов меньше всех, вышел из игры. В конгрессе (палате представителей и сенате) большинство составляли противники Альенде — консерваторы из национальной партии и демохристиане, располагавшие соответственно 45 и 75 представителями из общего числа 200. Они могли при желании проголосовать за Алессандри. Однако сделать это было им нелегко, ведь до выборов они клялись утвердить любого кандидата, получившего относительное большинство голосов, даже если им будет Альенде. Они сделали эти заверения, втайне надеясь, что Алессандри получит такое большинство и что их заверения облегчат ему поддержку конгресса, а точнее, дадут ему голоса тех же демохристиан, если их кандидат окажется па втором месте, и даже депутатов Народного единства, которые обещали оставаться верными традиции и голосовать за того, кто получит больше всех голосов.

К тому же на выборах 1958 года, когда Алессандри получил на 33416 голосов больше Альенде, дон Хорхе и его сторонники с пеной у рта доказывали законность именно его избрания на президентский пост. Эти прецеденты ставили консерваторов в крайне затруднительное положение по отношению к Альенде. Голосовать за него в конгрессе они не желали, но и для того, чтобы воспротивиться его избранию, у них не было аргументов, если не считать смехотворного обвинения в фальсификации выборов, отвергнутого за отсутствием доказательств Верховным избирательным трибуналом, в котором большинство состояло из противников Народного единства. И все же Алессандри и его сторонники были решительно

настроены против Альянде, стремясь любой ценой не допустить его к власти, даже ценой военного переворота.

С другой стороны, отношение к победе Альянде в демокристической партии было далеко не однородным. Наряду со сторонниками Фрея, которые были бы не прочь «нарушить традицию» и проголосовать за Алессандри, в ней имелись и сторонники Радомира Томича, выступавшие за признание победы Альянде и утверждение ее высшим законодательным органом. Последние считали, что поступить иначе означало бы толкнуть страну в пропасть гражданской войны. Действительно, если левым преграждался путь к власти даже после того, когда они одерживали победу на безусловно безупречных выборах, то что же оставалось им делать, как не обращаться к насилию, к оружию, к партизанским действиям, к восстанию? Разве не утверждали экстремисты из МИР, что буржуазия никогда не решится допустить левых, в частности Альянде, к власти мирным путем, разве не призывали они сразу же после выборов к немедленному захвату власти, не дожидаясь решения конгресса? Да и сам Альянде предупреждал, что отказ конгресса утвердить его в должности президента вызовет решительный отпор со стороны трудящихся, повлечет генеральную забастовку, породит беспорядки, парализует экономическую жизнь страны. А это приведет или к победе тех же левых, или к военной диктатуре, которая сметет с политической сцены и саму демокристическую партию.

На протяжении десятилетий демокристическая партия кичилась своей приверженностью к конституции, к демократическим институтам, противопоставляя себя левым силам, которые якобы обращаются к насилию для достижения своих целей. Могла ли она теперь, когда Альянде одержал победу на выборах, лишить его президентского поста? Не было бы это политическим харакири для партии? Не лучше ли было в этих условиях поддержать Альянде и попытаться его «смягчить», заставив, в свою очередь, соблюдать правила буржуазно-демократической игры, учитывая, что контроль над парламентом со стороны оппозиции давал ей определенные преимущества над ним?

Да и действительно, был ли уж таким страшным этот Альянде, социалист и масон, с которым многие из них длительное время дружили, как тот же Фрей, крестным отцом одной из дочерей которого был дон Чичо? В нем ведь не было ничего от фанатика, о нем говорили, что он слишком любил жизненные утехи, чтобы быть хорошим социалистом. Правда, он дружил с Фиделем Кастро и высказывался за осуществление радикальных реформ, но власть действует отрезвляюще на реформаторов,

разве тому примером не был Гонсалес Видела, да и тот же Фрей?

Однако сам Фрей, хорошо знавший Альенде, не испытывал по отношению к нему такого рода иллюзий. Он знал, что у дон Чичо слово не расходится с делом. Пустить Альенде в «Ла-Монеду» означало для клерикального лидера крушение всех его прекраснотушных надежд на установление «коммунитарного» общества. Фрей не желал и боялся войти в историю в роли Керенского, открывшего дорогу к власти «красным». Ослепленный антикоммунизмом, раздраженный неуспехом своей партии на выборах, он и его сторонники были готовы голосовать в конгрессе за Алессандри. Тем более что дон Хорхе клятвенно обещал некоторое время спустя уйти в отставку, что привело бы к новым выборам, на которых Фрей фигурировал бы в качестве единого кандидата правых и ХДП и имел бы хорошие шансы вновь вернуться в «Ла-Монеду». Эта жульническая комбинация не получила поддержки большинства руководства демохристианской партии, да и в самой национальной партии многие ее расценивали как опасную авантюру, которая могла спровоцировать взрыв народного гнева со всеми неблагоприятными для правых последствиями.

Когда выяснилось, что не менее 25 депутатов и сенаторов, членов ХДП, сторонников Радомиро Томича, твердо решили голосовать в конгрессе за Альенде, что обеспечило бы ему избрание, Фрей сделал вид, что сдается, но потребовал, чтобы Альенде предварительно обязался выполнить ряд условий. Эти условия должны были быть потом сформулированы в Статуте конституционных гарантий, который призван был «связать руки» Альенде, воспрепятствовать ему осуществить программу Народного единства.

Что же это были за условия? Они включали обязательство не препятствовать деятельности оппозиционных партий, не вводить цензуру, не ограничивать свободу слова, не трогать систему частной школы, контролируемой церковью, соблюдать университетскую автономию, не вмешиваться в армейские продвижения по служебной лестнице, которые осуществлялись согласно выслуге лет, а не по политическому принципу, не менять существующую избирательную систему, не допускать создания гражданских вооруженных формирований типа народной милиции, не создавать каких-либо параллельных, не предусмотренных конституцией органов власти, соблюдать существующую избирательную систему.

С этими положениями Сальвадор Альенде и поддерживавшие его партии вынуждены были согласиться. Но другие требования демохристиан: не назначать на посты министров внутренних дел и обороны «марксистов» (членов СПЧ и КПЧ), любые изменения в этих министерствах

осуществлять с согласия руководства (генералитета) вооруженных сил, считать это руководство гарантом статута — Альенде категорически и со всей решительностью отверг. «По этому поводу, — сказал он демохристианам, — я должен заявить, что являюсь непоколебимым защитником прерогатив главы государства. Я подтверждаю, что, когда я буду президентом, даже Народное единство не будет иметь права вмешиваться в назначения высших военачальников, так как это является прямым правом президента республики, и я буду ревностным хранителем моих конституционных прав».

И все же положение было такое, что без поддержки армейской верхушки Альенде вряд ли мог рассчитывать на свое избрание конгрессом. 1 октября на встрече с командующими всех родов войск он обещал в случае своего избрания не вмешиваться в чисто внутренние дела армии, улучшить материальное положение солдат и офицеров. По просьбе присутствовавших он гарантировал, что не будет разрывать военные соглашения между Чили и США, что решающее слово при новых назначениях в вооруженных силах будут иметь сами военные после консультаций с президентом.

Эта встреча склонила армейскую чашу весов в пользу Альенде. Взмешенные таким поворотом дел, ультраправые стали готовиться к перевороту, одним из элементов которого будет убийство главнокомандующего армии генерала Рене Шнейдера.

15 октября палата депутатов одобрила Статут конституционных гарантий голосами представителей Народного единства и ХДП. Поняв, что его ставка бита, Алессандри 21 октября публично снял свою кандидатуру, призвав своих сторонников голосовать за Альенде. Дон Чичо нанес ему визит и поблагодарил за этот жест, который должен был охладить не в меру горячие головы ультраправых.

Предполагалось, что дальше события будут развиваться следующим образом. 22 октября статут подлежал одобрению сената. 24-го того же месяца конгресс (объединенное заседание палаты депутатов и сената) должен был включить статут в качестве дополнения в конституцию и избрать Альенде на пост президента, а на 3 ноября была назначена церемония передачи власти новому президенту. Таков был календарь заключительных событий на пути Сальвадора Альенде к «Ла-Монеде».

Согласие демохристианской партии голосовать за кандидата Народного единства в конгрессе означало вторую после выборов победу левых сил и поражение ультраправых элементов. Отныне они делали ставку на насильственное устранение Альенде путем убийства или

военного переворота. Голосование 15 октября в палате депутатов эти элементы расценили для себя как сигнал к немедленному действию.

22 октября, за несколько часов до того, как сенат одобрил Статут конституционных гарантий, в Сантьяго произошло событие, глубоко потрясшее чилийскую общественность. Среди бела дня выстрелами из револьверов неизвестные террористы смертельно ранили главнокомандующего чилийской армии генерала Рене Шнейдера. Хотя покушавшиеся скрылись, всем было ясно, кто являлся автором этого гнусного преступления. Достаточно было задать вопрос, кому оно выгодно, чтобы выявить политическое лицо убийц.

Напомним читателю, что генерал Шнейдер занял свой пост в связи с подавлением «Такнасо» — мятежа генерала Вио. Шнейдер был известен в стране как конституционалист, решительный противник вмешательства армии в политическую жизнь и сторонник признания победы Альенде. Двое из его сыновей: Рауль, художник, и Рене, журналист, участвовали в кампании за избрание Альенде. Так что сторонники Альенде его убить не могли. Его могли убить только враги Альенде. Их расчет был прост: они надеялись таким образом спровоцировать армию совершить переворот, захватить власть и аннулировать результаты выборов. Все это подтвердилось, когда расследование выявило имена не только убийц, но и тех, кто стоял за их спиной.

Их руководителем был все тот же генерал Вио, действовавший с ведома и согласия самого президента Фрея. Да, президент Фрей знал о готовившемся покушении на Шнейдера и не только не предотвратил его, но всячески ему содействовал, ибо надеялся, что это убийство воспрепятствует приходу Альенде в «Ла-Монеду». Как сообщил французский ежемесячник «Монд дипломатик», Фрей, видя неизбежность победы Альенде, предложил Шнейдеру совершить государственный переворот, «чтобы помешать захвату власти коммунистами». На это командующий вооруженными силами ответил: «Сами совершайте переворот, а меня об этом не просите. Я уважаю конституцию». Этот ответ решил его судьбу.

Все началось с того момента, когда стал известен результат выборов, то есть в ночь с 4 на 5 сентября. Заговорщики решили немедленно приступить к действиям. Они создали ряд подрывных организаций откровенно фашистского типа, в том числе «Патриа и либертад» («Родина и свобода»), во главе которой стал единомышленник генерала Вио и его адвокат на процессе по делу Шнейдера — Пабло Родригес Грес. В первый же день после выборов, 5 сентября, молодчики этой организации прошли

по улицам столицы с криками: «Тревога, чилиец: русские стоят у порога!» В разных местах страны стали взрываться в богатых кварталах бомбы, что должно было создать обстановку паники среди толстосумов, которые спешно изымали с банковских счетов свои вклады и осаждали самолеты, стараясь поскорее оставить страну. За два месяца Чили покинули, не без поощрения Фрея, 17 тысяч богачей с их семьями, увозя в своих чемоданах валюту и драгоценности, чтобы они не достались «красным». По сообщению министра финансов в правительстве Фрея, Андреса Сальдивара, только за три дня — с 7 по 10 сентября 1970 года — Центральный банк был вынужден предоставить частным банкам 780 миллионов эскудо (около 80 миллионов долларов), чтобы удовлетворить требования вкладчиков. Заговорщики убеждали предпринимателей сокращать или вовсе прекращать производство. За 20 дней после президентских выборов, по сообщению того же Сальдивара, продажа текстильных товаров снизилась на 30 процентов, хозяйственных электроаппаратов — от 50 до 80 процентов, автомобилей — с 650 до 180 единиц в неделю. В стране быстро росла безработица, возникал финансовый хаос, преддверие экономической разрухи.

Заговорщики надеялись, что финансовый хаос даст повод президенту Фрею подать в отставку и передать власть их сообщникам из армейских кругов. Но для этого следовало устранить Шнейдера. Заговорщики спешили. Им удалось добиться увольнения командующего флотом адмирала Порто Ангуло. Поводом для отставки послужила встреча адмирала с Альенде без разрешения на то демокристического министра обороны Серхио Осса Претот. Затем такую же операцию предполагалось осуществить со Шнейдером. Реакционные газеты «Меркурио» и «Сегунда», поддержавшие заговорщиков, сообщили о секретных переговорах Шнейдера с Альенде. Эта «утка» была немедленно разоблачена. Теперь не оставалось другого выхода, как устранить Шнейдера силой.

Этим занялся генерал Вио. Он вовлек в заговор генерала Камило Валенсуэлу Годоя, начальника гарнизона в Сантьяго, генерала Эдуардо Арриагаду Ласа, командующего третьей дивизией в городе Консепсьоне, командующего флотом адмирала Уго Тирадо Барроса, генерала Хоакина Гарсия и через него командующего авиацией генерала Карлоса Геррати. Был вовлечен в заговор и генеральный директор корпуса карабинеров Висенте Уэрта Селис.

Заговорщики планировали убрать в первую очередь генерала Шнейдера и стоявшего вторым в военной иерархии генерала Карлоса

Пратса Гонсалеса и создать военную хунту с генералом Камило Валенсуэлой в роли председателя и генералом Роберто Вио в качестве «сильного человека». Они заручились поддержкой некоторых сенаторов и депутатов национальной партии, ряда ультраправых банкиров, адвокатов, промышленников.

После свержения президента Альенде представитель военной хунты полковник Педро Юнг официально признал 30 октября 1973 года, что чилийские «вооруженные силы готовили заговор против конституционного правительства с первого дня пребывания Сальвадора Альенде на посту президента». История убийства Шнейдера свидетельствует, что полковник Юнг «скромничает»: военные, неоднократно клявшиеся в своей преданности Альенде, готовили против него заговор гораздо раньше: они помышляли преградить ему путь еще в 1969 году, когда они впервые вступили на стезю открытого мятежа, и продолжали активно этим заниматься в 1970 году. И действовали они в одной упряжке не только с ультраправыми, но и с Фреем. Сообщник Вио, генеральный директор корпуса карабинеров Висенте Уэрта Селис признался, что он обо всем информировал свое непосредственное начальство, а именно — министра внутренних дел Патрисио Рохаса. Другой заговорщик, Давила Бастеррика, заявил: «Могу сказать, что некоторые члены правительства знали о готовящемся государственном перевороте и лично были согласны с его проведением, считая, что он разрешит проблемы сложного периода в жизни страны».

Для убийства Шнейдера заговорщики создали «бригаду» в составе уголовника Хаиме Мельгоса Гарай по кличке Северино, Хуана Луиса Бульнеса Серды, потомка двух президентов, адвоката Мартина Монреса Тагле и ряда других отпрысков аристократических семейств, участников организаций фашистского типа «Не предадим Чили», «Фидусиа», «Независимый республиканский фронт» и других. Все они были готовы принести себя «в жертву» во имя спасения Чили от коммунизма.

В день покушения убийцы на семи машинах перекрыли дорогу, по которой направлялся в министерство обороны генерал Рене Шнейдер, а затем расстреляли его в упор. В тяжелом состоянии, пронизанный четырьмя пулями, главнокомандующий армии был доставлен в госпиталь, где через два дня скончался, не приходя в сознание.

Правительство немедленно объявило в столице и провинции Сантьяго осадное положение. Вооруженные силы осуществляли самый полный контроль над столицей. Ночью Сантьяго был похож на оккупированный город. Редкие прохожие и автомобили через каждые десять кварталов

должны были останавливаться перед военными патрулями, которые с оружием наизготовку требовали необходимых пропусков.

Генерал Валенсуэла, назначенный начальником зоны чрезвычайного положения провинции Сантьяго, появлялся на экранах телевизоров, зачитывая строгие военные приказы: «Кто не будет повиноваться верховенству государственной власти, будет расстрелян. Информационные средства, распространяющие тревожные вести, будут закрыты».

Но события пошли не по предусмотренному заговорщиками плану. 22 октября, в обстановке чрезвычайной нервозности, сенат одобрил Статут конституционных гарантий, а 24 октября на объединенной сессии палаты представителей и сената было утверждено избрание Альенде президентом Чили; статут стал составной частью конституции.

На имя избранного президента стали поступать со всего мира поздравления глав государств. Только один не прислал поздравления — президент США Никсон. Отвечая на вопросы журналистов, представитель Белого дома объяснил, что телеграмму «забыли» послать.

25 октября в 7.25 утра скончался от ран командующий чилийской армией генерал Рене Шнейдер. Два дня спустя при огромном стечении народа состоялись похороны Шнейдера. Во главе похоронной процессии шли президент Фрей и его преемник — вновь избранный глава государства Сальвадор Альенде.

Обращаясь к окружившим его политическим деятелям, Альенде сказал:

— Я знаю, что пуля, которая сразила генерала Шнейдера, предназначалась мне...

До его вселения в «Ла-Монеду» оставались считанные дни, но и за эти дни еще могли произойти события, которые воспрепятствовали бы ему надеть на грудь заветную «банду» — президентскую ленту, символ высшей государственной должности. Ведь власть продолжала оставаться в руках его врагов. Они хотели совершить государственный переворот, но боялись всеобщего возмущения, народного гнева, боялись потерпеть поражение, лишиться всего.

Тот же полковник Педро Юнг хвастливо заявил, что, «как показали события, в течение этих трех лет вооруженные силы в любой момент более или менее легко могли бы свергнуть президента Альенде». И если они этого не сделали раньше, то якобы потому, что не хотели подвергать серьезной угрозе «будущее Чили». Точнее было бы сказать, что эти «патриоты», объявившие потом «состояние войны с народом», тогда опасались потерпеть поражение. Поэтому-то они поклялись в верности

конституционному президенту, готовя против него самое низменное, подлое и коварное предательство.

Покушения и взрывы продолжали совершаться и после убийства генерала Шнейдера. 24 октября Педро Вускович, намечавшийся на пост министра экономики в правительстве Альенде, получил по почте посылку, содержащую бомбу с часовым механизмом, обезвредить которую удалось чисто случайно.

Из Вашингтона тем временем продолжали раздаваться призывы преградить Альенде путь к власти. Если Альенде одержит верх, писал рупор американских монополистических кругов журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», «то возможен превентивный государственный переворот», который осуществят вооруженные силы Чили, чтобы не дать Альенде стать президентом.

То, что в этом заговоре Фрей играл далеко не последнюю роль, с откровенным цинизмом признавала уже после свержения Альенде и «Нью-Йорк тайме»: «Эдуардо Фрей Монтальва пользовался финансовой поддержкой католической церкви и американского крупного капитала. Инспирированная *этим последним* (курсив мой. — И. Л.) кампания в печати и в дипломатических кругах в США изображала Фрея как «последнюю надежду Чили», а Альенде — как «марионетку Советского Союза».

Пентагон продолжал «обрабатывать» своих чилийских коллег. Чилийским офицерам годами «промывали мозги» в военных академиях США и на курсах по борьбе с партизанами и коммунизмом в зоне Панамского канала. Пентагон дрессировал своих «горилл» в надежде, что, когда пробьет час, они сделают свое черное дело — устроят кровавую баню, изничтожат ненавистных «марксистов», а точнее, людей, единственным преступлением которых было стремление сделать свою родину свободной от ярма иностранного капитала, а трудящихся — хозяевами своей страны.

Американских империалистов особенно бесило, что Альенде входил в «Ла-Монеду» мирным путем, в результате свободного волеизъявления чилийцев. Это наносило смертельный удар по их излюбленному тезису, согласно которому коммунизм нигде и никогда не будет добровольно воспринят народом, не получит поддержку на выборах. Избрание Альенде президентом, победа в Чили сил Народного единства доказывали, что невозможное стало возможным.

Американское правительство в лице своих многочисленных органов на протяжении десятилетий постоянно вмешивалось во внутренние дела

Чили, оказывая финансовую и дипломатическую поддержку «дружественным» политическим деятелям и стремясь не допустить к кормилу власти тех, кого оно считало своими противниками. Американские компании, капиталовложения которых в этой стране превышали один миллиард долларов, в частности «Анаконда», «Кеннекот», ИТТ, поддерживали «революцию в условиях свободы» Фрея — чилийское издание программы «Союза ради прогресса».

В середине 1972 года американский журналист Джек Андерсон опубликовал целую пачку строго конфиденциальных и секретных документов монополистического концерна ИТТ. Эти документы подтвердили то, что было «секретом полишинеля», а именно: участие финансовых и официальных кругов США в заговоре против Альянде, их связь с чилийскими «гориллами», ультраправыми группировками, президентом Фреем.

ИТТ, образующее государство в государстве в самих США, — восьмая по объему капитала мировая монополия, располагающая филиалами в 70 странах. Она финансирует избрание американских президентов, поставляет правительству США министров и советников, а ЦРУ даже «одолжила» на время на пост директора своего президента Джона Маккоуна. Нынешний директор ИТТ Гарольд Сидней Дженнин получает самое высокое жалование в мире — 812 тысяч долларов в год, или в 5 раз больше, чем президент США. В Чили ИТТ с 1930 года (при Ибаньесе) имеет монопольную концессию сроком на 50 лет. ИТТ вложила в этой стране 28 миллионов долларов, получив прибыль в 360 миллионов долларов.

Дочерние корпорации ИТТ — «Стандард электрик», «Телефонс де Чиле», «Ойл америкен кэйблз» и «ИТТ уорлд коммьюникэйшнз» — занимали второе место по выпуску радио-и телеоборудования в Чили, контролировали 95 процентов всех телефонных аппаратов и управляли телеграфной и телефонной связью страны.

Документы, опубликованные Андерсоном, стали предметом рассмотрения в сенате США. Они проливают свет на подрывную деятельность не только ИТТ, но и на античилийские действия империализма США, целью которых было сперва добиться поражения Альянде на выборах, затем, в случае его победы, не допустить его избрания чилийским конгрессом, потом преградить ему путь в «Ла-Монеду» и, наконец, свергнуть его, если он все-таки станет президентом.

24 страницы памяток и писем, обнародованных Андерсоном, касаются только периода с середины сентября до начала ноября 1970 года. Они рассказывают в зловещих подробностях, как официальные представители

ИТТ обсуждали между собой и с видными деятелями ЦРУ и государственного департамента средства, какими можно было помешать Альенде стать президентом Чили.

Из этих документов следует, что 14 сентября сотрудник ИТТ Дж. Нил по указанию президента компании Дженнина встретился с Вейки, советником по латиноамериканским делам Генри Киссинджера, которому сообщил, что «ИТТ готова предоставить семизначную цифру» (то есть минимум один миллион долларов) для финансирования либо политических маневров, либо военного переворота с целью воспрепятствовать приходу Альенде к власти^[13]. Об этом Нил сообщил заместителю госсекретаря по латиноамериканским делам Чарлзу Мейеру и генеральному прокурору Джону Мичеллу.

17 сентября политические советники ИТТ и по совместительству агенты ЦРУ Хэл Гендрикс и Роберт Берреллиз сообщают из Сантьяго Говарду Джеррити, вице-президенту компании, что 15 сентября посол США в Чили Эдвард Корри, который, к слову сказать, метил перейти на службу в ИТТ, как об этом сигнализировал Гендрикс в донесении от 18 ноября, получил директиву государственного департамента «предпринимать от имени президента Никсона любые шаги, за исключением прямой вооруженной интервенции «типа доминиканской», чтобы воспрепятствовать приходу Альенде к власти». Агенты предлагали усилить давление на Фрея и продолжать финансировать газету «Меркурио». В случае избрания Альенде конгрессом предвидится «некоторое пролитие крови», пишут они, но, разумеется, это их вовсе не беспокоит. Их волнует другой вопрос: смогут ли военные «навести порядок» и взять верх в гражданской войне, которую агенты готовы разжечь, лишь бы избавиться от Альенде. Сможут, утверждают агенты, ссылаясь на «хорошо проинформированных чилийцев и некоторых североамериканских советников». Не смогут — такое мнение высказывает посол Корри, считающий чилийских военных всего лишь «оловянными солдатами», и это нервирует агентов. Что касается Фрея, то он, по их словам, заявил представителю государственного департамента, что «необходимо воспрепятствовать приходу Альенде к власти». Однако и Фрей и военные трусят, боятся раскрыть карты, предстать перед народом в своем подлинном обличье предателей и марионеток в руках иностранной державы. Посол Корри, докладывают агенты, проявляет похвальную активность, требуя от Фрея не обещаний, а действий. Он даже сказал президенту Фрею, чтобы тот не был тряпкой и «надел штаны». Агенты дали понять заговорщикам, что не поскупятся на расходы для действий,

направленных против Альенде.

В другом донесении те же агенты сообщают, что 13 сентября встретились с Артуро Матте, близким родственником Хорхе Алессандри и кандидатом в президенты на выборах 1952 года. Матте их заверил, что военные готовы не допустить Альенде к власти, но предпочитают конституционное решение (избрание конгрессом Алессандри), что «не исключает употребления насилия». Конечно, если удалось бы спровоцировать забастовки и беспорядки, это дало бы повод военным вмешаться. Но марксисты не поддаются на провокации, жалуется Матте. Агенты подтверждают предоставление финансовой помощи газете «Меркурио», которая раздувает погромную кампанию против Альенде. Газете «Меркурио» оказывают «помощь» и многие другие американские фирмы.

В записке от 21 сентября, адресованной вице-президенту ИТТ Уильяму Р. Мерриаму, Нил докладывает о встрече с директором отдела андских и тихоокеанских дел госдепартамента Джоном Фишером, который проинформировал Нила, что в госдепартаменте сомневаются в способности армейских кругов «взять ситуацию под свой контроль», иначе говоря — совершить переворот.

29 сентября Джеррити докладывает Дженнину о действиях американские компаний, направленных на создание экономической разрухи в Чили, — прекращении финансовых переводов, поставок запчастей.

В тот же день Берреллиз сообщает в Нью-Йорк, что экономическое положение в Чили быстро ухудшается, цена эскудо по отношению к доллару после выборов упала на одну треть. Предпринимаются меры довести до банкротства несколько крупных сберегательных касс в стране, что вызвало бы другие банкротства и, следовательно, волну недовольства. Безработица и массовое недовольство могли бы породить беспорядки, и это заставило бы военных действовать, с надеждой докладывает американский разведчик своему хозяину. Действия правительства Фрея способствуют этому. Министр финансов заявил публично, что экономический кризис, охвативший страну после выборов 4 сентября, будет углубляться. Альенде, конечно, понимает, что правительство Фрея пытается подложить ему свинью. Агент Берреллиз недоволен нерешительностью Фрея. Последний сказал своим министрам, что военным следовало бы низложить его и взять власть в свои руки, лишив таким образом Альенде возможности вступить в свою должность. Однако военным тот же Фрей сказал противоположное. Положение неясное, заключает агент, рекомендуя сохранять строгую конспирацию, чтобы не просочилось наружу участие

ИТТ в подрывной деятельности.

30 сентября Джеррити сообщает Мерриаму, Нилу и некому Райану, что Джек Ридфойл, президент ИТТ по Латинской Америке, обсуждал чилийскую ситуацию с Уильямом Броу, директором по подпольным операциям в Латинской Америке Центрального разведуправления, а также с агентом ЦРУ Энно Хобангом, который сообщил ему о встрече с представителем Алессандри Грегорио Амунатеги, прибывшим в Нью-Йорк для координации действий с ЦРУ. Броу рекомендовал ИТТ более решительно действовать против Альенде, Амунатеги же предлагал не проявлять особого рвения, он, по-видимому, надеялся на избрание конгрессом Алессандри.

Нил того же 30 сентября также пишет Мерриаму докладную, в которой приводит данные о предоставлении Соединенными Штатами «помощи» и кредитов Чили в целях «предотвращения коммунизма». В период с 1961 по 1968 год США выделили на эти цели 1136 400 тысяч долларов, а в 1969–1970 годах — еще свыше 200 миллионов долларов. Нил сетует, что эти миллионы не смогли «спасти» Чили от победы Альенде. Нил считает, что госдепартамент обязан занять более активную и решительную позицию против левых сил в Чили.

9 октября Мерриам докладывает члену директората ИТТ Маккоуну, бывшему директору ЦРУ, что, по сообщению ответственного работника американской разведки, правительство США намерено действовать решительно, если, заняв свой пост, Альенде начнет национализировать собственность американских компаний. В таком случае все кредиты Чили будут заморожены. Тот же агент информировал, что продолжают контакты с чилийскими военными на предмет организации переворота и «предпринимаются усилия спровоцировать крайне левых на беспорядки, что создало бы нужные условия для военного вмешательства».

15 октября Нил докладывает Мерриаму о беседе с послом Корри, прибывшим на консультацию в Вашингтон. Посол считает, что Альенде будет утвержден конгрессом, что «русские не имеют никакого отношения к его избранию», хотя реакционная пропаганда твердит обратное. Нил высказался за продолжение снабжения оружием чилийской армии и после прихода Альенде к власти. Корри считает, что экономические санкции заставят Альенде, по крайней мере, придерживаться умеренного курса вместо того, чтобы «быть инструментом Кастро и России».

В докладной Гендрикса в адрес Джеррити от 16 октября сообщается, что генерал Вио открыто готовится совершить переворот при попустительстве Фрея. Альенде, по-видимому, тоже в курсе. Он заявил в

одной из публичных речей, с беспокойством отмечает Гендрикс, что «Чили наводнена агентами ЦРУ». Альянде, со своей стороны, встречается с военными, пытаясь, и не без успеха, перетянуть их на свою сторону. Однако, с удовлетворением констатирует разведчик, экономическое положение страны ухудшается, растет безработица, продолжается «бегство капиталов» из страны, многие рабочие бастуют, требуя увеличения зарплаты иногда на 50 процентов, что создаст немалые затруднения для Альянде, если он все же придет к власти.

21 октября руководство ИТТ сочиняет меморандум, в котором требует от правительства США принятия жестких мер по отношению к тем латиноамериканским странам, которые, подобно Перу, Боливии и в ближайшем будущем Чили, «обижают» американский капитал и проявляют «неблагодарность» к США, вложившим в Латинскую Америку за последние семь лет свыше 8 миллиардов долларов. Авторы меморандума требуют применения к Альянде, в случае его прихода к власти, различных экономических и политических санкций с таким расчетом, чтобы он «не мог продержаться в течение решающих шести месяцев после его избрания». Программа ИТТ предусматривала подрывную деятельность в чилийских вооруженных силах, дипломатический саботаж экономическую войну против Чили.

Меморандум ИТТ, напоминавший по своей форме категорический приказ, был направлен 23 октября — то есть на следующий день после покушения на генерала Шнейдера и за день до провозглашения чилийским конгрессом Альянде президентом — на рассмотрение советнику президента по национальной безопасности Генри А. Киссинджеру.

22 октября Гендрикс сообщил из Сантьяго Джеррити, что совершено покушение на генерала Шнейдера, по-видимому, правыми элементами, арестован ряд подозреваемых лиц, среди них отставной майор карабинеров Хосе Кабрера. Гендрикс считает, что в связи с назначением генерала Пратса на место Шнейдера шансы на военный переворот уменьшились.

Разведчики, диверсанты, финансовые акулы из ИТТ, как и их покровители из более высоких сфер, потерпели поражение. Они не смогли воспрепятствовать приходу Альянде к власти. Но они не сложили оружия. Для них война против Альянде только начиналась...

Между тем страна готовилась к церемонии вступления в должность нового президента. В Сантьяго съехались журналисты со всего света, и каждый стремился получить интервью у Альянде. Он принимал всех. Недостатка в острых вопросах не было. На них, верный своей манере, Альянде отвечал откровенно, с юмором. Долше всех — 75 минут —

беседовал с ним мексиканский журналист Хулио Шерер Гарсия.

— Как Вы себя чувствуете? — спросил журналист.

— Оптимистом, который готов спокойно встретить любые превратности судьбы.

— Что Вы думаете о «Пражской весне»?

— Она меня не интересует. Вы присутствуете при «Чилийской весне». Мы ведь до сих пор жили в холодной атмосфере иностранных интересов. Теперь наступает оттепель.

— Не будет ли влияние компартии доминирующим в Вашем правительстве?

— Этого не следует опасаться. У нас многопартийное правительство. Впервые в истории континента оно основано на единстве христиан, марксистов и независимых левых.

— Говорят, что Вы особенно преклоняетесь перед Хо Ши Мином, Мао Цзэ-дуном, Че Геварой и Кастро. Ваши симпатии к ним имеют определенный политический смысл?

— Вовсе нет. Я преклоняюсь перед Христом, Ласаро Карденасом, Боливаром, О'Хиггинсом, Морелосом, Мирандой, Лениным и многими другими великими деятелями.

— Но у Вас дома портреты Хо, Мао, Че и Кастро?

— Да, это фотографии с дарственными надписями. Я их получил в подарок. Что поделаешь, я ведь не мог достать фото Христа с его автографом.

— Что Вы можете сказать об отпотевании к Вам армии?

— Наша армия носит профессиональный характер, она уважает конституцию и закон. Правда, в последнее время наблюдалось брожение в некоторых военных округах. Так что благоразумнее было бы сказать, что в этой области могут произойти разные неожиданности.

— Что будут означать Ваш успех или поражение как президента республики?

— Моему поражению возрадуются повсеместно «гориллы». Наш же успех будет успехом народов Латинской Америки. Все это накладывает на правительство Народного единства особую ответственность...

3 ноября в конгрессе, куда Фрей прибыл в карете и во фраке, а Альенде в машине и в обычном костюме, состоялась передача власти новому президенту. Председатель сената надел на Альенде президентскую ленту — символ его новой власти. После чего Даниэль Вергара, коммунист, за день до этого назначенный заместителем министра внутренних дел, принял у нового президента присягу. На этой церемонии находились делегации от 70

стран мира, в том числе из Кубы и ДРВ.

Затем Альенде присутствовал в кафедральном соборе на торжественном богослужении, данном в его честь кардиналом Раулем Сильвой Энрикесом.

Из собора в сопровождении своих сторонников — руководителей партий Народного единства, профсоюзов, молодежных и студенческих организаций — новый президент направился в «Ла-Монеду». Как он неоднократно обещал, вместе с ним в президентский дворец впервые в истории Чили вошел народ. В залах старого дворца был приготовлен ужин, хозяйкой стола была «мама Роса», старушка няня Сальвадора Альенде.

На улицах города было организовано народное гуляние. На аламеде выступали народные ансамбли, народ танцевал, пел песни. В парках на 500 таблицах играли шахматисты в знак солидарности с новым президентом, завзятым любителем этой благородной игры.

В тот же вечер Альенде выступил перед приветствовавшим его народом с балкона президентского дворца.

— Я не раз говорил, что хотя и трудно, но отнюдь не невозможно добиться победы. И мы добились победы так, что это может послужить уроком для всех. Полагаю также, что наша победа вызовет определенную реакцию у тех, кто не верит в демократию, если они не наживаются при этом... Кое-кто недоволен этой победой, но подавляющее большинство приветствует ее как грандиозный триумф, открывающий перед Чили широчайшие перспективы и в то же время служащий залогом братского взаимопонимания между народами в мире, где царили бы уважение и мир.

По случаю вступления в должность нового президента был объявлен трехдневный праздник.

На следующий день в парке Коусиньо состоялся парад всех родов войск в честь нового главы государства, потом прием в честь иностранных делегаций и встреча Альенде с журналистами. Отвечая представителю Московского радио и телевидения, который отметил, что президент вступил в свою должность в преддверии очередной годовщины Великого Октября, Альенде заявил:

— Я глубоко убежден, что для народов всего мира Великая Октябрьская социалистическая революция имеет поистине историческое значение, ибо она оказала огромное влияние на все развитие человечества. Победа революции в октябре 1917 года означает прежде всего победу идей вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. И в каждую годовщину Октябрьской революции мы, чилийцы, всегда желаем великому советскому народу еще большего прогресса, еще больших успехов и хотим, чтобы эти

победы и успехи способствовали укреплению и сохранению мира во всем мире.

5 ноября состоялся грандиозный народный митинг победы на Национальном стадионе в Сантьяго, где Альенде перед 90-тысячной аудиторией своих сторонников выступил с большой программной речью. Его выступление передавалось по радио, а также по телевидению на всю страну и по системе Евровидения на многие страны Европы. Президент, в частности, сказал:

— Мы получили в наследие идеи таких борцов за независимость Чили, как Хосе Мигель Каррера, Мануэль Родригес и О'Хиггинс, которые боролись за свободу человека, равенство всех граждан, право народа самому определять судьбу родины. Мы считаем себя продолжателями начатого ими дела. Вместе с нами сегодня здесь как бы присутствует первый организатор чилийского пролетариата и основатель Коммунистической партии Чили Луис Рекабаррен.

Большая заслуга в победе Народного единства в 1970 году также принадлежит этим революционерам. От поколения к поколению передавалось горячее стремление построить в Чили справедливое общество. Теперь эта задача легла на нас.

Строить новое общество — большая задача, но она выполнима, поскольку речь идет о справедливом обществе, в строительстве которого участвует весь народ. Своим трудом народ воплотит в жизнь горячие чаяния, осуществит им же разработанный план.

Нет разрыва между народным правительством и народом, между президентом и всеми чилийцами. Мы исполнители народной воли. Перед трудящимися Чили открываются большие возможности, которые до сих пор сдерживались капиталистическим строем. Наше отставание вызвано зависимостью от монополий. При поддержке народных масс правительство способно покончить с нищетой и голодом, сделать культурные ценности достоянием всех. В этом и будет заключаться революция.

Мы постараемся осуществить программу Народного единства, которая доходчиво показывает, что нужно сделать, чтобы покончить с империалистической зависимостью, превратить Чили в развитую страну.

Мы представляем собой нацию, которая служит сырьевым придатком капитализма, иностранных монополий...

Природные богатства Чили огромны. Мы научимся использовать их, но в первую очередь следует сделать их нашими. Мы будем бороться за возвращение стране медных, селитряных и железорудных месторождений. Мы будем проводить народную аграрную реформу.

Но есть и другое богатство, которое до сих пор также не использовалось на благо родины, — это сам чилийский народ. Существовавшая система общественных отношений затрудняла и мешала развитию личных качеств человека, раскрытию его гения. Такова судьба всех угнетенных народов, трудящихся капиталистических стран...

В тот же день вечером президент и его супруга Тенча были гостями на приеме дипломатического корпуса, организованном папским нунцием. С Ватиканом, с католической церковью, которые после II Ватиканского вселенского собора заняли в политических и социальных вопросах более гибкую позицию и отказались от политики отлучений и анафем в адрес левых сил, у нового правительства намечались если не дружественные, то, во всяком случае, приемлемые отношения.

Между тем в Вашингтоне продолжали плести заговор против Альянде.

9 ноября 1970 года Генри А. Киссинджер направил вице-президенту ИТТ Уильяму Р. Мерриаму письмо, в котором благодарил за предложения, посланные ему 23 октября. «Я внимательно ознакомился с ними, — писал советник президента по вопросам национальной безопасности, — и передал их моим сотрудникам, ведающим делами Латинской Америки. Это большая помощь — располагать вашими идеями и рекомендациями, и мы безусловно учтем их».

Письмо Киссинджера Мерриам немедленно переслал Джеррити со следующей припиской: «Поверьте мне, это не пустая формальность. Чилийские дела предвещают грозу. Я еще напишу вам об этом».

Мерриам был прав: политический барометр в Чили действительно предвещал грозу...

ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ

Я не люблю громких фраз. Мои поступки — лучшее доказательство моих стремлений. Сегодня я могу всех заверить, что я непоколебимо решил свершить волю народа и сделать все, что в моих силах, чтобы покончить с нищетой и болезнями, дабы чилийский народ стал действительно свободным и счастливым. Такова наша цель, она благородна, и только смерть может помешать мне достичь ее.

*Сальвадор Альенде.
5 сентября 1970 года*

«ЧИЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Итак, то, что многим и, может быть, где-то в душе и ему самому казалось невозможным, свершилось. Альянде — президент республики, товарищ Президент, как он просит называть себя, подчеркивая новый, народный, революционный характер высшей государственной должности. И завоевал он эту должность все-таки путем выборов, избегнув кровопролития, и не танки стояли на следующий день после его водворения в «Ла-Монеду» на площади Конституции, а красочные платформы, с которых выступали певцы и танцоры, радуясь победе народа.

Почему стала возможной эта победа? Перефразируя Маркса, можно было бы сказать, что благодаря «силе слабых», а не «слабости сильных». Рабочий класс Чили, эта основа основ блока Народного единства, показал свою дисциплинированность, стойкость, мужество, сознательность. Он не дал спровоцировать себя за безрассудные выходки. Рабочие партии — социалистическая и коммунистическая — крепили единство, сплачивая вокруг себя союзников, представлявших непролетарские прослойки общества. Чилийская же буржуазия еще раз проявила благоразумие, предпочитая компромисс открытой схватке с левыми силами, в которой она могла потерять все, в том числе и надежду на реванш.

Правда, на крайне правом и на крайне левом фланге были влиятельные группировки, жаждавшие одним махом разрубить гордиев узел власти, решить «кто кого» — буржуазия ли подомнет под себя трудящихся или трудящиеся буржуазию. Однако до сих пор противники Альянде проигрывали один раунд за другим, и теперь, когда он вселился в «Ла-Монеду», им будет во сто крат трудней с ним бороться, чем когда он был просто товарищем Альянде, без магической приставки «президент».

Победа далась ему нелегко. Понадобилось 18 лет борьбы и усилий, чтобы преодолеть расстояние в несколько сот метров от здания конгресса до «Ла-Монеды». Но он это сделал и был счастлив, как бывает счастлив претендент на звание чемпиона, выигравший бой с соблюдением всех правил игры против более мощного, опытного и коварного соперника, выступавшего как фаворит публики.

Ему исполнилось 62 года, для политика — возраст мудрости. Победа точно омолодила его. Физически он чувствовал себя прекрасно. В эти праздничные дни настроение у него было великолепным. Его победа привлекла внимание всего мира, всюду говорили о «чилийском

эксперименте», о «чилийском пути к социализму», который открывал новую страницу в истории извечного стремления обездоленных к социальной справедливости, к подлинному равенству и братству. И не только друзья, но и враги признавали теперь, что именно он, Сальвадор Альенде, с его жизненным опытом, уравновешенностью характера, с его знанием всех секретов, тайн и хитросплетений чилийской политики, парламентских процедур и комбинаций, знанием людей, с его любовью к Чили, истинным сыном которой он являлся, именно он, и никто другой, был сегодня на месте в этом выдавшем виды здании «Ла-Монеды».

Но вселение в «Ла-Монеду» было лишь началом выполнения той грандиозной задачи, знаменосцем и инструментом которой он стал по воле прогрессивных сил страны. Предстояло изменить облик его родины, освободить ее от оков иностранного капитала, покончить с эксплуатацией человека человеком, дать крестьянам землю, совершить культурные преобразования, превратить Чили в подлинно свободную и независимую республику. Одним словом, следовало совершить революцию, которая открыла бы путь социализму — самому передовому и справедливому строю на земле. И он был готов отдать всего себя этой великой и благородной задаче.

Первым шагом в этом направлении было образование правительства. В него вошли представители всех партий Народного единства — от коммунистов до левых католиков. Это было первое в истории Чили подлинно народное правительство. Оно располагало четкой и ясной программой Народного единства, которую знала вся страна и осуществления которой трудящиеся ждали с нетерпением, а эксплуататоры — со страхом.

Правительство незамедлительно приступило к работе. Дети до 15-летнего возраста получили обещанные бесплатные пол-литра молока. Была повышена заработная плата рабочих и служащих на 34,9 процента в соответствии с ростом стоимости жизни в 1970 году. Правительство повысило и минимальную заработную плату на 66 процентов, стабилизировало плату за газ, электроэнергию, автотранспорт, развернуло широкое жилищное строительство — предусматривалось построить 100 тысяч квартир. Были приняты меры к сокращению безработицы, достигавшей к приходу Альенде к власти 300 тысяч человек. От этих мероприятий больше всего выиграла особо нуждающаяся часть трудящихся.

Альенде отменил более 20 декретов об увеличении цен, изданных предыдущим правительством, установил бесплатное медицинское

обслуживание на медпунктах и в больницах. Распорядился, чтобы при строительстве метро в Сантьяго в первую очередь были приняты во внимание нужды районов, заселенных трудящимися. Был создан Национальный экономический совет из представителей профсоюзных и общественных организаций. Раскрыты двери министерств и государственных ведомств для участия в них населения. Правительство стремилось к новому стилю управления страной в тесной связи с массами и с согласия масс.

И все это было достигнуто в течение первых месяцев пребывания Народного единства у власти! Просто поразительно, как много полезного и нужного могло сделать в столь короткий срок правительство, которому действительно были дороги интересы народа. Стоит ли говорить, что в этом была заслуга всех партий, входивших в Народное единство, всех рабочих организаций, поддерживавших правительство. И все же роль самого Альенде в этих преобразованиях, несомненно, велика. В отличие от президентов периода Народного фронта, не говоря уж о Гонсалесе Видела и Фрее, тормозивших, препятствовавших или просто саботировавших осуществление своих же собственных предвыборных обещаний, в лице Сальвадора Альенде Чили впервые обрела президента, который всемерно способствовал, помогал, содействовал мероприятиям, направленным на укрепление независимости страны и на повышение жизненного благосостояния народа.

«Президент на редкость медлительный человек, — писал французский журналист Пьер Камфон в газете «Монд», — но в конечном счете все решает он. Хотя борьба обострилась, противники еще уважают его. Его друзья ценят в нем умение сочетать терпение и властность. Дело в том, что, несмотря на свой добродушный вид, видимо, никогда еще ни один чилийский президент так не заботился о своих прерогативах, как этот социалист, который, ратуя за ограничение чрезмерных полномочий, предоставляемых главе государства конституцией, в то же время искусно играет на склонности чилийцев к президентской форме правления. «Дирижерская палочка в его руке», — признает Генеральный секретарь коммунистической партии Луис Корвалан. Другие говорят, что он умеет манипулировать. Это высказывание о его ловкости не вызывает никаких сомнений в искренности социалистических убеждений человека, чье долгое прошлое сенатора, конечно, пропитало его «радикальным духом III Республики», к которому очень чувствительны французы. Но он очень кстати напомнил в последнее время, что его лучший политический друг — Фидель Кастро. Если и не все преобразования страны обязательно

вытекают из его решений, хотя ничто существенное не ускользает от него, именно ему, несмотря ни на что, приписывают чилийцы успехи и провалы первого года народного правления».

Еще 1 декабря 1970 года правительство экспроприировало текстильную фабрику «Бельявиста Томе», находившуюся на грани банкротства. В лесу 20 тысяч чилийских законов юристы Народного единства обнаружили некоторые забытые-статьи чрезвычайного закона, по которому «могут быть поставлены под контроль государства предприятия, производящие и продающие предметы первой необходимости». Этот чрезвычайный закон № 520 был издан в 1932 году одновременно с другими законами эфемерной социалистической республики, которая просуществовала всего 12 дней. Благодаря ему правительство смогло установить контроль над значительной частью промышленных монополий, в особенности в текстильном секторе.

Второе законное оружие, которым широко пользовался новый режим, — это КОРФО (Корпорация развития), учрежденная в 1939 году правительством Народного фронта. Полномочия КОРФО были очень широки, поскольку она располагала государственными средствами для руководства экономикой. Так, например, покупая акции через посредство КОРФО, государство приобрело контрольные пакеты предприятий химической, цементной, сталеплавильной промышленности, электростанций и стало контролировать большинство банковских групп.

Наконец, правительство очень широко использовало положение Трудового кодекса, уполномочивающее его «вмешиваться в дела предприятий», в особенности в случае конфликта, сопровождающегося прекращением работ, «если большинство рабочих требует этого вмешательства». Многочисленные предприятия, а также рыбные промыслы, телефонная компания, принадлежавшая североамериканской ИТТ, перешли таким образом в государственный сектор.

Все эти действия проводились в рамках существующего законодательства. Правительство Народного единства пыталось максимально использовать права, предоставляемые ему конституцией. Законодательный арсенал, используемый против левых сил накануне выборов, после выборов перешел в их распоряжение. Так, например, «Закон о внутренней безопасности», который прежде применялся против революционных организаций, теперь мог карать за «апологию насилия» и оппозиционную печать. Когда ректор университета и группа парламентариев — христианских демократов, потеряв самообладание после конфликта со студентами, вторглись в кабинет министра внутренних

дел Хосе Тоа, последний подал жалобу на них и потребовал лишения парламентской неприкосновенности депутатов-смутьянов.

Важным актом правительства был роспуск мобильных отрядов карабинеров, использовавшихся Фреем для подавления рабочих выступлений. Правительство назначило на руководящие должности в министерствах своих сторонников. Интенданты (мэры) городов и губернаторы провинций также были сменены. Однако в своей массе чиновничество не претерпело изменений. Особенно это касалось таких министерств, как министерства внутренних дел, иностранных дел и обороны. Уволить чиновника можно было только при наличии серьезных нарушений закона с его стороны. Поэтому правительство имело возможность назначать своих сторонников только на вакантные места или новые ставки. Их же предоставление зависело от парламента, в котором большинство находилось в руках противников правительства. Естественно, противники Альенде вовсе не были настроены оказывать ему в этом плане какую-либо помощь. Это относилось также к назначению послов за рубежом, утверждавшихся сенатом.

Враждебное правительству большинство в конгрессе тянуло и саботировало любое конструктивное предложение Альенде. И все же как демохристиане, так и консерваторы из национальной партии не смогли не поддержать правительство Народного единства, когда оно внесло в конгресс проект закона, дававшего ему право национализировать медные рудники и горнорудные предприятия монополистических компаний «Анаконда», «Кеннекот» и «Серро корпорейшн».

В июле 1971 года конгресс принял предложенный президентом Альенде закон о конституционной поправке, провозглашавший, что «государству принадлежит полное, исключительное и неотъемлемое право на все рудники, залежи гуано, металлоносные пески, соляные копи, месторождения угля, нефти и газа и другие полезные ископаемые...». Правительство Альенде национализировало не только «Анаконду» и ее «сестер», но и угольную компанию «Лота-Швагер», крупнейший металлургический комбинат «Тихоокеанская сталелитейная компания», ряд текстильных фабрик, железорудные предприятия американской компании «Бетлихем Чили майнинг корпорейшн», предприятия ИТТ. Кроме того, правительство установило монополию государственной нефтяной компании на ввоз горючих и смазочных материалов, приобрело путем выкупа акций контроль над ведущими частными банками, на долю которых приходилось 53 процента кредитных операций. В ознаменование этих мероприятий 11 июля — день подписания президентом вышеназванного

закона — было объявлено праздником, Днем Национального достоинства.

В течение первого года пребывания Альенде у власти в собственность государства перешли важнейшие отрасли народного хозяйства: меднорудная, металлургическая, угольная, железорудная, селитряная, цементная, электроэнергетика, телефонно-телеграфная сеть. Государственный сектор к концу 1971 года уже производил 50 процентов валового национального продукта. Сам валовой продукт вырос за год на 8,5 процента, а промышленное производство — на 13 процентов. Безработица сократилась с 8,3 до 3,8 процента. К началу 1972 года правительство контролировало 85 процентов экспортных и более 50 процентов импортных операций.

Опираясь на закон об аграрной реформе, принятый еще по предложению президента Фрея, правительство Альенде экспроприировало в течение первого года своей деятельности 1300 латифундий общей площадью свыше 3 миллионов га, завершив в 1972 году экспроприацию землевладений свыше 80 га поливной земли.

Крупных успехов добилось правительство Народного единства в области внешней политики.

Одним из первых актов президента Альенде было полное восстановление дипломатических, экономических и культурных отношений с революционной Кубой. Были установлены дипломатические отношения и со всеми другими социалистическими странами, в том числе с ГДР, КНДР, ДРВ и КНР, за принятие которой в ООН голосовал чилийский представитель в этой организации.

Особое внимание уделял Сальвадор Альенде развитию дружественных отношений с Советским Союзом. В мае 1971 года Советский Союз посетил с официальным визитом министр иностранных дел Клодомиро Альмейда, который подписал с советской стороной соглашение об оказании Чили содействия в строительстве ряда промышленных объектов и о предоставлении на эти цели кредита. Успешно стали развиваться научно-техническое сотрудничество и контакты между обеими странами в области образования.

Первостепенное значение имело улучшение отношений с соседями Чили — Аргентиной и Перу, а также участниками региональной Андской группировки, в которую входили также, кроме Перу, Эквадор, Боливия и Колумбия, Альенде встретился с президентом Аргентины генералом Лануссе в аргентинском городе Сальта, где была подписана одноименная декларация о принципах сотрудничества между двумя странами. Эта декларация была ударом по противникам Альенде, рассчитывавшим на

обострение отношений между Чили и Аргентиной, где в то время у власти находились военные. Однако, хотя последние и не питали симпатий к правительству Народного единства, они вовсе не были заинтересованы играть на руку противникам Альенде, в первую очередь империалистическим кругам, делавшим ставку на Бразилию — традиционного соперника Аргентины в Южной Америке.

Альенде посетил летом 1971 года Перу, где патриотически настроенные военные во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо осуществляли радикальные социальные преобразования. В Лиме, а также в Кито и Боготе, которые он тоже посетил в эту поездку, Альенде встретил самый радушный, сердечный и теплый прием со стороны не только населения, но и официальных кругов. Во всех этих странах он был награжден высшими орденами и получил заверения в желании расширять дружбу и сотрудничество как в политической, так и в экономической областях.

Наметилось заметное улучшение отношений с Боливией, где с октября 1970 года у власти находилось правительство генерала Х. Торреса, стремившегося реализовать реформы «перуанского типа». Однако консолидировать эти отношения не удалось в связи со свержением Торреса в августе 1971 года и приходом к власти ультраправых военных, развязавших в стране жестокие преследования против демократических деятелей. Генерал Торрес бежал из Боливии в Чили, где президент Альенде предоставил убежище ему и другим боливийским политическим эмигрантам.

В целом Альенде удалось значительно укрепить свои позиции в Латинской Америке. Кроме указанных республик, к нему благожелательно отнеслись правительства Венесуэлы, Мексики, Коста-Рики, с президентами которых он был лично знаком и поддерживал дружеские связи.

Хотя официальный Вашингтон с каждым днем ожесточал свои отношения с Чили, замораживая кредиты, свертывая торговые операции и все чаще прибегая ко всякого рода угрозам и враждебным инсинуациям, противникам Чили не удалось изолировать ее в Латинской Америке, как то было с революционной Кубой. Урок с Кубой пошел впрок многим правительствам западного полушария, осознавшим, что разрыв отношений с островом Свободы и участие в экономической блокаде против него в первую очередь наносили вред тем странам, которые слепо следовали в этом вопросе в фарватере госдепартамента, Пентагона и ЦРУ. Политический климат менялся в Латинской Америке, и менялся к лучшему, К чести Альенде следует сказать, что он сумел использовать этот климат в

интересах укрепления внешнеполитического авторитета своего правительства, восстановить дружеские отношения со столь, казалось бы, «несхожими» главами правительств, как Фидель Кастро, президент Аргентины генерал Лануссе и президент Мексики Эчеверрия.

Несомненно, успехи правительства во внутренней и внешней политике сказались на результатах муниципальных выборов, состоявшихся в апреле 1971 года. На них партии Народного единства одержали внушительную победу, получив 50,86 процента всех голосов, или почти на 15 процентов больше, чем на президентских выборах. Трудящиеся Чили проголосовали за доверие правительству Альенде.

С приходом Альенде в «Ла-Монеду» некоторые реакционеры надеялись, что им удастся отдалить президента от Народного единства, вскружить ему голову обещаниями поддержки. Так, «Меркурио» писала тогда: «Как бы там ни было, общественное мнение видит в успехе доктора Альенде не удачу группы партий, а победу лидера, который самоотверженно боролся за место, им завоеванное». Орган «мумий» призывал Альенде соответственно характеру чилийского президентского правления «отказаться от узкопартийных интересов». Но эти старые трюки, дававшие результат применительно к Гонсалесу Виделе, Ибаньесу, Фрею и им подобным «друзьям народа», не сработали. Альенде нельзя было перекупить, соблазнить, совратить, перессорить с его союзниками, друзьями и единомышленниками. Он мог быть только товарищем Президентом и никем другим. Когда «мумии» убедились в этом, они вновь объявили ему войну.

В начале 1971 года развернула свою подрывную деятельность преступная банда, кощунственно присвоившая себе название «Родина и свобода». Пользуясь существующей в стране неограниченной свободой слова, террористы из этой банды открыто призывали к свержению Альенде и расправе над его сторонниками. Почти ежедневно они совершали бандитские нападения на помещения левых партий, газет, профсоюзов, избивали активистов, устраивали дебоши, скандалы, провоцировали столкновения с полицейскими властями, создавая, в особенности в столице, обстановку нервозности, беспокойства и неуверенности.

Активизировались и другие террористические подпольные группы, готовившие покушения на самого Альенде. Несколько таких покушений были своевременно раскрыты и обезврежены личной охраной президента, организованной его единомышленниками. Американская газета «Нэшнл обсервер» предвещала неминуемое убийство президента Альенде.

Немало трудностей своими безрассудными действиями принесли и

различные организации леваков. МИР и ему подобные крайне левые группировки призывали крестьян к немедленному захвату, земель, а рабочих — к захвату фабрик, обвиняя партии Народного единства и самого Альенде в реформизме, соглашательстве. Под вывеской ультралевых стали действовать и некоторые фашистские группы провокаторов. Они устраивали вооруженные ограбления банков, похищали богатых людей, за которых требовали выкуп, убивали политических деятелей. Они убили 8 июня 1971 года бывшего министра в правительстве Фрея и одного из руководителей ХДП Эдмундо Переса Суховича с расчетом обозлить и ожесточить против Альенде сторонников «буржуазного порядка», в данном случае — демохристианских лидеров. Они, как и правые, толкали Фрея и его сторонников на более решительные действия против правительства Народного единства.

Как жил, что думал, что чувствовал в первые месяцы своего пребывания в «Ла-Монеде» товарищ Президент?

У него была бездна дел, личных, государственных, общественных, и он их решал со спокойной уверенностью, с достоинством, с улыбкой, внушавшей оптимизм и веру в дело, которое он олицетворял.

«Ла-Монед» не была приспособлена к проживанию в ней большой президентской семьи. В этом старинном здании, похожем на проходной двор, трудно было найти уголок, в котором можно было бы уединиться, отдохнуть или поговорить спокойно с друзьями, не привлекая всеобщего внимания. Здание не обеспечивало и условий безопасности для главы государства. Все это заставило Альенде создать вторую президентскую резиденцию на улице, носящей имя великого английского утописта Томаса Мора, или, по-испански, Моро. Здесь, по соседству с женским монастырем, в обширном саду было выстроено несколько коттеджей, в которых разместились родные президента, его личная охрана — ГАП, что расшифровывалось как «Группа личных друзей» главы государства, другие службы. Район этот был соответственно укреплен так, чтобы он не мог стать объектом неожиданного нападения.

Альенде полюбил резиденцию на Томас Моро, он предпочитал здесь работать, принимать друзей, играть с ними в шахматы, отдыхать, возиться со своей любимой собакой Акой, с которой он в шутку играл в бокс. Ака обожала хозяина и каждый вечер с нетерпением ожидала у ворот его возвращения.

Дон Чичо лично развесил в этой резиденции свою небольшую, но очень ценную коллекцию картин, состоявшую из подаренных ему полотен знаменитых латиноамериканских художников, с которыми он дружил и

общался на протяжении многих лет. Здесь были полотна и рисунки Давида Сикейроса, писавшего в начале 40-х годов фрески на стенах школы в городе Чильяне, разрушенном до этого землетрясением; Диего Риверы, эквадорца Гуайясомина, чилийца Эскамеса, аргентинцев Кастаньино и Верни. Все они были революционерами, антиимпериалистами, его единомышленниками.

В спальне он повесил оставшееся от матери старое железное распятие. Повсюду разместил любимые книги, среди них многие преподнесенные ему авторами — писателями, поэтами, учеными.

Собственные книги и произведения искусства он принес и в президентский кабинет в «Ла-Монеде», где принимал сотрудников, политических деятелей, иностранных: дипломатов и журналистов. Здесь, под стеклом, в скромной деревянной рамке висела знаменитая семейная реликвия — президентский декрет о назначении его деда — Красного Альенде — врачом чилийской армии «без права на получение жалованья», как любил напоминать дон Чичо своим посетителям.

И все же «Ла-Монеду», к которой он так стремился и которая наконец распахнула перед ним свои парадные двери, он, судя по всему, не любил. Она чем-то напоминала ему мышеловку. Здесь еще слишком чувствовался дух прошлых правителей Чили, все было проникнуто официальщиной, кругом было слишком много чужих и, он это чувствовал, враждебных глаз...

«Ла-Монед» — этот символ верховной власти — должна принадлежать народу, народ должен стать ее хозяином, часто говорил Альенде. Он приглашал гостить во дворце школьников из рабочих районов столицы и шахтерских поселков. Двери дворца и его кабинета были всегда широко открыты для рабочих делегации, для тружеников полей, для индейцев-мапуче: они запросто приходили к своему президенту посоветоваться, рассказать о своих заботах, трудностях, надеждах.

Товарищ Президент и сам посещал фабрики, заводы, сельские районы, рудники, где рассказывал о политике правительства, советовался с трудящимися, активистами партий Народного единства. Часто его можно было увидеть работающим на стройке или на разгрузке автомашин вместе с участниками бригад добровольного труда. Альенде не был белоручкой, он не чурался физического труда, наоборот, легко сбрасывал с себя пиджак, заменяя его рабочей курткой, а шляпу — кепкой, и брался за кирку, лопату или топор, которыми орудовал с поражающей всех легкостью.

Ему, как и его предшественникам в «Ла-Монед», тоже пришлось пережить большое землетрясение. 17 июля 1971 года в 11.30 ночи в

столице и ее окрестностях задрожала земля, погас свет, кое-где рухнули дома, потрескались стены. Альянде в этот момент находился в «Ла-Монеде» один в своем кабинете. При первых же подземных толчках он приказал подключить к радиостанции резервную электроустановку и немедленно выступил по радио, призывая жителей столицы не поддаваться панике. Президент сообщил о мерах, которые будут приняты по обеспечению населения всем необходимым, а также по ликвидации последствий землетрясения.

Спокойный голос президента, его убедительная и четкая речь произвели впечатление на жителей столицы, позволили избежать обычно возникавших в таких случаях сумятицы и неразберихи.

В 1971 году, когда в Чили после амнистии приехал Режи Дебре, французский журналист, отбывавший тюремное заключение как участник отряда Эрнесто Че Гевары в Боливии, Альянде, неоднократно выступавший за его освобождение, дал Дебре обширное интервью, получившее широкую огласку. В беседе с Дебре Альянде вновь предстает перед нами в своем традиционном облики умудренного опытом политического деятеля, лишенного иллюзий и в то же время полного веры в правоту своего дела, за которое он готов сражаться и умереть.

— Товарищ Президент! Меняет ли власть человека? — спросил его Дебре.

— Видишь ли, Режи, меня всегда называли товарищем Альянде, теперь называют товарищем Президентом. Разумеется, я отдаю себе отчет в том, какую накладывает на меня ответственность это обращение.

— Изменяется ли социалистический деятель, становясь главой государства?

— Нет. Я думаю, что если он настоящий социалист, то таким останется и будучи главой государства. Разумеется, его деятельность должна соответствовать реальным условиям.

— Это большая новость, что социалист, находясь у власти, чувствует себя социалистом и «осуществляет социализм». Пожалуй, таких примеров не так уж много.

— К сожалению, это так. И социалистических партий не так уж много таких, которые являлись бы подлинно марксистскими.

— Внешний и внутренний враг пытается Вас уничтожить. Если это случится, что, по-Вашему, произойдет?

— Буржуазия всегда верила, что историю творят личности. Реакция опирается на эту идею, превращает ее в тактику. Отсюда проистекает одна из ее излюбленных форм борьбы — покушение. Но в данном случае она

должна учитывать наличие сознательного народа. На первый взгляд может показаться, что для реакции это наиболее легкий путь достичь своих целей, в действительности же последствия будут для нее еще более тяжелыми. Речь идет не о том, что я играю роль сдерживающего народный гнев клапана, но несомненно, что, если бы это случилось (то есть убийство Альенде. — И. всем было бы ясно, что реакция не придерживается даже правил политической игры, которые она сама же установила.

Правые не могут меня ни в чем обвинить. Свободы? Они все соблюдаются: собраний, мнений, печати и т. д. Социальный процесс не исчезнет с исчезновением одного лидера. Этот процесс можно притормозить, замедлить его развитие, но не задержать. Что касается Чили, то если меня убьют, народ будет продолжать идти своим путем, продолжать свою борьбу, возможно с той только разницей, что условия будут значительно более трудными, будет больше насилия, ибо массы получат урок, объективный и убедительный, свидетельствующий о том, что реакционеры не брезгуют никакими средствами. Я учитываю, что это может случиться. Но не испытываю страха от мысли, что это действительно может произойти.

— Как Вам представляется, исходя из чилийского опыта, из народной победы в Чили, будущее Латинской Америки?

— Я и до и после победы говорил одно и то же. Латинская Америка — действующий вулкан. Народы не могут согласиться жить впроголодь... На этом континенте имеются 120 миллионов полу-и полностью неграмотных, здесь не хватает 19 миллионов квартир, 70 процентов населения недоедает, потенциально наши народы архибогаты, однако мы страдаем от безработицы, голода, невежества, духовной и физической нищеты. Народы Латинской Америки не имеют другого выхода, как бороться, каждый согласно своим условиям, но бороться. Во имя чего? Чтобы завоевать экономическую независимость и стать подлинно свободными народами и в политическом отношении. Я считаю, что именно в этом заключается их великое будущее. Как президент я могу сказать, в первую очередь молодежи, что путь борьбы, путь протеста, путь посвящения себя делу трудящихся — вот что открывает перед нами большую перспективу и большие возможности. Наш континент должен завоевать политическую и экономическую независимость. Настанет день, и Латинская Америка заговорит голосом объединенного народа, голосом, который будут слушать и уважать потому, что это будет голос народа — хозяина своей собственной судьбы.

1971 год был самым «урожайным» в правлении Альенде.

Правительству удалось успешно парировать все наскоки оппозиции, не прибегая к экстраординарным мерам и сохраняя демократические свободы. Значительная часть программы Народного единства в области социальных преобразований также была выполнена.

В стране наблюдался небывалый ранее культурный подъем. Созданное на базе национализированной фирмы «Зиг-Заг» государственное издательство «Киманту» стало выпускать огромными тиражами книги прогрессивных чилийских авторов и лучшие произведения мировой литературы. Большим успехом пользовались у читателей работы Маркса, Энгельса, Ленина. В стране действовали сотни художественных коллективов, стали развиваться национальное кино, балет, театр.

Ослабли политические позиции противника. Христианско-демократическую партию покинула еще одна весьма многочисленная группа влиятельных руководителей и рядовых членов, образовавших новую организацию под названием «Левые христиане», которая объявила о своем присоединении к блоку Народного единства и о поддержке правительства Альенде.

Значит, «чилийский эксперимент» можно было считать удачей? Значит, можно было идти к социализму, сохраняя активно действующую оппозицию, старый государственный аппарат, армию, карабинеров?

Все эти вопросы ставились и горячо обсуждались в партиях Народного единства. Левые понимали, что революционный процесс неизбежно должен привести к соответствующим изменениям в надстройке, к обузданию враждебных народу сил. Было, однако, неясно, каким образом произойдут эти изменения. Ведь в истории не было соответствующего опыта, который мог бы стать ориентиром.

Что касается чилийских марксистов, то они сознательно уклонялись от теоретических обобщений. Луис Корвалан выразил эту идею так: «Лично я считаю, хотя это, возможно, и спорное мнение, что нам не следует спешить с теоретическими обобщениями нашего опыта и происходящих в Чили событий. Кроме того, думаю, что имеется определенная опасность в желании теоретически обобщить этот опыт, выработать теоретические формулы на основе этого опыта. Какими бы ни были критические замечания и сомнения, которые могли бы высказать по отношению к нему теоретики в кавычках и без кавычек, это подлинный, настоящий революционный процесс. Поэтому для меня самое главное двигать вперед этот процесс. Думаю, что теорией можно будет заняться позже».

Разумеется, Альенде, Корвалан и их сторонники отдавали себе отчет в том, что классовый враг не только не разбит, но и в состоянии взять

реванш. Об этом говорилось во всех документах партий Народного единства, об этом неоднократно предупреждали Альенде/ Корвалан и другие лидеры левых. И не только предупреждали, но и делали все, чтобы политически и организационно ослабить позиции классового врага. Велась работа в армии, осуществлялись перестановки и обновление госаппарата, укреплялось руководство национализированных предприятий. Все это делалось, следует подчеркнуть, строго в пределах законности, в соответствии с существующими нормами, в согласии с конституцией и Статутом гарантий, которые присягал соблюдать Альенде и которые он не мог нарушить, не дав повода противникам вступить на стезю гражданской войны.

Мировцы и некоторые социалисты считали такую линию ошибочной, они призывали не уходить от открытого столкновения с классовым врагом, а искать его. Рассуждения на эту тему воспринимались противником как трубный призыв к бою. Реакция считала, что Альенде потворствует мировцам. И все же успехи правительства нервировали ее больше, чем угрозы, раздававшиеся с крайне левого фланга. Ведь эти успехи свидетельствовали, что на очередных выборах Народное единство могло бы продвинуться столь далеко вперед, что и при существующей парламентской системе было бы в состоянии коренным образом изменить структуру управления государством.

10 ноября 1971 года в Чили с дружественным визитом прибыл глава революционного кубинского правительства Фидель Кастро. Он пробыл в Чили почти месяц, до 5 декабря. Он объехал всю страну. Выступал на митингах, посещал фабрики, рудники, университеты, встречался с крестьянами, рыбаками, представителями интеллигенции, священниками. Народ приветствовал вождя кубинской революции. Его визит в Чили всколыхнул широкие массы трудящихся, интеллигенцию, католиков.

Реакционные силы воспользовались визитом Кастро, чтобы развязать в стране новое наступление на правительство. Продажная печать повела клеветническую кампанию против Фиделя, разжигая шовинистические страсти и стараясь повсеместно спровоцировать беспорядки, вызвать столкновения с властями. Особенно усилилась активность реакционеров к концу визита Фиделя Кастро.

3 декабря враги правительства организовали ряд террористических и бандитских актов. В Вальпараисо они забросали камнями автомобиль, в котором ехал президент Альенде. Президент немедленно остановил машину и пошел пешком по городу, встречаемый аплодисментами населения. В том же городе и в тот же день было совершено неудавшееся

покушение на жизнь министра внутренних дел Хосе Тоа. Крупные беспорядки спровоцировали «мумии» в столице. Они пытались поджечь квартиру министра здравоохранения доктора Конча, разгромить помещение ЦК Коммунистической молодежи, штаб-квартиру радикальной партии и муниципальный театр, в котором правительство проводило прием в честь дипломатического корпуса.

Город был заклеен плакатами с угрожающим словом «Джакарта» — явным призывом к армии совершить вооруженный переворот по индонезийскому образцу и устроить кровавую баню прогрессивным силам.

Но самая громкая акция реакционеров заключалась в организации так называемого «сковородочного бунта». Несколько сот дам из аристократического района Провиденсия устроили в центре столицы демонстрацию, разрешенную властями. Со сковородками в руках, окруженные боевиками в масках и с дубинками, они выкрикивали антиправительственные лозунги, требовали «хлеба», призывали к свержению Альенде, переворачивали на своем пути автомобили, дырявили шины машин, пытались поджечь здания. Когда им надоело бесчинствовать в центре города, дамы вернулись на лимузинах в свой район, где продолжали бить в сковородки и бушевать до поздней ночи. «Сковородочный бунт» должен был продемонстрировать «народное недовольство», возмущение домохозяек отсутствием некоторых продуктов питания в торговой сети, в чем были повинны торговцы, припрятывавшие наиболее ходовые товары и создававшие искусственные трудности именно с целью озлобить население. Однако «домохозяйки», щеголявшие в парижских туалетах и разъезжавшие в шикарных американских машинах, не испытывали никаких трудностей, и их гнев был направлен не против спекулянтов и саботажников, многие из которых являлись их мужьями, родственниками или любовниками, а против правительства, которое боролось с этими врагами чилийского народа.

Синхронно с этими подрывными действиями в Чили американские газеты утверждали, что правительство Альенде доживает свои последние часы, причем в качестве источника этой информации указывался Нельсон Рокфеллер, глава американской миссии, посетившей в то время по указанию президента США ряд латиноамериканских стран. Чилийский посол, вернувшийся в Вашингтон, заявил по поводу этих утверждений резкий протест госдепартаменту, который был вынужден принести ему извинения, но они не меняли факта открытого вмешательства правящих кругов США во внутренние дела Чили.

Выступая 2 декабря 1971 года на Национальном стадионе на митинге в

честь Фиделя Кастро, визит которого подходил к концу, президент Альенде, указав на связь последних выступлений реакции с империалистическими силами, заявил:

— Я говорю вам, товарищи, с которыми столько лет мы боремся вместе, говорю трезво и с полным спокойствием: я не являюсь апостолом, я вовсе не мессия и тем более не сотворен, чтобы стать мучеником. Я политический борец, выполняющий порученную ему народом задачу. Но пусть знают те, кто стремится направить историю вспять и отказывается признать волю большинства чилийцев: не будучи создан мучеником, я не отступлю ни на шаг. Я покину «Ла-Монеду», только закончив срок, на который меня избрал народ. Пусть знают, пусть слышат, пусть зарубят себе как следует: я буду защищать эту чилийскую революцию, ибо таков полученный мной от народа наказ. У меня нет другой альтернативы, и, только изрешетив меня пулями, они смогут добиться, чтобы я не выполнил программу народа... Я выражаю вашу волю, но завтра мой пост смогут занять другие товарищи. Если же кто-нибудь из них погибнет в борьбе, на его место станет другой, и народ будет продолжать чилийскую революцию.

На том же митинге Фидель Кастро обратил внимание на обострение классовой борьбы в Чили. Враги наступают, делают наглые заявления о неминуемом свержении правительства Народного единства, сказал он. Почему они ведут себя столь уверенно? Потому что видят слабость в самом революционном процессе, слабость в идеологической борьбе, слабость в массовом движении, слабость перед противником. Внутренний же враг при внешней поддержке пытается воспользоваться любой возможностью, любой слабостью левых сил. Враг так действует потому, что видит слабость в деле сплочения, единства и развертывания революционных сил.

— Вы, — сказал вождь кубинской революции, обращаясь к чилийским трудящимся, — переживаете момент, когда фашисты, а мы их так и будем прямо называть, пытаются отвоевать у вас улицу, пытаются перетянуть на свою сторону средние слои населения. Если хотите знать мое мнение, то успех или неудача этого беспримерного процесса будет зависеть от идеологической борьбы и борьбы масс; будет зависеть от умения, искусства и научной подготовки революционеров в борьбе за единство сил, за рост своих рядов и в борьбе за средние слои населения. Ибо в наших странах, странах относительного развития, эти средние слои многочисленны и во многих случаях поддаются на ложь и обман...

Выступление президента произвело на нас огромное впечатление, особенно когда он говорил о своей готовности защищать дело народа и волю народа. В частности, когда он произнес эту эпическую фразу: что он

стал президентом по воле народа и считает своим долгом исполнять эту волю до тех пор, пока не кончится срок его полномочий или его не вынесут мертвым из президентского дворца. И мы знаем его, знаем, что президент — человек дела. Мы знаем его характер, знаем, что это не пустые слова.

На следующий день во время прощальной беседы Фиделя Кастро с Сальвадором Альенде, записанной на магнитофонную пленку советником президента по печати Аугусто Оливаресом и опубликованной уже после свержения правительства Народного единства, вышеприведенные мотивы из их выступлений от 2 декабря прозвучали еще более отчетливо. Между Фиделем Кастро и Сальвадором Альенде произошел следующий обмен мнениями:

Фидель Кастро: Не имею ни малейших сомнений, что рука империализма прячется за всем этим (то есть за антиправительственными выступлениями фашистских элементов. — И. Л.).

Президент Альенде: Народ поддерживает правительство. Если они вопреки нашим надеждам добьются своего — сбросят наше правительство, Чили будет ввергнута в пучину хаоса, насилия, братоубийственной борьбы.

Фидель Кастро: И в пучину фашизма!

Президент Альенде: Несомненно, ибо империализм, стоящий за всеми действиями, направленными на поражение революции, не может, высадить свои войска в Чили, устроить против нас прямую интервенцию. Он ищет других путей, он вдохновляет реакционные группировки, создает фашистские организации, использующие демагогию и общественные прослойки с наименее развитым социальным сознанием. Но я верю и абсолютно уверен, что враг получит от народа беспощадный и суровый отпор. Лично я выполняю определенную обязанность. Я нахожусь на своем посту не для того, чтобы удовлетворять свое личное тщеславие или добиваться почестей. Я всю свою жизнь был борцом. Мои способности и все мои желания были направлены на одно — открыть путь социализму в Чили. Я выполняю полученный от народа мандат. Выполняю программу, которую мы обещали политически сознательным слоям населения Чили, Фашистов и тех, кто всегда применял насилие против трудящихся, политическое насилие, ждут наш отпор и моя беспощадная решимость. Я останусь президентом республики до конца своего мандата. Они должны будут продырявить меня пулями, как я сказал вчера, чтобы прекратить мою деятельность... Я считаю, что это ясная позиция.

Фидель Кастро: И я действительно преклоняюсь перед этими твоими высказываниями. Я от души тебя поздравляю и уверен, что они станут знаменем для народа. Ибо там, где руководители способны сражаться,

народ тоже способен сражаться.

На пресс-конференции перед отлетом из Сантьяго Фидель Кастро вновь предупреждал:

— Расплата в случае подавления революционного процесса будет очень высокой. Цена, которой нация расплачивается за поражение, очень велика. Потому что, когда революционный процесс обостряется и привилегированные классы, полные ненависти, пытаются любой ценой предотвратить перемены в обществе, они прибегают к любым действиям, даже к самому крайнему насилию и самым страшным преступлениям. Об этом свидетельствуют исторические события. Вот уже почти столетие человечество накапливает опыт такого рода. Так что, с нашей точки зрения, по нашему мнению, в Чили революционный процесс находится в развитии. И совершенно необходимо, чтобы революционеры признавали это. Реакция это понимает. Она понимает! И действует по определенному стратегическому плану, действует с помощью подстрекательств из-за границы. Во многих ее действиях видна рука ЦРУ. Нам знаком этот «почерк», потому что агентура ЦРУ работала в нашей стране довольно длительное время. И это видно. Надо быть слепцом, чтобы не видеть этого.

Так заканчивался 1971 год и начинался второй год правления Народного единства.

Смогут ли Альенде и его сторонники одолеть своих противников справа, устранить угрозу фашистского переворота, консолидировать экономическую базу революции, перетянуть на свою сторону средние классы? Удержатся ли они и как долго у власти? Пойдет ли чилийская революция вперед или левым силам не удастся завоевать всю полноту власти, и она застынет или даже будет отброшена вспять?

Эти вопросы задавали себе и на них искали ответа друзья и враги правительства Народного единства...

«МУМИИ» НАСТУПАЮТ, НАРОД ОБОРОНЯЕТСЯ

1972 год начался торжествами, посвященными 50-летию со дня основания Коммунистической партии Чили. Это был большой праздник трудящихся, всего чилийского народа.

Сальвадор Альенде, тесно сотрудничавший на протяжении нескольких десятилетий с компартией, направил Луису Корвалану поздравительное послание, которое было зачитано 8 января на массовом митинге в Сантьяго и встречено бурными рукоплесканиями собравшихся.

«Как президент республики и как представитель левых партий, — писал Альенде, — я не могу не засвидетельствовать публично свою веру в патриотизм людей, которые в течение стольких лет руководствовались одним девизом — последовательно проводить в жизнь свои политические идеалы, быть верными приверженцами дела утверждения социального достоинства народных сил нашей страны.

Хотя реакционные круги внутри и за пределами Чили развернули систематическую кампанию с целью создать искаженный образ коммунистов и их партии, представляя их чуждыми национальным идеалам, национальным особенностям и стремлениям, все было напрасно. Наш народ, с его верным чутьем к исторической правде, сохранял и сохраняет большую симпатию и безграничное уважение к партии, глубоко воспринявшей лучшие традиции нашей страны и предпринимающей энергичные действия, направленные на то, чтобы обеспечить каждому мужчине, каждой женщине, каждому молодому человеку и ребенку все возможности для материального и культурного развития... Эти стремления получают новые возможности для осуществления в нынешних условиях, когда во дворце «Ла-Монеда» — правительство, полное решимости пойти на любые жертвы, какие окажутся необходимыми, чтобы сделать из Чили страну, о которой мечтали великие умы нашего отечества».

Альенде выражал признательность компартии за поддержку его кандидатуры в четырех президентских кампаниях.

«В настоящий момент, — подчеркивал Альенде в своем послании, — коммунистическая партия разделяет высокую ответственность в правительстве, и ее самые выдающиеся деятели честно и чрезвычайно эффективно выполняют задачи, которые поставили перед ними народ и

президент Чили. Товарищи, прошедшие неоценимую демократическую школу самокритики, благодаря своему опыту и умению глубоко анализировать события способствуют постоянной оценке и переоценке действий правительства, содействуя таким образом усовершенствованию социальных, политических и экономических мероприятий.

В такой торжественный для Чили момент я хочу, чтобы Вы, уважаемый товарищ, сообщили коммунистам, особенно наиболее скромным, молчаливым, полным надежд, что я нахожусь вместе с ними и что революционные действия, которые мы развертываем, не остановятся ни на мгновение, пока мы окончательно не зложим основы общества, где будут ликвидированы социальная несправедливость, дискриминация среди чилийцев и ненасытные экономические кланы — эти естественные союзники империализма, погубившие жизнь стольких тысяч наших соотечественников. Я знаю, что в борьбе, которую мы ведем, я и дальше смогу рассчитывать на верность партии Рекабаррена, замечательного рабочего вождя, который неустанно боролся за победу трудящихся, полный великих гуманистических и революционных чувств».

Растущее единство двух пролетарских партий, несомненные успехи правительства Народного единства вызывали злобу и ненависть сил реакции и империализма. Две основные оппозиционные группировки — национальная и демохристианская партии — блокируются с единственной целью — избавиться от Альенде, заставить его уйти с президентского поста, покинуть «Ла-Монеду» до истечения срока его полномочий.

Трудно определить разницу между фашистами и легальной, «законной», или парламентской, оппозицией. Она существует разве только на словах, которыми они выражают ненависть к правительству Народного единства и его главе президенту Альенде. И те и другие ярые антикоммунисты, антисоциалисты; и те и другие стремятся всячески усложнить, подорвать деятельность правительства, создать в стране обстановку хаоса, страха, паники. И те и другие получают помощь от вашингтонских ♦друзей». Фашисты и оппозиционные «демократы» опираются друг на друга, действуют в унисон, рассчитывают на взаимную поддержку.

«Легальная» оппозиция окопалась в конгрессе. Здесь большинство голосов контролируется консерваторами и демохристианами. До следующих выборов в конгресс пока далеко: они состоятся в марте 1973 года. А пока в конгрессе всем командует оппозиция.

Чили — президентская республика. Это значит, что президент и его министры не ответственны перед конгрессом. Однако во многом они от

него, а вернее, его большинства, зависят. Конгресс утверждает законы, бюджет, послов. Вносить на рассмотрение конгресса проекты законов имеют право как правительство, так и сами законодатели. Правда, чтобы проект превратился в закон, он должен быть не только одобрен конгрессом, но и ратифицирован президентом. Президенту, таким образом, принадлежит право вето. И все же принятие законов или решений конгрессом даже вопреки воле президента имеет значение. Оно производит большое пропагандистское впечатление. Об актах конгресса говорят, о них пишут газеты, они в центре внимания общественности.

Этим умело воспользовалась оппозиция. Она протащила через конгресс поправку к конституции, которая существенно ограничивала право правительства осуществлять национализацию. Поправка разрешала национализацию или экспроприацию предприятия правительством только на основе закона, утверждаемого конгрессом для каждого конкретного случая отдельно. Это позволяло оппозиции контролировать экономическую политику правительства.

Авторы поправки к конституции в демагогических целях предложили также создать на основе ранее национализированных предприятий так называемые «предприятия трудящихся». Это означало, что предприятия управлялись бы советами, избираемыми рабочими и служащими. Они же, рабочие и служащие, распределяли бы между собой всю чистую прибыль, получаемую предприятием.

Христианские демократы, авторы поправки, утверждали, что для рабочих и служащих безразлично, кто является владельцем завода или фабрики — государство или же частное лицо (капиталист). В любом случае рабочие якобы являются объектом эксплуатации, так как государственная собственность всего лишь разновидность капиталистической собственности. Эти демагогические рассуждения оппозиции были рассчитаны на наименее сознательных рабочих, которые хотели бы превратиться в хозяев предприятия, надеясь увеличить таким образом свои доходы. Посеять раздоры в рядах рабочих — такова цель оппозиции.

Президент наложил вето на поправку к конституции, одобренную реакционным большинством конгресса. Но оппозицию это не смутило. Хотя поправка не имела законной силы (она не собрала 2/3 голосов), оппозиция добилась того, что конгресс объявил незаконными все экспроприации, проведенные правительством после 14 октября 1971 года, то есть со дня внесения законопроекта о поправке к конституции в конгресс, и потребовал от правительства вернуть владельцам-чилийцам конфискованные ранее у них предприятия.

Оппозиция саботировала принятие госбюджета и другие законодательные предложения правительства.

В июне 1972 года правительство пыталось договориться с христианско-демократической партией о законодательной программе-минимум. После сложных переговоров было достигнуто согласие с национальным руководством ХДП, однако Фрей и его сторонники сорвали его. По мере того как фрейисты прибирали к рукам контроль над аппаратом своей партии, парламентская блокада правительства усиливалась. С начала 1973 года парламент стал систематически отвергать любую инициативу правительства, писал после переворота политический советник президента Хоан Гарсес.

Конгресс мог заставить президента удалить любого министра, если простым большинством голосов выдвигалось против него обвинение в нарушении конституции. До прихода к власти правительства Народного единства конгресс, хотя за немногими исключениями он обычно контролировался оппозицией, почти никогда не пользовался этим правом. По отношению к министрам Альенде выдвижение таких обвинений стало нормой. Используя послушную машину голосования, оппозиция периодически выдвигала такого рода обвинения против особенно преданных делу Народного единства министров, провоцируя один правительственный кризис за другим. За три года власти Альенде в результате маневров реакции вынужден был 12 раз реорганизовывать кабинет министров. Какую цель этими действиями преследовала оппозиция? Она стремилась подорвать доверие населения к правительству, парализовать его деятельность.

Оппозиция имела конституционную возможность свергнуть и самого президента. Но для этого она должна была контролировать в конгрессе по крайней мере 2/3 голосов, ибо такое количество голосов было необходимо для вынесения обвинения президенту в нарушении конституции. Всемерно способствуя расшатыванию экономики страны, взвинчивая цены, создавая нехватку продуктов и товаров народного потребления, оппозиция надеялась вызвать всеобщее недовольство правительством и получить на мартовских выборах 1973 года желаемые 2/3 мест в конгрессе. Это позволило бы ей, соблюдая существующие конституционные нормы, избавиться от ненавистного президента «мирным» путем.

Наряду с конгрессом чилийская реакция контролировала судебную систему, в частности Верховный суд. Заговорщиков и террористов, пойманных с поличным, судьи демонстративно выпускали под залог или под честное слово, тянули с процессами над ними или просто оправдывали.

Верховный суд объявлял национализацию предприятий незаконной, оспаривал конституционность других правительственных актов и распоряжений. Таковую же политику саботажа по отношению к правительству проводила контрольная палата, возражавшая против реквизиции правительством предприятий, хозяева которых занимались экономическим саботажем.

Эти подрывные действия затрудняли, осложняли, препятствовали проведению в жизнь программы Народного единства.

Саботаж правого большинства конгресса, возросшие экономические трудности, давление со стороны США и монополистических компаний, растущая волна террора ультраправых подрывных организаций — все это влияло на настроение средних слоев, чиновников, служащих, мелких торговцев, которым пропаганда правых вбивала в голову мысль, что правительство Альенде считает их своим главным врагом и намерено стереть с лица земли. Средние прослойки начали склоняться в сторону оппозиции. Об этом свидетельствовала ее победа на дополнительных выборах в парламент от провинций Линарес, О'Хиггинс и Кольчагуа в январе 1972 года и выход в апреле из Народного единства радикалов, возглавлявшихся сенатором Бальтрой, которые отражали настроения мелкобуржуазных слоев. Несколько ослабили позиции левых и в Едином профсоюзном центре. Как показали выборы его руководства в июне того же года, 25 процентов членов профсоюза голосовало за кандидатов демокристической партии.

Наряду с этим усилились нападки на правительство сторонников МИР. Мировцы предрекали незамедлительное поражение Альенде, утверждали, что ему не дотянуть до мартовских выборов, требовали создания параллельной с правительством «власти трудящихся». С этой целью они созвали в городе Консепсьоне так называемую Народную ассамблею, которая была использована правыми для новых выступлений против правительства.

В начале марта 1972 года лидеры национальной партии вместе с финансовыми и промышленными тузами вожаками из «Родины и свободы» и других подрывных организаций провели тайное совещание в местности Чи-нигуэ близ Сантьяго, на котором обсуждался план нового наступления на правительство. Вскоре после этого председатель национальной партии Онофре Харпа выступил по радио, призывая вооруженные силы и карабинеров свергнуть правительство, если они не желают прослыть трусами. «Мумии» из кожи вон лезли, чтобы спровоцировать военных на антиправительственные действия. Террористы

пытались даже взорвать памятник военным героям Чили, что по их замыслу должно было оскорбить армейских чинов и заставить их выступить против Альенде. Офицерам звонили по телефону аристократки, призывая «выполнить долг перед родиной» и спасти ее от коммунизма. Их обвиняли в трусости, посылали им куриные перья, рисунки, на которых были изображены бараны, устраивались всякого рода провокации с целью вызвать в офицерской среде недовольство, брожение, заставить армию выступить против правительства.

Хотя, как потом стало известно, в казармах активно действовали заговорщики, в 1972 году они не могли еще рассчитывать на поддержку армии в целом. Ключевые позиции в вооруженных силах занимали тогда сторонники легализма и конституции. Однако армия была живым организмом, в котором происходили те же процессы, что и во всем чилийском обществе. Марсель Нидерганг, весьма осведомленный корреспондент французской газеты «Монд», писал 4 июня 1972 года: «В Сантьяго общепризнанно, что только серьезная «встряска» заставит вооруженные силы отказаться от традиции аполитичности и невмешательства в дела государства. Но офицеры, которые большей частью принадлежат к средним слоям, ощущают основные течения в стране, как и все другие граждане. На вопрос: «Что думает армия?» — руководители Народного единства, оппозиция, крайне правые и МИР единодушно отвечают: «В своем подавляющем большинстве она с нами.» Кто-то где-то, по-видимому, ошибается».

Президент Альенде призывал трудящихся быть бдительными, давать отпор противнику, соблюдать дисциплину, повышать производительность труда, укреплять свои организации. Эти призывы поддерживались всеми партиями, входившими в Народное единство. Но президент мог попытаться сделать и нечто большее: законным образом изменить существующую государственную систему, апеллируя к плебисциту, что было предусмотрено конституцией. Это могло дать ему право распустить конгресс и назначить внеочередные выборы. Альенде неоднократно говорил о такой возможности и наверняка прибегнул бы к этому средству, редко применявшемуся до него, если бы у левых сил имелись хорошие шансы выиграть такой плебисцит. Хотя на муниципальных выборах 1971 года Народное единство получило чуть больше 50 процентов голосов, надеяться на такой процент теперь не приходилось, ибо с того времени экономическое положение страны заметно ухудшилось, появились перебои в снабжении продовольствием, продолжалась инфляция, а это не могло прибавить голосов правительству.

На ухудшение экономического положения страны влияла экономическая война, объявленная Чили американскими монополиями. Внешний долг страны превышал 4 миллиарда 226 миллионов долларов. Эту огромную сумму государство задолжало в основном Соединенным Штатам, которые, прекратив выдачу кредитов и сведя к минимуму торговые сделки с Чили, теперь, подобно шекспировскому Шейлоку, требовали выплаты этих долгов. Кроме того, «Кеннекот» мобилизовала своих адвокатов и наложила эмбарго на отдельные партии меди, которую Чили поставляла во Францию, Голландию и другие капиталистические страны. Это вызвало длительную судебную тяжбу с «Кеннекот» в ряде государств, требовавшую больших средств со стороны Чили, и на длительное время парализовало приток валюты от продажи меди в казну республики. Следует добавить, что в результате манипуляций американских монополий цена на медь на международном рынке упала по сравнению с положением в конце 60-х годов с 68 до 48 центов за 1 фунт. Только на этом Чили терпела убытков на 280 миллионов долларов в год. В то же время цены на продовольствие и нефть выросли. А ведь страна импортировала в год на 100 миллионов долларов говядины, на 15–17 миллионов долларов сливочного масла, ввозила 50 процентов потребляемого зерна.

Разумеется, правительство не сидело сложа руки, не бездействовало. Оно принимало энергичные меры к увеличению валютных поступлений, к решению продовольственной проблемы, к росту производства товаров широкого потребления.

Были созданы комитеты по снабжению населения продовольствием и контролю за ценами из добровольцев-активистов партий Народного единства. Они обеспечивали связь между мелкими коммерсантами и государственными распределительными органами. Комитеты контролировали цены, организовывали в кварталах различного рода кампании. Например, в пользу потребления рыбы мерлузы, килограмм которой стоил в десять раз дешевле, чем килограмм говядины.

Реакционная пресса развернула клеветническую кампанию, призывая население не покупать и не потреблять мороженую мерлузу, отловленную советскими траулерами, оказывавшими помощь по снабжению Чили рыбопродуктами. Враждебные правительству газеты утверждали, что мерлуза не годится для питания, что в мороженом виде она теряет свои питательные свойства, что эта рыба доставляется гнилой, что возможны отравления, что она вредна, что ее обрабатывают пенициллином и другими антибиотиками для избежания вредных последствий при употреблении.

Но реакционеры проиграли борьбу против мерлузы. Женщины из комитетов по снабжению населения продовольствием прямо на улицах столицы готовили блюда из рыбы и продавали их по низким ценам. Люди пробовали и убеждались, что мороженная мерлуза, отловленная промышленным методом, более пригодна в пищу, чем рыба, выловленная артельным способом и поступающая к потребителю в подпорченном виде.

Важную роль в борьбе за повышение производительности труда и расширение производства играли производственные комитеты на предприятиях, в которых в начале 1972 года участвовало около 90 тысяч рабочих, а также административные советы с участием рабочих.

Все большее значение приобретали воскресники и другие формы добровольного труда. В первом Национальном дне добровольного труда, проведенном 14 мая 1971 года, участвовало около 1 миллиона человек, и в 1972 году — свыше 2 миллионов.

Участие трудящихся в борьбе со спекуляцией, в движении за повышение производства вызывало злобные наскоки оппозиции. Противники правительства создавали «комитеты защиты от комитетов по снабжению населения», преследовали и терроризировали их активистов. Торговцы прятали товары, искусственно взвинчивали цены. Помещики угнали в Аргентину только в первые месяцы после прихода Альенде к власти 220 тысяч голов крупного рогатого скота, устраивали массовый забой маточного стада, сокращали до минимума посевные площади пшеницы, кукурузы, риса, ячменя и фасоли. По данным министерства сельского хозяйства, в 1971 году пшеницей было засеяно на 200 тысяч гектаров меньше, чем в предшествующем сельскохозяйственном году. Капиталисты закрывали предприятия под разными предлогами, увольняя рабочих.

С серьезными трудностями встретилось правительство на медных рудниках, где при американских компаниях инженерно-технический персонал, и высококвалифицированные рабочие пользовались всякого рода привилегиями. Эта прослойка даже зарплату получала в долларах. Такого рода привилегии были отменены после национализации медной промышленности. Естественно, это вызвало недовольство высокооплачиваемого персонала рудников.

Рудники испытывали большую нужду в запасных частях и оборудовании — доставка их из США прекратилась после национализации. Реакционеры во всем винили правительство, утверждая, что главная причина трудностей — некомпетентность, невежественность новых руководителей медной промышленности. Действуя под диктовку «мумий»,

высокооплачиваемые служащие и рабочие рудников потребовали повышения зарплаты. В первой половине 1972 года на медных рудниках «Чукикамата», «Эль-Сальвадор», «Эль-Теньенте» возникли забастовки, которые, хотя в них участвовало меньшинство горняков, практически парализовали работу. Правительству не без труда удалось уладить эти трудовые конфликты. Их возникновение, однако, не исключалось и в будущем, ибо враждебные правительству элементы продолжали сохранять свои позиции на рудниках и только ожидали подходящего момента, чтобы вновь «испортить кровь» ненавистному для них Сальвадору Альенде.

Все растущее давление внешних и внутренних врагов на правительство Народного единства крайне усложняло его положение. В этих условиях большую помощь чилийскому народу оказывала политика пролетарского интернационализма, последовательно осуществляемая Советским Союзом, революционной Кубой и другими странами социалистического содружества.

Альенде всегда испытывал к Советскому Союзу чувство глубокого интереса и уважения. Отвечая на вопрос редакции журнала «Латинская Америка» в связи с 50-летием образования СССР, Альенде писал: «Воплощая на практике теоретическое содержание марксизма-ленинизма, СССР накопил замечательный опыт строительства нового общества, для которого человек стал главной целью. Старый, буржуазно-капиталистический опыт, покоящийся на эксплуататорской морали, дискредитировал себя и предстал как исторически несправедливый. Можно утверждать, что вот уже более полувека СССР самым фактом своего существования оказывает влияние на положение дел во всем мире. Это относится, естественно, и к странам нашего континента, к осуществляемым ими социальным, экономическим, политическим и культурным преобразованиям. Левые силы, революционеры Латинской Америки своими успехами во многом обязаны замечательному советскому народу и его руководителям».

«Что касается Чили, — отмечал президент, — то я хотел бы добавить, что советский опыт оказал и продолжает оказывать нам неоценимую помощь. Речь, конечно, не идет о том, чтобы механически копировать то, чего вы достигли в сфере науки, техники, государственного устройства или других областях. Ваш опыт может послужить и служит Чили в ее движении к более передовым формам жизни общества, отвечающим интересам многострадальных трудящихся классов.

Думаю, что содружество наций Советского Союза внесло в современный мир новый стиль отношений между государствами и

народами, основанный на принципах мирного сосуществования, дружбы, равенства, уважения суверенитета и права на политическое и экономическое самоопределение, невмешательства во внутренние дела. На наш взгляд, подобная политика, продиктованная уважением достоинства и чести всех народов, больших и малых, сослужила огромную службу делу мира во всем мире, установлению правильных отношений между суверенными государствами».

Летом 1972 года президент Альенде послал в Москву правительственную делегацию, которая заключила с Советским Союзом ряд соглашений, направленных на расширение экономических и торговых связей между обоими государствами. Советский Союз предоставил Чили кредит на сумму в 115 миллионов долларов для приобретения в нашей стране оборудования и машин. Чили получила также кредит на строительство ряда предприятий и заводов, имеющих особо важное значение для будущего экономического развития страны. Кредит позволял чилийскому правительству приступить к строительству предприятий рыбной промышленности, завода по производству смазочных масел, электростанции в Токопилье, предприятий, связанных с производством меди в Чукикамате. Подписанный обеими сторонами протокол предусматривал значительное увеличение товарооборота между обеими странами, объем которого на 1972 год устанавливался в размере 160 миллионов долларов.

Реакционные силы, однако, не складывали оружия, более того, они готовились к новым схваткам с силами Народного единства. Их главной целью продолжало оставаться свержение Альенде. Они спешили, опасаясь, что правительство укрепит свои позиции. Они стремились их расшатать и подорвать в преддверии мартовских выборов, которые, как они рассчитывали, должны были принести им победу.

В октябре 1972 года противники правительства спровоцировали забастовку владельцев грузового транспорта, выступивших против создания государственной транспортной компании. Забастовка вызвала серьезные перебои с доставкой продовольствия в городские центры и промышленных товаров в сельскую местность. К ней вскоре присоединились торговцы и служащие банков. Лидеры забастовщиков потребовали от правительства вернуть прежним владельцам национализированные, реквизированные или переданные под контроль государства предприятия, ликвидировать комитеты по борьбе со спекуляцией, отказаться от централизации банковской системы.

Забастовка собственников грузовиков и торговцев продолжалась 26

дней. Она сопровождалась многочисленными провокациями против сторонников правительства, нападениями на помещения левых партий и другими террористическими актами, травлей партий Народного единства в правой печати, усилением экономического саботажа со стороны монополий, продолжавших накладывать эмбарго на вывоз чилийской меди в капиталистические страны.

Саботаж владельцев автотранспорта и части коммерсантов нанес большой ущерб национальной экономике (около 100 миллионов долларов) и серьезно обострил трудности в снабжении населения товарами первой необходимости. В некоторых провинциях в течение нескольких дней не было хлеба. Трудящиеся выдержали это испытание и еще теснее сплотились вокруг своего правительства. В эти дни широкое распространение получил добровольный безвозмездный труд в нерабочее время. Повсюду люди трудились с большим подъемом. Рабочие организовали круглосуточную охрану на предприятиях. Многие тысячи представителей рабочей и учащейся молодежи участвовали в погрузке на транспорт скопившихся товаров и доставке их трудящимся. Народные массы выступили с многочисленными починами, направленными на обеспечение нормальной жизни страны. Рабочий класс еще раз продемонстрировал патриотизм, высокую революционную сознательность, боевой дух.

Враг добивался вооруженного столкновения, кровавых уличных боев между сторонниками правительства и силами оппозиции. Таким путем он хотел создать обстановку политического хаоса, анархии и ввергнуть страну в гражданскую войну.

Чтобы сорвать планы реакции, правительство возложило на военные власти управление большинством провинций. Эта мера пришлась не по вкусу реакционерам, которые стали выступать с нападками не только против правительства, но и против военных властей. Заговорщики отказались повиноваться их распоряжениям и в тщетных попытках изменить обстановку в свою пользу пустили в ход оппозиционное большинство в парламенте и судебные органы, все еще находившиеся под влиянием реакции, чтобы с их помощью поставить под сомнение законность мер, принятых военными и гражданскими властями для обеспечения нормальной жизни страны.

И все же «мумии» проиграли эту битву и вынуждены были отступить. Как сообщил председатель КУТ Луис Фигероа, 100 процентов рабочих, 90 процентов крестьян и 80 процентов служащих не поддержали забастовку. Ни одна фабрика, ни одно предприятие не остановились. Парализовать

страну не удалось.

Непрекращающаяся борьба с происками реакции, вылазки фашиствующих террористов, ложь и клевета противников — все это не могло не оставить своих следов на Чичо. Взгляд его стал озабоченным, улыбка теперь редко освещала его обычно добродушное лицо. Он заметно поседел.

Был ли он счастлив? И да и нет. Разумеется, он отдавал себе отчет в том, что возникшее в стране с его приходом в «Ла-Монеду» двоевластие так и не разрешилось в пользу сторонников Народного единства, и это его беспокоило, тревожило, волновало. С другой стороны, он, став товарищем Президентом, как бы сблизился с народом, лучше познал его, еще крепче уверовал в его революционные возможности. Трудящиеся повсеместно встречали его радостными аплодисментами, возгласами «Вперед, Альенде, народ тебя защитит!», «Береги себя, ты нам нужен!», «Народ с тобой». Эти лозунги были ему, может быть, самыми дорогими из всех, и они действительно убеждали, что он может рассчитывать на поддержку народа, который будет продолжать борьбу против реакции и империализма за прогресс, за социализм.

Вот почему он так глубоко переживал случаи, когда карабинеры, нарушая строжайшие указания правительства, по старой традиции пускали в ход оружие для разгона демонстраций жителей «грибных» поселков, среди которых пользовались влиянием леваки. Когда в 1972 году в одном таком столкновении карабинеры убили рабочего в пригороде Сантьяго, возмущенный президент на следующий день направился из «Ла-Монеды» пешком и без охраны через весь город на место происшествия, где принес извинения жителям этого района и в течение многих часов беседовал с ними, разъясняя политику правительства и выслушивая их замечания, советы и требования.

Пожалуй, никогда раньше он так не восторгался тружениками своей родины, как теперь. Иностранным журналистам и делегатам дружеских партий, своим близким и сотрудникам он приводил десятки примеров самоотверженного труда рабочих и крестьян в интересах общества, их энтузиазма и солидарности с деятельностью правительства Народного единства.

Как и прежде, почти ежедневно дон Чичо играл с друзьями в шахматы. Эта игра его успокаивала, настраивала на философский лад, отвлекала от повседневных забот и тревог. Рабочая нагрузка у него росла с каждым днем. Ему приходилось работать по 16 часов, спать по 5 часов в сутки. «Работать для народа — для меня наслаждение», — отвечал он родным,

которые, беспокоясь о его здоровье, пытались уговорить его взять отпуск. Не проходило дня, чтобы он не выступал где-либо публично, не принимал журналистов, не проводил собраний, заседаний, конференций. Он не только много выступал, но и много писал — статьи, письма, различного рода государственные документы.

В начале ноября 1972 года Альенде для укрепления авторитета власти реорганизовал правительство, введя в него одновременно с председателем и секретарем Единого профсоюзного центра трудящихся командующих трех родов вооруженных сил, причем пост министра внутренних дел, равнозначный вице-президенту, получил главнокомандующий армией генерал Карлос Пратс. Последний заявил, что поддерживает правительство Альенде, единственную законную и конституционную власть в стране, следующую программе, которая всем известна и «для осуществления которой оно и было избрано». Это заявление свидетельствовало о том, что генерал Пратс и его сторонники в армии солидаризировались с правительством, что вносило расстройство в подрывные планы оппозиции, рассчитывавшей на поддержку высших армейских чинов.

И все же возрастающее участие армии в управлении государством имело и свою изнанку: оно толкало многих офицеров на мысль о возможности перехода в руки армии всей полноты власти. К тому же в армии продолжало действовать контрреволюционное подполье. Была вскрыта заговорщическая группа генерала Альфредо Каналеса, известного в армейских кругах под кличкой Самец. Каналес заведовал в министерстве обороны отделом подготовки кадров, а ранее был директором Военной академии.

Каналес вкупе с агентами национальной партии усиленно обрабатывал личный состав бронетанкового, артиллерийского и пехотного полков, расквартированных в городе Антофагасте. Если бы удалось посеять волнение в их рядах, то, по замыслам заговорщиков, это автоматически привело бы к беспорядкам и в других районах. Параллельно с этим в Антофагасте и соседних с ней городах (Токопилья, Чукикамата, Калама) в срочном порядке натаскивались вооруженные отряды (командос) ультраправой организации «Патриа и либертад».

Как впоследствии выяснилось, Каналес был к тому же главарем террористической группировки, которая на протяжении всего 1972 года усиленно создавала запасы оружия. Его сторонники похищали в казармах пистолеты, автоматы, пулеметы, ручные гранаты. За оружием снаряжались группы контрабандистов в Боливию и Бразилию.

Правые всегда рассчитывали на поддержку армии. Еще до прихода

Альенде к власти, в августе 1970 года, Клаудио Лопес писал в «Мемориаль дель эхерсито де Чиле», официальном теоретическом журнале армии: «Вмешательства (вооруженных сил) зачастую помогают представители социальных слоев, чьим богатству и имуществу грозят реформы, подготавливаемые либо проводимые правительством. Это меньшинство стремится вернуть себе власть при помощи военных, которым льстят, называя их «спасителями отечества».

По своему социальному составу офицерский корпус также тяготел к имущим. По данным исследования, проведенного в 1965 году, 42 процента офицеров были выходцами из семей крупной буржуазии, 39 процентов — из зажиточных средних слоев, 19 процентов — из небогатых мелкобуржуазных семей. Многие из офицеров были связаны родственными узами с земельной олигархией. Нередки случаи, когда молодой небогатый офицер из местного гарнизона женится на дочери латифундиста. Одним из последствий аграрной реформы было уменьшение состояний многих жен офицеров, писал незадолго до свержения Альенде французский журнал «Монд дипломатия».

Сам Альенде более оптимистично смотрел на все возмужавшую политическую роль армии. Вскоре после реорганизации правительства он дал такой ответ на вопрос о роли вооруженных сил в современной жизни Чили:

«Главная задача чилийских вооруженных сил как профессионального института состоит в обеспечении обороны и национальной безопасности. Но это не значит, что они стоят в стороне от решения жизненно важных проблем страны. Ранее функции армии ограничивались лишь, защитой географических границ. Сейчас положение иное. Ее прямые задачи не сводятся больше к защите границ... Они все теснее увязываются с экономическим, социальным и культурным развитием страны, с достижением и гарантией ее полной независимости.

Именно в рамках такого понимания своих функций чилийские вооруженные силы принимают активное участие в решении всех стоящих перед страной задач. Они представлены в руководстве национализированной медной промышленности, в стратегических отраслях экономики, они вносят свой вклад в научные и технические исследования. Иначе говоря, они играют динамичную роль».

Альенде указывал, что вхождение трех представителей вооруженных сил в правительство будет способствовать решению конкретных задач, стоящих перед кабинетом министров. Эти задачи состоят в том, чтобы нормализовать обстановку в стране после забастовки предпринимателей и

торговцев в октябре и активизировать экономику; обеспечить сохранность конституционного строя и проведение предстоящих парламентских выборов; отразить империалистическую агрессию, которую совершают по отношению к Чили иностранные компании, продолжать выполнение правительственной программы.

Альенде верил в то, что говорил. Он доверял тогдашнему руководству вооруженных сил. Об этом говорит тот факт, что вскоре после реорганизации правительства президент направляется в зарубежную поездку, передав власть на время своего отсутствия министру внутренних дел генералу Карлосу Пратсу.

Альенде направляется на этот раз с государственным визитом в Мексику, а затем в ООН, где на Генеральной Ассамблее этой организации выступает с большой речью, разоблачающей преступные действия империалистических монополий против чилийского народа.

Альенде заявил с трибуны ООН, что силы империализма стали осуществлять подрывную деятельность против его правительства сразу после победы народных сил на выборах в 1970 году. Подрывная деятельность ведется с таким расчетом, чтобы привести к краху экономику страны и вызвать тем самым недовольство среди населения. Президент подчеркнул, что многолетнее хозяйничание иностранных монополий в экономике Чили привело к ее одностороннему развитию, к крайней зависимости от внешних рынков сбыта и от притока иностранного капитала. Эти обстоятельства были использованы силами реакции. Против Чили были предприняты тщательно спланированные действия, которые лишили ее ряда источников финансирования. Международный банк реконструкции и развития, Межамериканский банк и другие международные финансовые организации, контролируемые Соединенными Штатами, прекратили предоставление Чили займов и финансирование осуществляемых ею проектов.

Экономическая агрессия, заявил президент, привела к резкому ограничению возможностей Чили обеспечить себя оборудованием, запасными частями, готовыми промышленными изделиями, продовольствием, медикаментами. Действия империалистических сил против Чили являются вмешательством во внутренние дела суверенного государства, подчеркивал С. Альенде.

Монополии США, сказал, выступая в ООН, глава чилийского государства, господствовавшие в медной промышленности, вывезли из страны за последние 42 года более 4 миллиардов долларов, тогда как их первоначальные капиталовложения не превышали 30 миллионов долларов.

Он подчеркивал при этом: «Медные рудники были национализированы не только при скрупулезном соблюдении всех положений наших внутренних законов, но и при уважении норм международного права, которые существуют, разумеется, не только для защиты интересов крупных капиталистических монополий». Президент сказал далее, что его страна подвергается не только экономической блокаде, но и прямой агрессии. Он привел в пример организацию монополией ИТТ крупного заговора с целью свержения правительства, рассказал о многочисленных террористических актах, спланированных за пределами страны.

Альенде заявил об общности судьбы Чили и других развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые также находятся под давлением империалистических сил и страдают от несправедливых условий международной торговли.

Чили, сказал Альенде, оказалась не одинокой. Попытки изолировать ее от стран Латинской Америки и остального мира потерпели провал. На стороне Чили с самого начала стоят социалистические страны.

Большое политическое значение имела поездка президента в Советский Союз, где он провел плодотворные встречи и переговоры с руководителями КПСС и Советского правительства.

Выступая на обеде, данном в его честь Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Альенде, в частности, сказал:

— Поддержка Чили теми странами, где царствует мир и нет войны, где господствует экономическое сотрудничество и нет эксплуатации, где уважают наш суверенитет, имеет особое значение. Как говорит наш большой друг и товарищ, лауреат Нобелевской премии поэт Пабло Неруда, Чили превращается в «молчаливый Вьетнам»...

Поэтому, дорогие советские товарищи, особое значение имеет ваша помощь и солидарность с нами.

Выступая 8 декабря на встрече с рабочими московского завода «Станколиния», Сальвадор Альенде отметил:

«Достижения рабочего класса СССР, достижения Советского Союза в целом, решимость Советской страны сохранить мир во всем мире — вот те великие факторы, которые помогают народам вести борьбу за свое освобождение, И чем сильнее будет Советский Союз, тем больше уверенности в том, что на земле сохранится мир, тем меньше будет опасность войны».

В выступлении по Центральному телевидению Сальвадор Альенде подробно рассказал о деятельности своего правительства.

— Народное правительство, которое я возглавляю, — сказал

президент, — правительство трудящихся. Впервые в нашей стране трудящиеся стоят у власти, принимают участие во всех сферах деятельности, начиная с совета национальной экономики и министерств до общественных организаций, таких, как комитеты защиты революции, заводские комитеты.

Программа Народного единства главным образом исходила из того, что наше движение ставило себе целью завоевание экономической независимости Чили... Чили является потенциально богатой страной, но жила она и еще живет если не в нищенских, то полунищенских условиях. Почему? Потому что ее самые главные богатства, такие, как железо, селитра, уголь и главным образом медь, находились в руках иностранного капитала, в основном североамериканского. Мы вернули эти богатства Чили, и сейчас они являются достоянием чилийского народа.

Мы углубили аграрную реформу и за 18 месяцев покончили с латифундиями. Сейчас 51 процент земли, национализированной в соответствии с реформой, находится в руках государства, остальная часть — у средних и мелких крестьян. Крестьянин полностью включился в политическую деятельность и главным образом в трудовой процесс обработки земли, будь то кооперативы, государственные усадьбы или центры аграрной реформы, которые представляют собой несколько объединенных для совместного труда усадеб, перешедших под контроль государства. Мы сразу же национализировали важнейшие предприятия, также находившиеся в руках иностранного капитала, чтобы создать вместе с крупными горнорудными, нефтяными, электроэнергетическими предприятиями базу для развития общественного сектора экономики. Программа Народного единства предусматривает существование трех секторов экономики: государственного, сектора смешанных предприятий, где государство имеет большинство, но где представлены также частные интересы и мелких предприятий, находящихся в частных руках. Очень важно отметить, что мы национализировали банки. Кроме того, государство взяло под свой контроль внешнюю торговлю. Что касается социальной политики, то мы перераспределили доходы таким образом, чтобы от этого выиграли широкие народные массы. И сейчас трудящиеся имеют гораздо более высокие доходы. Одновременно, и это также имеет огромное значение, мы снизили процент безработных. Мы проводим политику, направленную на то, чтобы широкие слои населения, которые не имели доступа к образованию, получили эту возможность. Мы с удовлетворением можем сказать, что практически уже в настоящее время 97 процентов детей имеют начальное образование. Намного доступнее

стало среднее и высшее образование.

Я считаю необходимым подчеркнуть: поскольку наше правительство — это правительство трудящихся, то наиболее важен, на наш взгляд, в нашей стране рост политической сознательности трудящихся, рост их участия во всех сферах национальной жизни и на всех уровнях. У нас еще имеются недостатки, свойственные капитализму, мы еще пока не можем использовать тех преимуществ, которые заложены в социалистическом строе. Но мы решительно идем по пути, который откроет нам возможности для построения нового общества, в котором рабочий класс станет основной движущей силой.

На вопрос корреспондента, что произвело на него наибольшее впечатление во время пребывания в Москве и как он оценивает результаты визита, Альенде ответил:

— Это мой третий визит в Советский Союз... Впервые я приехал в Советский Союз в 1954 году... Я был здесь 7 ноября 1967 года. В другой раз я пробыл здесь очень коротко, два дня, проездом во Вьетнам... И вот я снова здесь. Но приехал я не просто как гражданин, но уже как Президент моей родины.

Приезд мой свидетельствует, какова сейчас внешняя политики Чили. Я благодарен Советскому Союзу за то, что он первым из социалистических стран пригласил меня. Я приехал в колыбель социализма. Приехал, чтобы в соответствии с принципами нашей внешней политики еще более укрепить дружбу и связи со всеми странами и главным образом с Советским Союзом — символом борьбы за освобождение народов.

Я приехал выразить свою признательность Советскому Союзу, его правительству и народу за то, что они вникли и поняли проблемы нашей родины, нашей борьбы. Мы знаем, что всегда находили и найдем солидарность со стороны Советского Союза, его правительства, Коммунистической партии Советского Союза. Мне представилась возможность встретиться с руководителями СССР товарищами Леонидом Ильичом Брежневым, Николаем Викторовичем Подгорным, Алексеем Николаевичем Косыгиным, Андреем Павловичем Кириленко, а также с министрами и другими советскими государственными деятелями. В беседе с ними наша делегация обменялась мнениями.

Мы беседовали с руководителями Советского государства о проблемах, волнующих человечество, о текущем моменте, о перспективах развивающихся стран и особенно о проблемах Латинской Америки и Чили. Нам представилась возможность встретиться со студентами. Я должен сказать советскому народу, что факт избрания меня почетным доктором

Московского университета имени Ломоносова имеет для нас огромное значение — ведь в моем лице была оказана честь всему нашему народу».

Высокую оценку результатам переговоров с президентом Альенде дал Л. И. Брежнев в своем докладе о пятидесятилетии СССР: «Недавно нашу страну с дружественным визитом посетил Сальвадор Альенде, президент Республики Чили. Итоги переговоров с главой этого государства, решительно вставшего на путь антиимпериалистической политики и социального прогресса, мы расцениваем как новый значительный шаг на пути развития наших отношений. Мы с глубокой симпатией относимся к борьбе народа Чили, как и народов других латиноамериканских стран, за свою свободу. Мы убеждены, что эта борьба принесет им успех».

Из Москвы президент Чили полетел в Гавану, где был тепло встречен Фиделем Кастро и другими руководителями кубинской революции.

Эта зарубежная поездка Сальвадора Альенде способствовала укреплению его авторитета на международной арене и внутри страны. Она еще раз подтвердила, что правительство Народного единства не одиноко, что у него надежные друзья за рубежом, готовые в трудную минуту прийти на помощь.

За время отсутствия президента в Чили никаких перемен не произошло. Генерал Пратс и его сторонники из высшего командования вооруженными силами прочно контролировали положение, и если противник рассчитывал использовать отсутствие Альенде для осуществления переворота, он просчитался. Армия и на этот раз не оказала ему поддержки.

Альенде, стремясь еще больше укрепить связь с командованием армии, назначил генерала Альберто Бачелета Мартинеса, двух полковников и одного капитана первого ранга руководить Национальным управлением по распределению и продаже товаров первой необходимости.

Теперь все зависело от результатов мартовских выборов в конгресс. Противники правительства рассчитывали получить около 66 процентов голосов и избрать 213 членов конгресса, что им позволило бы избавиться от Альенде, вынеся ему обвинение в нарушении конституции. Его место до проведения новых выборов занял бы тогда генерал Пратс, вице-президент, или — в случае его отказа — председатель сената. На последний пост намечался после мартовских выборов Эдуардо Фрей. Так осуществился бы «легальный», «законный» переворот.

Фрей, баллотировавшийся в сенат по столичному округу, проводил избирательную кампанию, разъезжая по всей стране, как будто он являлся кандидатом на пост президента, отмечал корреспондент газеты «Монд»

Марсель Нидерганг. Это самые важные выборы для Чили с начала века, утверждал лидер демокристской партии. Выступая в Антофагасте, Фрей заявил, что страна живет в «атмосфере ненависти и хаоса», и потребовал от Альенде в случае победы оппозиции на выборах уйти в отставку.

Онофре Харпа требовал не ждать результатов выборов, а «как можно раньше заменить марксистское правительство правительством национальным». Это был открытый призыв к свержению Альенде со стороны лидера национальной партии, выступавшей на выборах в блоке с демокристами под вывеской Демократической конфедерации.

Лидеры оппозиции трубили на все лады, что предстоявшие выборы означают плебисцит «за» или «против» правительства Альенде. Они замалчивали, что правительственные партии в прошлом никогда не получали большинства голосов на промежуточных выборах. Сам Фрей, избранный в 1964 году президентом большинством голосов, на промежуточных выборах в конгресс три года спустя получил всего лишь 35 процентов голосов, но это ему не помешало спокойно закончить шестилетний период правления.

Провокационные предвыборные выступления лидеров оппозиции шли под аккомпанемент выстрелов, взрывов и пожаров ударных батальонов реакции «Родина и свобода», «Роландо Матус», «Красный дракон» и прочих подрывных банд. Они нападали на железные дороги, электростанции, бензохранилища, склады продовольствия и другие стратегические объекты, по существу ничем не рискуя, ибо судебные власти, как правило, освобождали террористов под залог, что давало им возможность продолжать свою преступную деятельность.

О ее размахе можно судить по следующим далеко не полным данным: за месяц, предшествовавший выборам 4 марта, власти арестовали на месте преступления 464 террориста, было совершено 30 покушений, 3 человека были убиты и 50 ранены.

18 февраля фашистские ультра вновь спровоцировали беспорядки в стране, в результате чего 4 человека были убиты и 18 тяжело ранены. 19 февраля министр внутренних дел генерал Карлос Пратс созвал представителей всех политических партий, в том числе оппозиционных, и потребовал покончить с незаконными акциями. Но не прошло и нескольких дней, как правые организовали покушения на министра сельского хозяйства социалиста Роландо Кальдерона, на префекта полиции Сантьяго социалиста Хайме Файновича. Карабинеры арестовали террористов, которые действовали, как выяснилось, под влиянием наркотиков.

Разнузданную кампанию лжи и клеветы на правительство Альенде

продолжали вести газеты, радио и телевидение, находившиеся под контролем оппозиции. «Меркурио» чуть ли не ежедневно твердила, что Альенде стремится превратить Чили в «русскую колонию», что он находится под контролем Фиделя Кастро, что Чили угрожает «красная диктатура».

Альенде категорически опровергал лживые утверждения реакционеров о намерении правительства «установить диктатуру». Выступая на одном из митингов в январе 1973 года, он вновь повторил, что целью Народного единства является «открытие пути к социалистическому обществу без выхода за рамки конституционности и легальности».

Хотя Альенде неоднократно заявлял, что правительство не намерено национализировать мелкие и средние предприятия или лишить собственности мелких и средних крестьян, и даже внес в середине января в парламент соответствующий закон, предусматривавший передачу в руки государства только крупных предприятий местных или иностранных монополий, оппозиция продолжала обвинять Народное единство в стремлении лишить всех и вся собственности.

Оппозиция подбивала наименее стойких рабочих на национализированных предприятиях требовать непомерного повышения заработной платы, создавать конфликтные ситуации, бастовать. Следует сказать, что демагогия реакции находила отклик среди определенных прослоек трудящихся.

Луис Фигероа, министр труда и лидер КУТ, так объяснял это явление в интервью корреспонденту «Нового времени» В. Волкову:

— Да, рабочие готовы отдать жизнь за торжество революционного процесса, как показали октябрьские события. Рабочий класс поддерживает правительство, перемены в стране, — более того, он подталкивает их, возглавляет движение за их углубление. И вместе с тем среди определенных кругов трудящихся еще сохраняется традиционная позиция борьбы за улучшение оплаты труда во что бы то ни стало. Часто в стране звучат призывы бороться за еще большее повышение заработной платы и улучшение социальных условий, не считаясь при этом с экономической, финансовой и производственной возможностью предприятия, на которых такие требования формулируются, с возможностями национальной экономики в целом.

Это явление, которое мы называем «экономизмом», не охватывает наиболее сознательные слои пролетариата — оно наблюдается в основном среди недавно влившихся в ряды рабочего класса трудящихся деревни. Оно поддерживается и насаждается политическими силами, не входящими в

коалицию Народного единства, — лидерами и активистами христианско-демократической партии, действующими в профсоюзном движении. Но надо сказать со всей откровенностью, такие призывы формулируют также и некоторые участники Народного единства, которые не совсем отчетливо представляют себе последовательность поэтапного развития борьбы за социализм или скатываются к оппортунизму, ибо используют беспринципный «экопомизм» с целью завоевать дешевую популярность среди определенных слоев трудящихся.

Предприниматели и реакционеры пытаются всячески насадить коррупцию и спекуляцию среди наиболее отсталых слоев трудящихся, поощряют их к выступлениям с беспринципными требованиями, к нарушению трудовой дисциплины. Изобретают самые изощренные и разнообразные способы разложения рабочего класса. Так что и на этом фронте классовой борьбы нам приходится вести серьезные бои, ибо речь идет о настоящем столкновении идеологий. Наши враги хотят вернуть некоторых трудящихся к уровню классового сознания, который был свойствен чилийскому пролетариату лет 40–50 назад.

План этих провокаторов ясен: «размыть» определенные слои рабочего класса, ослабить тем самым поддержку пролетариатом правительства Народного единства, затем разгромить народные силы, пресечь революционный процесс в Чили и открыть дорогу для сил фашизма. Вот почему идеологическая работа среди рабочего класса весьма важна сейчас...

В феврале 1973 года Альенде временно перенес резиденцию правительства на входившую в общественный сектор текстильную фабрику «Сумар». Здесь он встречался с рабочими и выступал перед ними, обращая при этом ко всей стране. Призывал их сплотить ряды и укрепить дисциплину на предприятиях, сорвать экономическую блокаду, которой подвергают Чили американские империалисты, пресечь саботаж со стороны внутренней реакции.

Президент указал и на ошибки, которые, по его мнению, совершило правительство Народного единства. В частности, оно не сумело разъяснить трудящимся, что политика национализации меди повлечет за собой бешеное сопротивление империализма и его чилийской агентуры, что революция означает не только достижения, но и трудности. Он также признал, что правительству следовало подготовить закон, разрешающий ему распустить реакционный конгресс, и провести по поводу принятия этого закона референдум. Трехдневное пребывание президента на фабрике «Сумар» помогло осознать рабочим, шедшим до этого на поводу у правых,

что правительство проводит политику в интересах трудящихся.

Альенде предупреждал реакционеров, что правительство не потерпит продолжения подрывных действий. «Бели правые будут продолжать свою политику провокаций, — заявлял он перед выборами, — мы прибегнем в качестве средства борьбы к физическому насилию. Ни правительство, ни народ не хотят этого насилия, но мы ответим революционным насилием на контрреволюционное насилие».

Однако кто осуществлял бы «революционное насилие»? Рабочие? Для этого их следовало вооружить, а это немедленно вызвало бы конфликт с армией, которая пуще всего боялась потерять свою монополию на владение оружием. Статут конституционных гарантий недвусмысленно запрещал вооружение рабочих. Альенде мог об этом говорить, но был бессилён от слов перейти к делу, не рискуя вызвать на себя огонь со стороны вооружённых сил. К тому же в преддверии выборов любое нарушение левыми силами буржуазией законности, которую правые топтали без зазрения совести, было бы расценено как признание левыми «априори» своего поражения. Более того, в конгрессе в начале 1973 года демокристический сенатор Хуан де Диос Кармона, бывший министр обороны в кабинете Фрея, внес проект закона о «контроле над оружием», дающий право вооружённым силам на основе заявления граждан или печати производить обыски, не испрашивая на то разрешения гражданских властей, и изымать оружие у частных лиц или организаций. Этот проект был поддержан партиями Народного единства, и его ратифицировал Альенде. Проект, таким образом, стал законом.

Реакционер Кармона предложил этот закон в надежде, что вооружённые силы его используют для изъятия оружия у рабочих, сторонников правительства, Альенде же и левые партии его одобрили, с одной стороны, чтобы опровергнуть обвинения правых в том, что они незаконно вооружаются — дескать, нам некого бояться и нечего скрывать, а с другой — в надежде, что, в свою очередь, их сторонники в армии используют этот закон для изъятия оружия у правых заговорщиков. Как бы то ни было, но этот закон наделял чрезвычайными полномочиями армию.

Позиции правительства казались настолько шаткими, что даже МИР, придерживавшийся да того линии «критической сдержанности» по отношению к Альенде, призвал в начале февраля своих сторонников поддержать на предстоявших выборах кандидатов социалистической партии и левых христиан. Генеральный секретарь МИР Мигель Энрикес так объяснил это изменение тактики своей организации: «Нужно прежде всего поддержать правительство и связи с угрозой новой забастовки

предпринимателей и опасностью падения нынешнего правительства в результате вынужденной отставки президента».

Хотя саботаж оппозиции тормозил осуществление намеченных программой Народного единства реформ, правительство и в 1973 году продолжало их реализацию. 4 февраля Корпорация аграрной реформы, руководимая бывшим деятелем ХДП Жаком Чончолем, опубликовала отчет, в котором подводились итоги двухлетней деятельности по осуществлению аграрной реформы. За этот период правительство Народного единства экспроприировало 3570 помещичьих хозяйств, передав в руки крестьян свыше 9 миллионов га. Фактически был завершен процесс ликвидации помещичьей земли в Чили.

В тот же день, 4 февраля, президент Альенде и министр труда Луис Фигероа подписали декрет о повышении минимального размера пенсий. Декрет устанавливал пенсию рабочего не ниже минимума заработной платы, а для служащих — не ниже прожиточного минимума.

28 февраля вступил в силу закон, подписанный президентом Альенде, аннулировавший контракт с американской компанией ИТТ на эксплуатацию телефонной сети в Чили. Два года назад правительство поставило под государственный контроль предприятия ИТТ за систематическое вмешательство этой компании во внутренние дела Чили и организацию подрывных действий, что было подтверждено публикацией секретных документов ИТТ в американской печати.

По мере приближения даты выборов политические страсти накалялись все больше и больше. Оппозиция заранее трубила победу, требуя ухода президента с поста. За несколько дней до выборов министр внутренних дел генерал Пратс приказал войскам и карабинерам обеспечить охрану избирательных участков.

День 4 марта прошел по всей стране без инцидентов. Проголосовало 3 661 898 избирателей. Вечером начался подсчет голосов. Результат ошеломил наблюдателей и политических экспертов, предрекавших решительную победу оппозиции. Блок партий Народного единства получил 43,39 процента всех голосов, на 7 процентов больше, чем на президентских выборах. Кандидаты Народного единства увеличили число своих представителей в палате депутатов на 9 человек, а в сенате — на 2. Надежды Фрея, Харпы и их сторонников получить в конгрессе 2/3 мест и «мирно» свергнуть Альенде провалились с треском. Многие известные лидеры оппозиции оказались забаллотированными избирателями и не были избраны в парламент.

«Марксистское правительство Сальвадора Альенде, — признавал с

разочарованием чилийский корреспондент «Нью-Йорк тайме», — одержало на законодательных выборах важную психологическую победу и расширило свое представительство в сенате и палате депутатов».

Результаты выборов явились, таким образом, крупным политическим поражением правых и несомненной победой Народного единства и его лидера Сальвадора Альенде. Даже «Меркурио», этот рупор заговорщиков, была вынуждена признать, что надежды на то, что на выборах «оппозиция добьется нокаутом быстрой победы над правительством», оказались «миражем».

Несмотря на перебои с продовольствием, инфляцию, запугивание, шантаж и террор фашистских банд, истошные вопли Фреяи Харпы, предрекавших экономическую разруху и голод, если они не получат заветные 2/3 мест в конгрессе, несмотря на все трудности, превратности и сложности, сопутствовавшие деятельности правительства Альенде с момента его прихода к власти, трудящиеся и на этот раз оказали ему доверие.

Правда, оппозиция получила 56,61 процента голосов и все еще располагала простым большинством в конгрессе. Но это была привычная для чилийцев картина. При других президентах наблюдалось то же явление: в конгрессе всегда господствовала оппозиция, что еще не давало ей права свергать главу государства. После выборов 4 марта такого мандата не получила и оппозиция против Альенде.

Рухнули ее надежды на «мирный» переворот, и она, не колеблясь, встала на путь насильственного устранения Альенде с поста президента.

Теперь его враги будут действовать автоматами.

ТАНКИ ИДУТ НА «ЛА-МОНЕДУ»

Растущая агрессивность противников не вызывала у Альенде желания расправиться с ними, смести их с политической сцены. Дон Чичо считал необходимым сохранить систему политического плюрализма, существовавшую в Чили и предполагавшую наличие не только левого, но и правого блоков. Он считал, что эта система может быть использована для продвижения к социализму.

Альенде был против разжигания политических страстей. Он добивался соглашения, компромисса со своими противниками на основе признания ими реальностей чилийской революции. Это относилось как к внутренним его противникам, так и к внешним, в частности к тем кругам в Соединенных Штатах, которые с первого же дня победы на выборах 1970 года объявили ему беспощадную войну.

Вскоре после мартовских выборов чилийское посольство в Вашингтоне по распоряжению Альенде вступило в переговоры с госдепартаментом в надежде найти приемлемую для обеих сторон формулу сосуществования. Вот что рассказал о том, как проходили эти переговоры, авторитетный французский журнал «Монд дипломатия»).

«С чилийцами встретились второстепенные американские деятели. Помощника госсекретаря по межамериканским делам Чарлза Мейера сменил бывший вторым по рангу дипломатом в американском посольстве во Франции Кубич, однако сам Кубич не участвовал в переговорах. Его представлял Джон Кримминс, бывший посол в Доминиканской Республике, назначенный сразу же после американской интервенции 1965 года. Уместно напомнить, что в течение последних четырех лет вторым номером в американском посольстве в Сантьяго являлся Шлаудеман, облеченный большими правами, чем посол Натаниэл Дэвис, являвшийся важнейшей фигурой до, во время и после вторжения в Санто-Доминго.

Разногласия между США и Чили касались не только существа, но и характера конфликта. Вашингтон утверждал, что вопрос о компенсации за медь — это «камень преткновения»: поскольку первым долгом правительства является защита частных интересов, оно должно добиться вознаграждения. Если не будет предоставлена компенсация, США станут противодействовать любому соглашению Парижского клуба, который должен был собраться в середине 1973 года, относительно чилийского внешнего долга. Это был не денежный, а принципиальный вопрос. И

поэтому, говорили американцы, приписывая эту формулу Киссинджеру, компенсации в размере всего лишь одного доллара было бы достаточно я этот доллар США могли предложить Чили, однако при условии, если бы Чили дала гарантии в отношении своего будущего поведения.

Чилийцы, со своей стороны, утверждали, что суверенный акт национализации затрагивает принципиальный вопрос и что конфликт вызван не вопросом о компенсации, а агрессивными актами, направленными против их страны. Чили официально предлагала применять сохраняющий силу двусторонний договор 1914 года относительно мирного решения конфликтов. США признали, что этот договор сохраняет силу, однако отказались применять его. Таким образом, они официально и прямо заявили о своем намерении нарушить основной закон отношений между государствами: действующий договор. Американская политика была определена. В некотором смысле Вашингтон известил Чили, что теперь начинается борьба не на жизнь, а на смерть.

«Наша совесть чиста, почему вы, латиноамериканцы, так ненавидите нас?» — спросил однажды Джон Кримминс. В ответ он услышал: «Если ваша совесть чиста, то почему рука у вас такая тяжелая?» Во время последней беседы с чилийским послом Джон Кримминс вкрадчивым голосом предложил на выбор три решения, в которых содержался недвусмысленный ультиматум: Он заявил: «Принимая во внимание, что между нами существуют конфликты, мы считаем, что у нас остается всего три возможности: либо мы заморозим конфликты, либо мы найдем пути их разрешения, либо война».

США знали, и Чили знала, что подобные разногласия не могут быть «заморожены», что они имеют собственную динамику и что, следовательно, первое предложение было по меньшей мере коварным. Дело в том, что, если бы Чили приняла его, она предоставила бы США полную свободу для усиления агрессивных действий через многонациональные фирмы и третьи страны — покупатели меди. Найти пути разрешения конфликтов означало для США найти их самим и в своих интересах: речь могла идти лишь об односторонне навязанных частичных соглашениях. Формулируя эти три возможности, США знали, что первые две неприемлемы для Чили и что оставалось только третья: война. Это был ультиматум. «Мы не дадим вам выиграть время», — сказал в заключение Джон Кримминс».

С этого момента США приняли решение осуществить план, предусмотренный еще в 1970 году меморандумом ИТТ.

Это не пугало Альенде. Разве не выстояла революционная Куба перед

натиском североамериканского колосса? Разве отступило от своей освободительной программы правительство генерала Веласко Альварадо в Перу? Нет, дон Чичо не думал покидать «Ла-Монеду». Результаты выборов вдохнули в него новые силы. Он почувствовал прилив бодрости и уверенности и готов был продолжать борьбу с «мумиями», за исходом которой внимательно следила теперь общественность всей Латинской Америки, да и не только ее, но и Западной Европы, в частности Франции и Италии, где спланивались левые силы, надеясь прийти к власти без гражданской войны, невооруженным путем, по «чилийскому образцу».

Вскоре после выборов, 27 марта, Альенде вновь реорганизовал правительство. На этот раз в кабинет министров вошли только представители партий Народного единства. Военные оставили министерские посты. Новый кабинет должен был заняться в основном преодолением экономических трудностей, выработкой ясной экономической политики.

Правительство предложило конгрессу выделить 43 миллиона эскудо на повышение заработной платы трудящимся в связи с продолжавшейся инфляцией. Однако представители оппозиции в конгрессе срезали до 18 миллионов эскудо просимую правительством сумму. Во время дебатов по этому допросу правые вооруженные банды вновь спровоцировали на улицах столицы беспорядки. Они пытались разгромить редакцию газеты «Ультима ора», органа социалистической партии, и обстреляли дом, в котором жила видная деятельница компартии депутат парламента Мирейя Бальтра.

Беспорядки в столице длились несколько дней. В районе Провиденсия, населенном «мумиями», головорезы из банды «Роландо Матус» ухитрились даже соорудить баррикады, а в центре города они отважились забросать камнями президентский дворец. Фашисты любыми средствами пытались спровоцировать кровопролитие, чтобы еще более взвинтить и без того крайне напряженную обстановку в стране.

8 апреля спецкор «Правды» В. Боровский сообщал из Сантьяго: «Как видно, уроки выборов не пошли впрок чилийской олигархии. Едва оправившись от смятения и растерянности, она с еще большим озлоблением принялась за террор. Реакционеры понимают, что время работает не в их пользу. Остается ставка на обострение обстановки в стране. С этой целью вновь готовятся «забастовки» хозяев, акты саботажа, захваты предприятий».

В этой кампании активное участие принимает правое крыло христианско-демократической партии. В последнее время вооруженные

группы молодчиков из ХДП все чаще стали принимать участие в террористических актах наряду с фашиствующими штурмовыми отрядами крайней реакции.

Народные силы Чили бдительно следят за происками реакции и ее приспешников. Накопленный ими опыт убедительно показал, что лучшим оружием, способным отразить эти происки, является испытанное оружие единства. Вот почему такой большой отклик среди левых сил вызвало письмо президента Альянде председателю федерации партий Народного единства Рафаэлю Гумусио, в котором отмечалась необходимость дальнейшего укрепления организационного и политического единства левых партий».

В письме президент предлагал укрепить структуру этой организации — союза входящих в нее левых партий — так, чтобы она могла осуществить единое руководство действиями правительства и народных масс. Альянде поставил следующие задачи перед федеративной партией Народного единства: демократизация государственного аппарата и повышение его эффективности, обеспечение роста производства, усиление роли рабочего класса в управлении производством, защита революционных завоеваний, повышение политической сознательности масс.

Исполнительный комитет партий Народного единства в лице его председателя левого католика Рафаэля Гумусио выразил полное согласие с предложением Альянде созвать в ближайшее время съезд этой организации. Это тем более было необходимо, что в рядах левых не наблюдалось необходимого единства взглядов на то, какими путями должна дальше развиваться чилийская революция.

Все понимали, что существовавшее в стране с момента избрания Альянде двоевластие слишком затянулось и что конфронтация неизбежна. Однако по вопросу о том, как встретить эту конфронтацию, среди левых не было единого мнения. Альянде и другие лидеры левого блока считали, что большинство вооруженных сил поддержит правительство, и оно, опираясь на профсоюзы и другие массовые организации трудящихся — такие, как комитеты бдительности — «кордонес индустриал ее» (входившие в систему заводской обороны, которая объединяла рабочих определенного района), а также на партии Народного единства, сможет выйти победителем из предстоявшего столкновения с враждебными правыми силами.

Группа МИР не разделяла этих надежд. Более того, она утверждала, что правительство неспособно справиться с надвигающейся бурей. Мировцы требовали «продвигаться вперед без задержек», создать

«революционную власть», вооружить рабочих, опередить заговорщиков, ударить по ним до того, как они поднимут восстание. Проповедь мировцев находила сторонников среди некоторых последователей Народного единства, что вносило сумятицу в его ряды. С другой стороны, ею пользовались реакционеры в качестве доказательства, что правительство готовит «самопереворот», чтобы покончить с демократическим строем, установить «красную диктатуру».

В начале апреля 1973 года на стенах домов чилийской столицы появились плакаты с загадочной надписью: «Операция САКО проводится в жизнь!» САКО — по-испански мешок. Что же это был за «мешок»? Секрет раскрылся, когда арестовали одного из вожakov фашистской организации «Патриа и либертад». У него была найдена директива участникам «операции САКО». Это слово расшифровывалось как «Система организованного гражданского действия», а точнее саботажа. В роли исполнителей выступали «гremиос» — профессиональные организации промышленников, торговцев, фермеров, врачей, инженеров. Вожак САКО, в частности, предписывали предпринимателям:

«Укрывать не менее 20 процентов поступающих на их предприятия материалов, что позволит создать запасы на случай чрезвычайных обстоятельств.

Создавать склады запасных частей в подвальных помещениях вне предприятия, поддерживая лишь минимальный ритм производства на предприятии...

Распределять продукцию предприятия только через посредников САКО. В случае репрессивных мер со стороны правительства государственному сектору должна поставляться продукция самого низкого качества и в минимальных количествах».

Предпринимателям частного сектора рекомендовалось под любым предлогом увольнять рабочих и служащих, симпатизирующих Народному единству. Если это не удастся, то составить их списки и иметь их под рукой. Других работников следовало завоевывать на свою сторону уступками, не влияющими серьезным образом на расходы предприятия: скромными завтраками и обедами, предоставлением рабочей одежды, единовременных пособий.

Врагам Народного единства в сельской местности главари САКО давали следующие указания:

«Отвечать на все вопросы наших анкет и сообщать активистам САКО надежную информацию.

Производить основные продукты питания на лучших

высокопродуктивных землях, разбитых на малые участки, трудные для обнаружения.

Поставлять Обществам сельскохозяйственной кооперации искаженные сведения о производительности на единицу площади.

Создавать ячейки самообороны и систему информации.

Взять на учет всех активистов Народного единства, держать их под постоянным наблюдением в целях запугивания».

Коммерсантам рекомендовалось «по возможности не продавать ничего сторонникам Народного единства или обеспечивать их в самых малых количествах и плохими товарами», не сообщать заранее ни одному стороннику Народного единства о времени продажи товаров, дне и часе их поставки. «Патриа и либертад» обязывалась предоставить коммерсантам списки лиц, которые «должны обеспечиваться в первую очередь», и указать «где, как получить товары и как их перевозить».

Специалистам — противникам Народного единства авторы инструкции предписывали представлять организации «Патриа и либертад» самую подробную и многообразную информацию о себе, о производстве, на котором они работают, в том числе сведения об объеме продукции, об оборудовании, системе финансирования, запасах материалов, запасных частей для всех видов энергоснабжения. Особо подчеркивалось: «указать аварийные источники электроэнергии». Специалистам запрещалось делиться своими техническими навыками и знаниями со сторонниками Народного единства, предлагалось при возможности запутывать архивы и документацию.

Своим сторонникам инструкция советовала «проводить достойные кампании по психологическому запугиванию, распространять различные слухи и страшные истории, предназначенные для женщин и детей из семей сторонников Народного единства». Студентам указывалось: «Не помогайте сторонникам Народного единства, не давайте им книг. Садитесь рядом с ними только для того, чтобы выведать у них информацию. Подсказывайте им неправильно на занятиях, вынуждайте их опаздывать. Если они используют шпаргалки, выдавайте их преподавателям».

Опубликование этих директив контрреволюционного подполья только подтвердило то, что и без того было известно: главными виновниками экономических трудностей, беспорядков, саботажа являлись противники правительства.

Стремясь лишить эксплуататоров возможности развивать вредительскую деятельность, Альенде и министры его правительства 12 апреля подписали декрет о передаче под контроль государства 42

предприятий, владельцы которых принимали активное участие в саботаже.

В ответ в конгрессе вновь раздались угрозы в адрес Альенде со стороны оппозиции. Ее лидеры заявили, что парализуют деятельность правительства, блокируют его законопроекты, объявят его вне закона, если оно не прекратит политику национализации.

26 апреля ударные отряды фашистов вновь развязали по всей стране волну насилий и уличных беспорядков. На этот раз предлогом стала реформа образования, проект которой был опубликован правительством для всенародного обсуждения. Правые спровоцировали выступления школьников и студентов аристократических частных учебных заведений, деятельность которых предполагалось поставить под контроль государства. Их возглавили боевики из «Роландо Матуса» и других фашистских отрядов, вооруженные коваными палками, цепями, кастетами, одетые в защитные шлемы. С ними в беспорядках участвовали группы христианско-демократической молодежи, а также специально нанятые хулиганы из деклассированных элементов.

Основные стычки произошли в центре столицы. Утром учащиеся и отряды ультраправых собрались у здания Национальной библиотеки, Откуда группами двинулись к разным участкам центра с лозунгами против правительства и лично президента Сальвадора Альенде. Они заняли перекрестки в торговом и деловом районе города, развели костры на проезжей части, перегородили улицы баррикадами, используя для этого трубы, камни, ограды со строящейся рядом линии метро. Фашиствующие молодчики останавливали автобусы, насильно высаживали пассажиров, били стекла автомобилей, прокалывали шины, полностью парализовав движение транспорта по центральным улицам. Некоторые из налетчиков были вооружены огнестрельным оружием.

Были совершены нападения на здания управления планирования, Государственной корпорации развития, кредитного банка. Восьмой раз за последние два дня была подвергнута осаде редакция левой газеты «Пуэро Чили», причем бандитский отряд прибыл туда из здания, где размещалось руководство христианско-демократической партии. Фашисты пытались также напасть на государственное издательство «Киманту», однако рабочие типографии дали им достойный отпор. Часть бандитов прорвалась к президентскому дворцу и забросала его камнями. Были нанесены повреждения зданиям районного комитета комсомола в Пуэнте-Альто, Центрального Комитета Социалистической молодежи, федерации партий Народного единства. В течение нескольких часов продолжались столкновения у Чилийского университета.

В это время радиостанции, находившиеся под контролем реакции, передавали в эфир подстрекательские призывы к населению выйти на улицы, чтобы «дать бой марксизму».

27 апреля сторонники Народного единства организовали демонстрацию протеста у здания руководства христианско-демократической партии. В ответ из окон раздались выстрелы. В результате один человек был убит, шесть ранено. Столкновения произошли также в Вальпараисо, Консепсьоне и других городах. Всего было ранено около 100 человек.

Провокации реакции вызвали гневное возмущение в стране. С решительным осуждением преступной заговорщической деятельности контрреволюционных сил выступили политические партии Народного единства, общественные организации, официальные лица.

Руководство Единого профцентра трудящихся Чили, решительно осудив использование олигархией в преступных политических целях школьников, заявило, что с 27 апреля ежедневно на улицы столицы станут выходить по 10 тысяч рабочих. Они будут организовывать демонстрации в поддержку народного правительства.

28 апреля у президентского дворца состоялся массовый митинг трудящихся Сантьяго, участники которого выразили поддержку народному правительству. Выступая на митинге, президент Сальвадор Альенде призвал народ Чили к бдительности и спокойствию, к сплоченности и единству действий.

Еще более внушительные демонстрации в поддержку президента Альенде и его правительства прошли по всей стране 1 мая. Трудящиеся требовали обуздать саботажников и террористов, призывали народ не поддаваться на провокации «мумий».

1 мая стало известно, что президенту Альенде присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» за выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира.

Это была заслуженная награда тому, кто на протяжении десятилетий последовательно выступал за мир во всем мире, за разрядку международной напряженности, за мирное решение спорных международных вопросов.

Альенде с благодарностью воспринял сообщение о своем награждении. Он заявил, что расценивает присуждение ему Ленинской премии мира как признание той борьбы, которую чилийский народ ведет за социально-экономические преобразования в своей стране, за независимость родины, за мирное сосуществование. Президент оказал, что

считает эту награду высокой честью для себя, она укрепляет его решимость неустанно бороться за понимание между народами и за мир.

А фашистские банды не унимались. 4 мая они вновь ринулись на улицы столицы. В их задачу входило создать впечатление, что правительство не контролирует улицу, бессильно навести порядок, потеряло контроль над событиями. Но на этот раз фашисты перестарались. Приняв своих за чужих, они открыли огонь по своим же сторонникам, в результате чего их столичный главарь Марио Агиляр был убит, а другой заводила, Эрнесто Миллер, ранен.

В этот тревожный день Альенде принял корреспондента «Юманите» Андрэ Корреля, который нашел его бодрым, энергичным и решительным. «В свои 64 года, — писал французский журналист, — Альенде поражает бьющей через край жизненной энергией; говорят, что как медик он следит за своим здоровьем и каждое утро подолгу занимается гимнастикой. Очень словоохотливый, он обладает даром убеждения. Несмотря на большой груз всех своих обязанностей, он сохраняет энтузиазм и ясность мысли подлинного революционера. Позже он сказал мне, что за последние три года он не отдыхал ни одного дня. Но пусть никто не рассчитывает на то, что он покинет поле боя».

5 мая правительство ввело чрезвычайное положение в столице и провинции Сантьяго, а это означало, что власть в этом районе вновь переходила в руки военных. Служба расследования (безопасности) провела обыски в некоторых помещениях фашистских организаций, где были обнаружены настоящие арсеналы оружия, взрывчатки, подрывная литература. Было арестовано несколько фашистских главарей, но судебные власти и на этот раз милостиво освободили их из-под ареста.

Ориентация правых на мятеж, на переворот против Альенде не могла не вызвать беспокойства среди рядовых членов демохристианской партии, левое крыло которой выступало за достижение с правительством соглашения на основе взаимных уступок. Партии Народного единства и лично президент Альенде считали возможным прийти к такому соглашению с левыми демохристианами. Однако на состоявшемся в начале мая съезде ХДП победили правые — сторонники Фрея. Они навязали на пост председателя партии кандидатуру Эльвина, выступавшего за свержение Альенде любыми средствами. С этого момента политическое положение в стране резко обостряется. Рас, полагая поддержкой демохристиан, правые спешат осуществить свой план свержения правительства.

Правых подхлестывало и невыгодное для них развитие событий в

Латинской Америке. В Уругвае набирала силу новая влиятельная группировка — Широкий фронт, местный вариант Народного единства. В марте в Аргентине президентом был избран перонист Эктор Кампора, проявивший себя как решительный и последовательный антиимпериалист. События показывали, что ветры дуют в Южной Америке не в сторону реакции. Всего этого не могли не заметить чилийские «мумии», не могли не сделать из этого соответствующих выводов и их покровители в Вашингтоне. Время явно работало не в их пользу.

16 мая «Правда» опубликовала сообщение своего собкора в Сантьяго В. Чернышева, где весьма точно раскрывались подрывные планы противников правительства. Корреспондент сообщал, что правые силы предпринимают усилия для организации раскола в армии, переманивая на свою сторону часть офицерства. Реакционная пресса организовала подлинную травлю командующего сухопутными силами генерала Карлоса Пратса и руководителя национального секретариата снабжения генерала Альберто Бачелета. Обвиняя ряд высших офицеров, строго придерживавшихся законов и выполнявших свой воинский долг, в том, что они «продались правительству», реакция старалась настроить против них определенные военные круги. Одновременно предпринимались попытки настроить против правительства и церковь.

Реакция вынашивала планы организации новой, тщательно спланированной широкой «забастовки». Как и в октябрьских событиях, застрельщиками выступали владельцы автотранспорта, которые грозили провести 27 мая «предупредительную забастовку». Правая пресса усиленно подбивала на выступление коммерсантов.

Один из главарей профашистской организации «Патриа и либертад», Пабло Родригес, выступая по телевидению, заявил, что его люди не намерены ждать до 1976 года (то есть до окончания мандата президента Сальвадора Альенде). «Если состоятся выборы в 1976 году, — заявил он, — марксизм получит 80 процентов. Поэтому надо действовать до 1976 года». В письме 55 столичных районных руководителей оппозиции (кстати, без единой подписи), опубликованном в газете «Терсера», откровенно говорилось, что «гражданская война представляется реальной перспективой». С призывом к вооруженной борьбе против правительства выступила молодежная организация национальной партии, чьи ударные отряды «Роландо Мату с» не раз уже провоцировали кровавые столкновения.

В сообщении подчеркивалось, что крайняя реакция активно ведет практическую подготовку к перевороту и вооруженному столкновению.

Вожак «Патриа и либертад» Вальтер Роберто Тиме объявился в Аргентине, куда он перелетел на самолете, разыграв инсценировку, будто самолет потерпел аварию. Как оказалось, Тиме занимался сколачиванием вооруженных ударных отрядов реакции для развязывания гражданской войны. Фашистский главарь даже не считал нужным скрывать свои цели. «Пришел час взяться за оружие, чтобы защитить родину. Если гражданская война является ценой за освобождение Чили от марксизма, мы готовы заплатить эту цену», — заявил он аргентинской газете «Пренса».

Операция, проведенная службой расследования правительства в ночь с пятницы на субботу в разных городах Чили, подтвердила, что реакционные элементы накапливают оружие. Печать сообщала, что в Боливии, куда скрылся один из заговорщиков, майор Артуро Маршал, проходят военное обучение 3 тысячи наемников, которых готовят для вторжения в Чили и свержения Сальвадора Альенде.

Несмотря на столь угрожающее положение в стране, правительство сочло необходимым отменить 17 мая чрезвычайное положение в Сантьяго и одноименной провинции. Дело в том, что к Альенде стали поступать сведения об усилении подрывных действий реакции в рядах офицерства, что делало небезопасным передачу власти на длительное время в руки военных.

Фашисты между тем продолжали бесчинствовать по всей стране. Они спровоцировали беспорядки в городе Чильяне, где открыли стрельбу из пистолетов и забросали камнями помещение университета; взорвали в Вальпараисо машину министра внутренних дел; учинили погром в помещении местного управления школ в Пуэнте-Альто.

Крайне сложным было положение на крупнейшем в стране медном руднике «Эль-Теньенте», где с конца апреля часть технического персонала и высокооплачиваемых рабочих — около 20 процентов занятых на руднике объявили забастовку, сопровождавшуюся всякого рода террористическими актами. Забастовщиков поддерживали демохристиане и фашисты. Их боевики совершили в городе Ранкагуа нападения на помещения социалистической партии и городской комитет комсомола, на здание префектуры, на административное здание рудника «Эль-Теньенте», обстреляли здание левой радиостанции «Либертадор», пытались поджечь помещение газеты «Комерсио», осуждавшей забастовку.

Забастовка нанесла стране огромный ущерб, исчисляемый в десятки миллионов долларов. Сократилась добыча меди, правительство было вынуждено прекратить поставки меди в ФРГ, Англию, Венгрию. В парламенте оппозиция активно выступала «в поддержку» рабочих «Эль-

Теньенте», требуя удовлетворения их непомерных требований. Она проголосовала за конституционное обвинение против министров труда Луиса Фигероа и горнорудной промышленности Серхио Битара, заставив их покинуть свои посты. Положение стало столь напряженным в районе «Эль-Теньенте», что правительство было вынуждено ввести в провинции О'Хиггинс, где расположен рудник, чрезвычайное положение.

Президент Альенде, как и партии Народного единства, пытался найти приемлемую для сторон формулу, позволявшую уладить конфликт на руднике. Но лишь только правительство соглашалось удовлетворить требования бастующих, они тут же выдвигали новые, доказывая тем самым, что преследуют не экономические, а политические цели, стремясь любой ценой держать «открытым» конфликт с правительством и парализовать работу рудника.

Президент Альенде лично посетил поселок Севель, где живут горняки «Эль-Теньенте». Он выступил перед ними, подчеркнув, что забастовка горняцких «аристократов» направлена против народного правительства и проводимой им в жизнь программы преобразований. Президент обратил внимание горняков на тот факт, что их «защитниками» выступают сегодня те, кто никогда раньше не заботился о судьбе чилийских трудящихся. Однако, хотя 80 процентов горняков осуждали забастовщиков, убедить их вернуться к работе президент не смог. Забастовка продолжалась до самого 11 сентября 1973 года...

24 мая Сальвадор Альенде направляется в Буэнос-Айрес. Он приглашен на церемонию вступления в должность нового президента Аргентины Эктора Кампоры. В Буэнос-Айресе его встречают ликующие толпы аргентинцев, празднующие окончание многолетнего господства военного режима. Сальвадор Альенде и президент Кубы Освальдо Дортикос привлекают к себе всеобщее внимание. Новый глава аргентинского государства демонстративно оказывает им особые знаки внимания, приглашая вместе с ним расписаться в документе, подтверждающем его вступление в должность президента, — факт сам по себе уникальный в истории стран Латинской Америки.

Несколько дней спустя Альенде снова в Сантьяго. И на этот раз его противники не решились воспользоваться его отсутствием, чтобы захватить власть. По-видимому, они еще не были готовы к этому. Но в том, что они лихорадочно готовились к перевороту, никто не сомневался.

Не успел возвратиться Альенде в Сантьяго, как «Меркурио» опубликовала адресованное ему открытое письмо руководства генералов и адмиралов в отставке, в котором он обвинялся в нарушении конституции и

создании положения, угрожающего национальной безопасности. Это был манифест со слегка завуалированным призывом к свержению правительства.

Альенде 4 июня ответил отставным генералам и адмиралам также открытым письмом, в котором указал, что конституцию нарушают и покушаются на национальную безопасность не трудящиеся, не сторонники правительства, а правые, фашистские элементы, крупная буржуазия, империалисты, ведущие подрывные действия, угрожающие свергнуть страну в пучину гражданской войны.

5 июня Верховный суд признал «виновным» министра, наложившего административное взыскание на радиостанцию, которая вела яростную кампанию за свержение правительства (министр приказал прервать ее передачи на 6 дней). На следующий день, 6 июня Альенде встретился с руководителями партий Народного единства, которым заявил, что, по его мнению, оппозиция попытается совершить государственный переворот в течение ближайших трех месяцев. Альенде предупредил руководителей левых партий, что им следует перестроить свою внутреннюю организацию и свои низовые органы, если они хотят во всеоружии встретить мятежников. Тогда же он предложил разрешить конфликт с парламентом путем референдума по вопросу о конституционной реформе, которая разграничила бы сферы различных секторов экономики. В этот день левые партии единогласно высказались против референдума. Если добавим к этому, пишет политический советник президента Хоан Гарсес, обструкцию со стороны парламента, Верховного суда, Конституционного суда, можно прийти к выводу, что конституционный этап чилийского революционного процесса был пройден в начале июня.

В середине июня национальная партия опубликовала заявление, в котором объявляла власть президента Альенде незаконной и утверждала, что «согласно праву и морали никто не обязан уважать и подчиняться правительству, утратившему свою законность». В изданном одновременно «Манифесте гражданского сопротивления», подписанном руководством национального молодежного движения, говорилось: «Мы убеждены, что Чили вступила в этап окончательных решений. Лучше пойти на прискорбный риск насильственного решения, как бы дорого оно ни стоило и ни было бы печальным, чем смиренно согласиться с подчинением демократического большинства марксистскому меньшинству».

25 июня органы безопасности Чили арестовали в Чильяне группу членов банды «Роландо Матус», у которых при обыске было изъято большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. На допросе

арестованные сознались, что участвовали в нападениях на прогрессивных политических деятелей, совершали террористические акты. Некоторые из них сообщили, что их организация ведет подготовку к антиправительственному мятежу и захвату власти.

В те же дни служба расследования получила сведения, что один из главных руководителей «Патриа и либертад», адвокат Миранда Каррингтон, тесно связанный с североамериканскими разведывательными органами, намекнул, что «день икс» (переворот) назначен на среду 27 июня.

27-го «Меркурио» вышла со статьей, призывавшей свергнуть правительство. Орган «мумий» требовал возложить на небольшую группу избранных военных задачу покончить с политической анархией.

Однако 27 июня переворота не произошло. Вместо него было совершено провокационное покушение на главнокомандующего армией генерала Пратса. За его машиной была устроена погоня. Пратс был вынужден выстрелом из пистолета остановить один из автомобилей, который пытался перекрыть ему дорогу. В автомобиле сидела некая Алехандрина Кокс, аристократка, известная своими фашистскими симпатиями. Она заявила, что всего лишь «показала язык» главнокомандующему. Тут же оказались реакционные журналисты из газет и телевидения, запечатлевшие эту сцену. Генерала окружила толпа провокаторов. Его подняли на смех. Кто-то проколол шины его автомобиля. Под улюлюканье «граждан» главнокомандующий покинул «поле боя», как сообщала враждебная правительству печать, в такси...

Возмущенный этой провокацией, генерал Пратс немедленно подал заявление об отставке. Именно этого и добивались заговорщики. Ведь в случае ухода Пратса с поста его место согласно старшинству должен был занять Аугусто Пиночет... Но Альенде, который уже был в курсе готовившегося вот-вот вспыхнуть реакционного мятежа, уговорил Пратса взять свое заявление обратно. Генералы, включая тех, кто был замешан в заговоре, опасаясь, что он раскрыт, тоже поддержали Пратса. В тот же вечер комендантом столицы был назначен сторонник Пратса генерал Сепульведа.

В этот крайне напряженный, насыщенный острыми событиями и слухами о неминуемом перевороте день Сальвадор Альенде нашел время, чтобы принять в «Ла-Монеде» советского представителя Комитета по международным Ленинским премиям академика Н. Н. Блохина, который вручил президенту присужденную ему комитетом награду.

— Я получаю высокую награду, которой является международная Ленинская премия мира, — сказал Альенде, — от имени всего народа

Чили, заслужившего ее своим постоянным стремлением к миру, своей непреклонной решимостью бороться за мир и взаимопонимание между народами.

Президент подчеркнул огромную ценность международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» как символа ленинских идей, как дани уважения В. И. Ленину — величайшему мыслителю, социальному борцу, революционному созидателю и гуманисту. Он напомнил о высказываниях В. И. Ленина, в частности о том, что мир несовместим с эксплуатацией человека человеком.

— Для меня, — сказал далее Сальвадор Альенде, — особенно важно, что этим высоким отличием я удостоен одновременно с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Вооруженный ленинскими принципами, Л. И. Брежнев борется за мирное сосуществование, за диалог между государствами, в защиту Вьетнама. Генеральный секретарь ЦК КПСС понимает ответственность руководителей великих держав в современную эпоху, — подчеркнул президент.

Чили, — продолжал Сальвадор Альенде, — проводит внешнюю политику, основанную на диалоге, на соблюдении договоров, на принципах мирного сосуществования, уважения права на самоопределение и отрицании вмешательства в дела других стран.

В нашей стране идет сейчас процесс коренных преобразований, — сказал президент, — и, будучи сторонниками мира, мы стремимся проводить эти преобразования в условиях демократии и свободы. Мы знаем, сколь опасны наши внешние и внутренние враги, но я все же уверен, что подавляющее большинство моих соотечественников выступает за сохранение внутреннего мира, против гражданской войны.

В заключение Сальвадор Альенде сообщил, что он передает денежную сумму премии на строительство в Чили специализированного детского медицинского учреждения, которое будет носить имя В. И. Ленина.

В четверг, 28 июня, политическое напряжение и общая нервозность продолжали нарастать. В этот день с утра генерал Сепульведа собрал журналистов в своем кабинете в министерстве национальной обороны и заявил им, что руководство армии еще во вторник получило сведения о готовящемся на среду мятеже. В тот же день были арестованы некоторые из заговорщиков, которые дали показания, подтверждавшие имевшиеся в распоряжении властей сведения на этот счет.

— В заговоре замешаны гражданские лица и младшие офицеры. Количество арестованных и их имена пока не подлежат огласке, — сказал генерал Сепульведа.

В тот же вечер министр национальной обороны Хосе Тоа докладывал сенату о раскрытии заговора. Выступление Хосе Тоа было встречено злобными нападкамии оппозиции, представители которой обвиняли министра в подтасовке фактов, вымыслах, стремлении покончить с противниками правительства под предлогом подавления несуществующих заговоров. В знак протеста против оскорблений и злобных выпадов со стороны оппозиционных лидеров министр покинул сенат.

Вечерние оппозиционные газеты пытались разоблачения генерала Сепульведы и министра национальной обороны Хосе Тоа превратить в фарс. «Самозаговор», «Крайне таинственный переворот», «Переворот, которого не было» — под такими шапками сообщали правые газеты о раскрытии заговора. «Меркурио» утверждала, что правительственные сообщения о заговоре «нелепы и преувеличены».

А заговорщики, оставшиеся на свободе, готовились к перевороту. Как стало потом известно, Пабло Родригес перевел своих боевиков на подпольное положение, дав указание вооружиться и ждать инструкций, которые будут переданы по радиостанции «Агрикультура».

Переворот должен был совершить 2-й бронетанковый полк, казармы которого расположены неподалеку от «Ла-Монеды». Им командовал майор Роберто Супер, брат которого, Хаиме Супер, являлся одним из главарей «Патриа и либертад». Хотя майор Роберто Супер был 28-го отстранен от командования полком, он в 7 часов утра 29-го проник в расположение полка, вывел 8 танков на улицу и повел их к министерству национальной обороны, чтобы освободить арестованных офицеров, обвиненных в подготовке переворота.

Мятежники освободили содержащихся там под арестом своих сообщников, после чего танки загромыхали к «Ла-Монеде», расположенной в двух шагах от министерства. Заняв позиции на площади Конституции, против президентского дворца, мятежники открыли по нему огонь.

Их поддержали снайперы, захватившие к тому времени соседние с «Ла-Монедой» здания министерства финансов и Южноамериканского банка.

Охранявшие «Ла-Монеду» 60 карабинеров подняли над дворцом штандарт главы государства и стали отстреливаться, не изъявляя желания убраться мятежникам.

Заговорщики, однако, уже трубили победу. Их рупор — радиостанция «Агрикультура», передававшая с самого утра кодовую фразу «Запомните, сегодня 29 июня», оповестила своих слушателей в 9 часов утра, что

военные захватили «Ла-Монеду» и свергли Альянде. То же самое телеграфировал из Сантьяго корреспондент Ассошиэйтед Пресс. Врагам правительства Альянде явно не терпелось видеть его поверженным.

Но до победы мятежников было далеко. О дальнейшем развитии событий президент Альянде рассказал потом следующее:

— В 8 часов 55 минут мне позвонил в президентскую резиденцию на Томас Моро заместитель министра внутренних дел Даниэль Вергара. Он был краток, и его слова не нуждались в комментариях: «Товарищ президент! На площади Конституции перед «Ла-Монедой» — танки. Они обстреливают дворец. Мне сообщают, что дворец и с других сторон окружен танками». Я заверил Вергару, что немедленно приму меры к подавлению мятежа. После чего связался с генералом Пратсом и отдал соответствующие распоряжения. Несколько минут спустя снова раздался звонок от Даниэля Вергары: «Президент! Мятежники приказывают нам сдаться. Карабинеры, возглавляемые лейтенантом Пересом, отказываются подчиниться приказу мятежников». Я сказал Вергаре: «Пусть лейтенант Перес повторит историческую фразу в ответ на ультиматум мятежников: «Гвардия умирает, но не сдается, дерьмо!» Между тем главнокомандующий вместе с генералами Пиночетом, Пикерингом, Урбиной и Сепульведой наметили план подавления мятежа...

Да, президент Альянде не ошибся, не оговорился. Это тот самый генерал Аугусто Пиночет, «горилла», заговорщик, будущий убийца президента. Он, как Иуда, притворялся единомышленником Пратса, сторонником президента. Он боялся за свою шкуру, боялся разоблачений. Он участвовал в заговоре, а теперь заметал следы, готов был прикончить своих единомышленников, лишь бы самому уцелеть.

Струсили и демохристианские лидеры. Они стали звонить Альянде и заверять его, что не поддерживают мятежников.

Как же думал действовать генерал Пратс? Он отдал приказ генералу Оскару Бонилье во главе артиллерийского полка «Такна» (того самого, который в 1970 году поднял мятеж, возглавленный Вио) занять казармы 2-го бронетанкового полка и арестовать его офицеров. В лице генерала Оскара Бонильи заговорщики имели еще одно доверенное лицо, подручного Пиночета. Бонилья в прошлом был адъютантом Фрея и военным атташе в Вашингтоне. Он тоже участник заговора, но ни Пратс, ни Альянде об этом не знают. Парадоксальная ситуация: заговорщики подавляют заговорщиков. Как это объяснить? По-видимому, майор Супер и его сообщник Родригес самовольничали, двинулись в бой, не спросив на то разрешения у подлинных главарей заговора — Пиночета, Бонильи и

прочих. Последние в надежде усыпить бдительность Альенде и получить в будущем большую свободу действий решили пожертвовать своими не в меру ретивыми последователями.

Пока генерал Бонилья пытался овладеть казармами 2-го бронетанкового полка, Пратс направился во главе колонны, в которую входили части полка «Бенин» и курсанты различных военных училищ, к президентскому дворцу, все еще находившемуся под обстрелом танков.

Не менее энергично действовал преданный правительству генеральный директор корпуса карабинеров генерал Сепульведа. Он направил в распоряжение Альенде в его резиденцию на улицу Томас Моро два батальона карабинеров и шесть танкеток (легких танков).

Альенде несколько раз обращался по радио к трудящимся, информируя их о ходе событий и призывая занять предприятия.

В 10 часов утра курсанты военных школ и подразделения полка «Бенин» заняли позиции в районе «Ла-Монеды», практически окружив танки мятежников. Пытаясь избежать кровопролития, генерал Пратс в сопровождении двух адъютантов направился на площадь Конституции к стрелявшим по «Ла-Монед» танкам и добился сдачи в плен экипажей четырех из них. Командир пятого танка отказался выполнять приказ о сдаче и хотел выстрелить в главнокомандующего из пистолета. К счастью, адъютант генерала, майор Савала, успел его обезоружить. Оставшиеся три танка бежали с поля боя обратно в казармы 2-го бронетанкового полка, где сдались войскам генерала Оскара Бонильи.

В 11 часов 45 минут Сальвадор Альенде в сопровождении личной охраны, группы карабинеров, под охраной трех танкеток прибыл в «Ла-Монеду», где его встретили командующие сухопутными войсками, ВВС и ВМС, а также министр национальной обороны. На площади стояли пять танков мятежников, их орудия молчали. Экипажи танков уже находились под арестом. Но по дворцу все еще стреляли снайперы, засевшие в соседних" домах. Вскоре и они замолчали. Мятеж провалился. При его подавлении 12 человек было убито, из них 7 военных, несколько десятков было ранено. Аресту подверглись только участвовавшие в мятеже офицеры. Они были отданы под суд военного трибунала. Солдаты, выполнявшие их приказы, не понесли какого-либо наказания. В тот же день, 29 июня, в 5 часов пополудни фашистские вожаки во главе с Пабло Родригесом укрылись в эквадорском посольстве. Они вскоре получили разрешение покинуть страну и вылетели в Эквадор.

Во второй половине дня трудящиеся столицы стали стекаться к президентскому дворцу. Они скандировали лозунги: «Власть народу»

правительству!», «Альенде, народ с тобой!», «Под суд мятежников!»

Вечером на площади против «Ла-Монеды» состоялся митинг солидарности с президентом Альенде, в котором участвовало свыше ста тысяч человек. Перед собравшимися с балкона дворца выступил президент. Он рассказал о планах заговорщиков, как они были расстроены преданными правительству военными силами.

— Мы продолжим выполнение нашей программы в обстановке демократии и свободы, — заверил Альенде собравшихся. — Однако это не значит, что мы примиримся с антидемократическими силами, подрывными фашистскими элементами. — Президент заявил, что, соблюдая конституцию, не распустит национальный конгресс, хотя контролирующая конгресс оппозиция и вдохновляет тех, кто ведет подрывную деятельность против правительства. Если же понадобится, то он прибегнет к плебисциту, чтобы дать народу высказаться. — Товарищи, трудящиеся Сантьяго! — заключил президент. — Мы должны организовать, создать народную власть, но не против правительства и не независимую от правительства, а на основе правительства, которое является главным инструментом в руках рабочих, с помощью которого они могут дальше развивать революционный процесс.

Вечером того же дня президенту Альенде вручили послание, подписанное руководителями КПСС и Советского правительства Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным:

«С чувством глубокого негодования советские люди узнали о провокационной вылазке мятежников. Восхищены Вашими решительными и мужественными действиями по пресечению враждебных правительству Народного единства акций реакционных сил.

В этот сложный период, переживаемый мужественным народом Чили, от имени советского народа выражаем нашу братскую солидарность с Вами и правительством Народного единства. Уверены в том, что никакие происки и замыслы реакции не остановят стремление дружественного чилийского народа к осуществлению прогрессивных социально-экономических преобразований, укреплению независимости своего государства».

Президент ответил советским руководителям телеграммой на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева:

«С волнением благодарю за послание и братскую поддержку, которую Вы выразили мне от имени наших советских товарищей, еще раз подтвердив неизменную солидарность Вашей страны с начатым чилийским народом с железной революционной решимостью процессом национального освобождения.

Вновь наши вооруженные силы и силы общественного порядка проявили верность своей традиции, которая стала для нас, чилийцев, одной из самых замечательных причин гордости.

Небольшая группа обманутых попыталась сломать эту традицию — и остановить с помощью силы победоносное продвижение нашего народа, но она потерпела полный провал. Организованные трудящиеся и вооруженные силы и силы общественного порядка, имеющие высокий профессиональный уровень и уважающие законы, представляют собой непреодолимую преграду для любого фашистского мятежа.

Ваше послание, товарищ Брежнев, приобретает для нас особо важное значение, так как оно выражает чувства советского народа, который снискал историческое признание всех тех, кто борется за освобождение наших стран и за достоинство человека, особенно в тех районах земли, где еще сохраняется эксплуатация человека человеком.

Эта новая победа Чили должна быть достойно отмечена в великом списке замечательных побед во имя мира во всем мире и окончательного поражения империализма.

Вас обнимает с революционным волнением Сальвадор Альенде Госсенс, президент Республики Чили».

Этот, насыщенный драматическими событиями день 29 июня широко комментировался мировой печатью.

Корреспондент агентства «Франс пресс» в Сантьяго так суммировал итоги 29 июня: «Сальвадор Альенде вернулся 29 июня к себе во дворец более сильным, чем вышел оттуда накануне. Таково заключение наблюдателей после попытки переворота, имевшей место в Сантьяго... Кроме того, было доказано, что он может рассчитывать на мощную народную поддержку, поскольку, как только было объявлено о перевороте, рабочие немедленно заняли предприятия и большинство зданий, в которых они находились... Можно считать, как полагают наблюдатели, что Сальвадор Альенде выйдет окрепшим из этого испытания, которое позволило ему составить представление о самых ярых его противниках и одновременно удостовериться в собственных силах».

Более осторожной была оценка, данная английской газетой «Обсервер»: «Когда Альенде преодолит очередной кризис, он, вне всякого сомнения, постарается сохранить свое обычное изящество и умение жить. Его галстук по-прежнему будет элегантным и неброским, хорошо гармонирующим с рубашкой. Усы по-прежнему будут слегка топорщиться. Трудности, которые ему приходится преодолевать, редко заставляют его терять самообладание. Когда он в подавленном настроении, по словам его

близких друзей, он говорит, что смирился с мыслью, что ему суждено умереть от пули убийцы.

Сейчас он пережил еще одну тревожную неделю и не надломился. Завтра он снова примется за решение поставленной им перед собой задачи: как приготовить социалистическую яичницу, не разбив при этом чересчур много яиц.

Он полон решимости выжить, и в Чили нет лучшего, чем он, специалиста по тактике выживания. Однако выстрел убийцы не исключен...»

Не исключался не только выстрел убийцы... События 29 июня, несомненно, явились поражением реакции и победой правительства Сальвадора Альенде. «Танкасо», как стали называть июньский мятеж в печати, провалился, как в свое время «Танкасо». Но враг не был ни разгромлен, ни разоружен. Был отсечен лишь один из его многочисленных органов, поражена лишь видимая часть реакционного айсберга. Поединок продолжался.

МЯТЕЖ

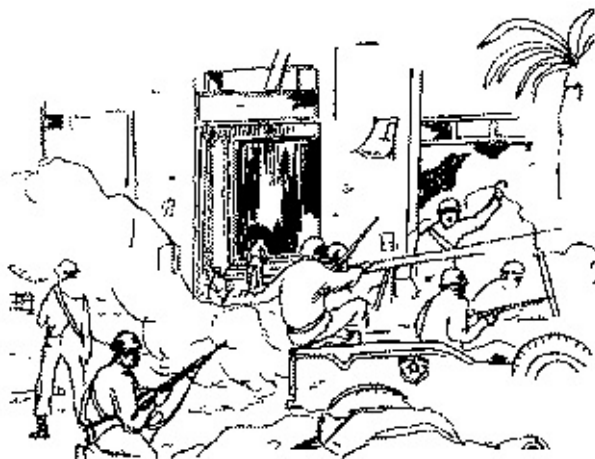
Так пишется первая страница этой истории. Мой народ и Америка напишут остальное.

Сальвадор Альенде.

11 сентября 1973 года

О Родина, ты ранена,
но никогда не будешь побежденной!

Пабло Неруда.

«ГОРИЛЛЫ» ГОТОВЯТСЯ К ПРЫЖКУ

После «Танкасо» Альянде с согласия партий Народного единства вступил в переговоры с руководством демохристианской партии, пытаясь достичь взаимоприемлемого компромисса, который позволил бы избежать гражданской войны. Президент предложил демохристианам войти в правительство. Это явилось бы дополнительной гарантией для средних классов, что их интересы не будут нарушены.

Однако правые лидеры демохристиан во главе с Фреем отклонили протянутую им руку президента. Они расценили его жест как признак слабости. Они хотели не мира, а свержения Альянде, надеясь унаследовать после его падения власть. Они были уверены, что найдутся «гориллы», которые охотно выполнят за них черную работу — низложат Альянде. Они знали, что, кроме замешанных в неудачном «Танкасо» офицеров, они могут рассчитывать на ряд генералов и адмиралов, давно уже готовившихся проявить свой «патриотизм». Нужно было только еще сильнее расшатать социальный порядок, взбудоражить общественное мнение, накалить до предела страсти, чтобы подбодрить, подтолкнуть «патриотов» в военных мундирах на решительные действия.

Их игра были шита белыми нитками. На что же рассчитывал президент и его сторонники в борьбе с ними? В первую очередь на поддержку трудящихся, сотни тысяч которых под руководством Единого профцентра трудящихся на следующий же день после «Танкасо» вышли на субботник и ударным трудом оказали действенную поддержку народному правительству. Несмотря на саботаж и подрывную работу реакции, в стране росли производительность труда и производство, была проведена в сжатые сроки и на высоком агротехническом уровне посевная кампания. Даже после фашистского переворота Общество промышленного развития — организация чилийских предпринимателей — в официальном заявлении признало, что валовой национальный продукт (в том числе продукты питания) увеличился в 1973 году на 5,1 процента.

Рабочий класс был главной опорой правительства Альянде. «Несмотря на рост инфляции, — писал в журнале «Нейшн» американский профессор Брэдфорд Берне, побывавший в Чили накануне переворота, — рабочий класс почувствовал, что его покупательная способность при правительстве Альянде заметно возросла. Дети рабочих впервые ежедневно пили молоко; потребление рабочими мяса увеличилось, такие потребительские товары,

как велосипеды, радиоприемники, телевизоры и кухонные плиты — роскошь, которая давно была предметом их мечтаний, — стали обычным явлением в домах рабочих. На месте жалких трущоб и лачуг правительство возвело достойные человека жилища, делая упор на строительство домов для бедняков. В то время как жилищные условия представителей среднего класса несколько осложнились, самые непривилегированные стали жить как некогда хорошо».

Поддерживали правительство и крестьяне, получившие от него землю. Они понимали, что свержение Альенде лишило бы их земли, превратило бы вновь в рабов помещиков и латифундистов.

Но рабочие и крестьяне, хотя и являлись грозной силой, были безоружны, вооружить же их даже при желании было нелегко. «Было бы грубой ошибкой полагать, что у Народного единства, — отмечает Хоан Гарес, — было достаточно много времени, чтобы раздать оружие трудящимся. Нельзя было даже предпринять такого рода действие, чтобы о нем тут же не стало известно вооруженным силам. И лояльные, и мятежные офицеры, все как один, выступили бы против. Рабочее движение оказалось бы изолированным перед лицом всех вооруженных сил, готовых защищать свое единственное право: монополию на обладание оружием».

Значит, положение было безнадежным? Альенде так не считал. Он надеялся, что в случае конфронтации часть армии во главе с генералом Пратсом останется, как и 29 июня, лояльной к правительству, и это вместе с поддержкой рабочих и крестьян вновь обеспечит ему победу.

Президент был уверен, что сможет «совладать» с военными. Они усыпили его бдительность слишком частыми заявлениями в преданности и готовности защищать его. Особенно раболепствовал перед Альенде генерал Пиночет.

4 июля Альенде реорганизовал правительство, введя в его состав шесть новых министров. Правительство представляло и на этот раз все группировки Народного единства. Президент указал, что основной задачей нового кабинета является выполнение чрезвычайного плана решения срочных проблем страны, цель которого — укрепление экономики страны, обеспечение общественного порядка, развитие массовых общественных организаций, централизация экономического планирования и введение представителей массовых организаций в состав административного аппарата государства.

В ответ на это заявление президента со стороны правых раздались вопли негодования и возмущения: дескать, правительство намеревается совершить антиконституционный переворот, вооружить рабочих, разогнать

судебные органы, установить диктатуру. Реакционеры, сами готовившиеся к перевороту, придерживались традиционной для них тактики обвинять Народное единство в том, в чем сами были повинны.

9 июля Луис Корвалан, выступая на расширенном активе столичной организации компартии, отметил, что правые силы попытались произвести государственный переворот, но потерпели поражение благодаря решительным действиям вооруженных сил и сил общественного порядка, верных своему долгу, и поддержке, которую оказал правительству весь народ.

Опасность повторения подобных акций реакционеров не ликвидирована полностью, предупредил Корвалан. Призывая оставаться в боевой готовности и быть начеку по отношению к происках реакция, Генеральный секретарь компартии все же считал, что еще возможно избежать вооруженной конфронтации с правыми.

— Мы, — сказал он, — всегда заявляли и, несмотря на недавние события, повторяем сегодня, что в условиях Чили имеется возможность осуществления антиимпериалистической и антиолигархической революции мирным путем, что можно продвигаться к социализму без развязывания гражданской войны, хотя, несомненно, в условиях ожесточенной классовой борьбы. До тех пор, пока сохраняется малейшая возможность проводить в жизнь программу прогрессивных преобразований мирными способами, мы будем выступать против попыток развязывания гражданской войны.

Вместе с тем Корвалан предупредил, что необходимо быть готовыми к любому повороту событий.

Со своей стороны, Сальвадор Альенде в речи на митинге на медном руднике «Эль-Сальвадор» в День национального достоинства 11 июля опроверг распространявшиеся реакцией слухи о вооружении рабочих.

— Говорят, — сказал президент, — будто бы предпринимаются акции, чтобы заменить вооруженные силы народной армией. Я говорил и повторяю снова в этот День национального достоинства перед лицом Чили: нет никаких вооруженных сил, кроме тех, что предусмотрены конституцией, — сухопутных, военно-морских и военно-воздушных. Нет других сил порядка, кроме карабинеров и службы расследования.

Если реакция попытается спровоцировать гражданскую войну, заявил президент, народ будет бороться вместе с верными вооруженными силами, чтобы защитить мир в Чили.

Но именно последнего и не хотели допустить противники правительства. В середине июля, придя в себя после «Тапкасо» и перестроив заново свои ряды, они вновь двинули ударные отряды «Патрпа

и либертад» и «Ролапдо Матус» против правительства. 10 июля фашистские головорезы бросили в городо Вппья-дель-Мар заряды с взрывчаткой в два многоэтажных здания, населенных офицерами военно-морского флота и их семьями.

Усиление террористической деятельности, призывы со страниц реакционных газет к борьбе с правительством, обстановка заговоров и подрывных действий — все это вело к кровопролитию. Такая перспектива пугала многих чилийцев. Тревога охватила и церковных иерархов. От их имени кардинал Рауль Сильва Энрикес призвал население к мирному решению имеющихся проблем, к диалогу, к совместным действиям различных политических течений для предотвращения братоубийственной войны. Призыв кардинала поддержали левые партии, входящие в блок Народного единства, профсоюзы, различные массовые организации, а также определенная часть реалистически мыслящих политических деятелей оппозиции.

Генеральный секретарь компартии Луис Корвалан в письме, направленном кардиналу, сообщил, что чилийские коммунисты поддерживают призыв церкви и сделают все от них зависящее, чтобы преградить путь вооруженному столкновению. «Единый профцентр трудящихся, — говорилось в декларации руководящего органа чилийских профсоюзов, — заявляет о своем присоединении к словам кардинала. В нашу организацию входят трудящиеся самых различных философских и политических воззрений, принадлежащие как к правительственным партиям, так и к партиям оппозиции. Однако превыше таких различий является то, что объединяет всех нас, — решимость рабочего класса, всех трудящихся покончить с капитализмом и открыть в Чили путь революционным изменениям...» Единый профцентр выразил решимость использовать все свое влияние и силу для того, чтобы помешать реакции развязать в стране гражданскую войну.

С таких же позиций выступил и Сальвадор Альенде. 25 июля он произнес речь на заседании пленума федераций Единого профсоюзного центра трудящихся, в которой подчеркнул, что главное сейчас — поиск политического выхода из создавшейся в стране сложной обстановки. Он отметил, что за установление подобных контактов высказалось много видных представителей общественности, а также некоторые деятели оппозиционной христианско-демократической партии и руководители чилийской католической церкви.

Чтобы избежать гражданской войны, сказал Альенде, необходим диалог. Президент отметил в своем выступлении основные возможные

темы дискуссии. Это прежде всего необходимость укрепления законной власти правительства. В ходе диалога с оппозицией должны быть обсуждены вопросы разграничения компетенции различных органов власти и точного определения секторов национальной экономики. Глава государства подчеркнул необходимость срочных мер для борьбы с инфляцией. Целью общенационального диалога, сказал он далее, является создание условий для преодоления существующих экономических трудностей.

Руководство демокристической партии было вынуждено согласиться вступить в такой диалог с Народным единством. Это обеспокоило реакционеров. Они двинулись в атаку с удвоенной силой. 27 июля их террористы совершили еще одно гнусное преступление — убили военно-морского адъютанта президента капитана первого ранга Артуро Арайа. Террористы были пойманы и отданы под суд военно-морского трибунала, но это было все равно что бросить пойманную щуку обратно в реку: судебные органы, в том числе и военные, явно благоволили террористам и не скрывали этого.

В тот же день, когда был убит Арайа, вновь объявили общенациональную забастовку собственники грузовиков.

Член Политкомиссии ЦК КПЧ Володя Тейтельбойм так объяснил советскому журналисту, почему противники правительства повторно решили использовать в подрывных целях транспортников:

— Во-первых, владельцы тяжелых грузовиков и небольшая группа хорошо оплачиваемых водителей объединены в профсоюз, руководство которого полностью находится под контролем реакционных элементов. Во-вторых, автомобильный транспорт в нашей стране играет очень важную роль, гораздо более важную, чем железнодорожный. Взгляните на карту, и вы увидите, что Чили представляет собой узкую полосу земли, стиснутую между высокими Кордильерами и водами Тихого океана. Не случайно паш писатель Бенхамин Суберкасо сравнил Чили со шпагой, «эфес которой блесит в лучах вечного солнца пустыни Атакама, а острие упирается в холодные льды Антарктики». Длина же этой «шпаги» более четырех тысяч километров. Север и юг страны соединяет только одна автострада — Панамериканское шоссе. День и ночь по Панамериканке движутся вереницы грузовиков, которые снабжают населенные пункты, расположенные вдоль автострады, всем необходимым. А теперь представьте, что водители грузовиков отказались работать. Один день они не выходят на линию, второй, пятый, десятый... Страна оказывается фактически разъединенной, между городами нет сообщения. Население

лишается продовольствия, заводы и фабрики — сырья. На полях стоит техника: вовремя не поступило горючее; на молочных заводах портится продукция: нет машин, чтобы вывезти ее. Вполне естественно, страна несет огромные потери. В прошлом году, например, такой забастовкой стране был нанесен ущерб на сумму около 6 миллиардов эскудо. Все эти акции поставили страну в очень тяжелое, я бы даже сказал, критическое положение...

С началом забастовки кривая терроризма резко пошла в гору. Фашистские бандиты взорвали участки двух нефтепроводов в пригороде столицы, разрушили взрывчаткой подстанцию в городе Ранкагуа, прервав тем самым движение поездов, следующих из Сантьяго в южные провинции; взорвали в районе Курико, в 190 километрах к югу от столицы, важный нефтепровод. В результате этого взрыва свыше 15 человек получили тяжелые ранения, были разрушены жилища. В населенных пунктах, расположенных неподалеку от нефтепровода, вспыхнули пожары. Была совершена диверсия в туннеле на магистрали Сантьяго — Вальпараисо. Террористы пытались убить директора Управления промышленности и торговли Патрисио Пальму.

2 августа к забастовщикам грузовиков присоединились собственники автобусов и такси, в значительной степени парализовав городской транспорт.

И на этот раз правительство было готово пойти на определенные уступки забастовщикам. Но забастовка транспортников не прекращалась. Ее заводили во главе с Леоном Вильярином, ставшим после свержения Альенде советником Пиночета по рабочему вопросу, выдвигали все новые и новые требования уже не экономического, а политического характера. Они потребовали уволить заместителя министра общественных работ и транспорта Хаиме Файвовича, а когда президент отказался подчиниться, национальный профсоюз владельцев транспорта объявил всеобщую забастовку «солидарности» с собственниками грузовиков. По мере того как продолжалась забастовка, Вильярин требовал свертывания аграрной реформы, отказа правительства от политики национализации и дошел до требования отставки самого президента.

Правительство пыталось реквизировать грузовики бастующих и передать их шоферам, изъявлявшим желание работать. Но собственники грузовиков встречали правительственных чиновников камнями и выстрелами, провоцировали кровавые столкновения.

Потакая Вильярину, оппозиция выдвинула в конгрессе конституционное обвинение против министра внутренних дел Карлоса

Брионеса, требуя его смещения.

Новая волна подрывных действий реакции в Чили вызвала законную озабоченность прогрессивных сил в странах Латинской Америки и на других континентах. Сенат Аргентины направил дружеское послание чилийскому народу с выражением солидарности с его борьбой против черных сил реакции и империализма. Такие же послания направили в Чили общественные организации Перу, Венесуэлы, Колумбии, Эквадора. Всемирная федерация профсоюзов призвала людей труда всего мира выступить в защиту чилийского народа, отстаивающего свои социальные завоевания. Трудящиеся Советского Союза на многочисленных митингах выражали солидарность с чилийским народом. Представители интеллигенции многих стран откликнулись на обращенный к ним призыв Пабло Неруды поддержать дело Народного единства, осудить преступные действия фашистских заговорщиков.

В эти драматические дни Фидель Кастро обратился к Сальвадору Альенде с письмом, в котором выражал тревогу в связи с развитием событий в Чили и солидарность с чилийскими трудящимися:

«Гавана, 29 июля 1973 года.

Дорогой Сальвадор!

Под предлогом обсудить с Тобой вопросы, относящиеся к Конференции неприсоединившихся государств. Карлос и Пинеиро^[14] направляются к вам. Их цель — узнать от Тебя о положении и предложить Тебе, как всегда, наше сотрудничество в борьбе с трудностями и опасностями, препятствующими и угрожающими революционному процессу.

Их пребывание будет кратким, так как у них здесь много неотложных обязанностей, и, хотя это наносит ущерб их делам, мы решили, чтобы они все же совершили эту поездку.

Вижу, что вы предприняли весьма сложный диалог с христианскими демократами в условиях, когда происходят такие серьезные события, как зверское убийство твоего морского адъютанта и новая забастовка собственников грузовиков. Понимаю, что это вызвало большое напряжение. Понимаю и Твое желание выиграть время, что позволит улучшить соотношение сил на случай, если начнется (вооруженная) борьба, и, если это возможно, найти путь, который позволил бы развивать дальше революционный процесс без гражданской войны и вместе с тем снять с Тебя историческую ответственность за события, которые могут произойти. Эти стремления достойны похвалы. Но если противная сторона, подлинные цели которой мы не в состоянии определить отсюда, настаивала бы на

коварной и безответственной политике, требуя от Народного единства и революции невозможную плату, что отнюдь не исключается, не забывай ни на секунду об огромной помощи чилийского рабочего класса и о решительной поддержке, которую он Тебе оказывал во все трудные моменты. Рабочий класс в состоянии по Твоему приказу спасти революцию, находящуюся под угрозой, — парализовать заговорщиков, обеспечить поддержку неустойчивых, решительным образом, если необходимо, определить дальнейшую судьбу Чили. Враг должен знать, что рабочий класс на чеку и готов вступить в бой. Его сила и боевитость могут определить соотношение сил в столице в Твою пользу, даже при наличии прочих отрицательных обстоятельств.

Твое решение защищать процесс твердо и с честью, даже ценой Твоей собственной жизни, — все знают, что Ты способен именно так поступить, — привлекут па Твою сторону всех честных мужчин и женщин Чили. Твое мужество, самообладание и храбрость в этот исторический час Твоей родины, и прежде всего Твое твердое руководство, решительно и героически осуществляемое, — вот основное в данной ситуации.

Сообща Карлосу и Мануэлю, в чем мы, Твои преданные кубинские друзья, можем оказать Тебе содействие.

Подтверждаем Тебе любовь и безграничное доверие нашего народа.

С братским приветом

Фидель Кастро».

Текст этого письма был обнародован 28 сентября 1973 года Фиделем Кастро на траурном митинге в Гаване, посвященном памяти Сальвадора Альенде.

После переворота «гориллы», действовавшие по наущению иностранных монополий, ссылаясь на обрывки из этого письма, пытались утверждать, что Куба вмешивалась во внутренние дела Чили. Нелепо, глупо, смешно, говорил Фидель Кастро на траурном митинге, пытаться представить это письмо — выражение солидарности, дружбы и поддержки нашего народа президенту, которому угрожали империалисты, реакционеры и фашисты — как доказательство вмешательства во внутренние дела Чили. Когда чилийцы сражались за свою независимость, люди из всех уголков Американского континента не только писали им письма, но присоединялись к ним, чтобы вместе бороться за правое дело.

30 июля начались переговоры между председателем христианско-демократической партии Патрисио Эльвином и Сальвадором Альенде. Президент и партии Народного единства были готовы пойти на существенные уступки, чтобы достичь примирения с демохристианами. Но

правые лидеры ХДП и на этот раз выдвинули неприемлемые условия, потребовав, чтобы контроль над деятельностью правительства на всех уровнях осуществляла армия. На практике это означало передачу всей власти военным. Было ясно, что правые демохристиане, по существу, добивались «мирного» переворота. Разумеется, ни Альянде, ни партии Народного единства не могли согласиться с такого рода требованием. Переговоры с демохристианами были прерваны 3 августа.

4 августа Альянде поручил армии обеспечить нормальную работу транспорта и объявил о том, что все правительственные учреждения и службы переводятся на чрезвычайное положение. Он отметил также, что все государственные служащие будут работать по субботам и воскресеньям, если это потребуется, чтобы создать вместе с правительством и вооруженными силами единый фронт для борьбы против реакции, спровоцировавшей незаконную забастовку владельцев грузовиков, которая приносит серьезный ущерб экономике страны.

Десятки тысяч добровольцев — рабочих, студентов, школьников участвовали в доставке и разгрузке продуктов питания и других важных грузов. Единый профцентр трудящихся Чили создал Комитет бдительности и охраны промышленных предприятий, которому была поручена охрана грузового транспорта, железных дорог и других важных объектов от нападений фашиствующих банд. Однако террористы, пользуясь покровительством судебных органов, обвинявших правительственных чиновников в превышении полномочий, продолжали бесчинствовать.

8 августа заместитель министра внутренних дел Даниэль Вергара сообщил журналистам, что только за последнее время ультраправые банды разрушили более двухсот мостов, шоссе и железных дорог и различных учреждений, пытаясь вызвать хаос в экономике, перебои в снабжении населения продовольствием. Не ограничиваясь этим, сказал Д. Вергара, правые экстремисты совершают покушения и нападения на сторонников Народного единства. В частности, трое были убиты только за то, что отказались участвовать в развязанной реакционерами забастовке владельцев грузового транспорта и автобусов. Среди убитых — одна женщина.

Выступая с оценкой действий реакции перед членами Комитета бдительности и охраны промышленных предприятий, председатель Единого профцентра трудящихся Чили Луис Фигероа заявил, что в настоящее время «страна переживает самый сложный период за все время существования правительства Народного единства».

Министр внутренних дел Чили Карлос Брионес указал на тесную

связь, которую имеют между собой террористические акты ультрареакционеров и продолжающиеся уже две недели забастовки владельцев транспорта. Он сообщил, что правительство отдало приказ корпусу карабинеров применять огнестрельное оружие против преступников, застигнутых во время совершения террористических актов.

Учитывая, что объединение владельцев грузовиков отказалось прекратить подрывную забастовку и продолжает инспирировать акты саботажа, террора и диверсий, правительство объявило его вне закона. Однако это грозное решение не было проведено в жизнь. Вильярин и его подручные оставались на свободе, не проявляя никакого желания достигнуть соглашения с правительством. Они располагали огромными средствами, что позволяло им выплачивать каждому шоферу, участвовавшему в забастовке, 2 тысячи эскудо в день.

9 августа в Сантьяго и по всей стране состоялись многотысячные демонстрации трудящихся в поддержку правительства, в защиту социальных завоеваний чилийского народа, против подрывных действий правых и их союзников в лице собственников грузовиков. В столице в рядах демонстрантов маршировала колонна водителей-патриотов, которые, несмотря на угрозы и посулы Вильярина, продолжали водить грузовики, добросовестно выполняя гражданский долг перед родиной. Это были подлинные герои дня, если учесть, что работать им приходилось в крайне трудных условиях: диверсанты совершали нападения на машины с товарами для населения, по дорогам разбрасывали металлические шипы и пластиковые пакеты с соляжкой. Во второй половине дня рабочие в знак протеста против фашистских заговорщиков приостановили работу на всех предприятиях. Рабочий класс был готов к бою.

Опираясь на решительную поддержку трудящихся, Альенде в тот же день осуществил реорганизацию кабинета, включив в него командующих четырех родов войск. Главнокомандующий сухопутными войсками генерал Карлос Пратс занял пост министра национальной обороны, командующий военно-морскими силами адмирал Рауль Монтеро стал министром финансов, командующий военно-воздушными силами генерал Сесар Руис — министром общественных работ и транспорта, генеральный директор корпуса карабинеров генерал Хосе Мария Сепульведа — министром освоения земель.

Президент назвал этот кабинет правительством национальной безопасности.

Определяя задачи нового кабинета, глава государства подчеркнул, что он должен навести порядок в политической и экономической областях,

защитить Чили, ее суверенитет, экономику, демократию и свободу. Новое правительство должно добиться того, чтобы все фашистские организации типа «Патриа и либертад» были поставлены вне закона.

Национальная служба расследования арестовала большую группа членов «Патриа и либертад» в провинции Вальпараисо. Преступники признались, что принимали участие в диверсии в туннеле на магистрали Сантьяго — Вальпараисо. Арест банды террористов, среди которых находился племянник сбежавшего за границу «фюрера» Пабло Родригеса, позволил раскрыть их штаб-квартиру, где было обнаружено большое количество огнестрельного оружия и планы нападения на дом префекта карабинеров в Винья-дель-Мар и на текстильную фабрику этого города.

10 августа правительство в ультимативной форме потребовало от владельцев грузовиков прекратить в течение 48 часов их незаконную забастовку. Леон Вильярин ответил, что забастовка будет продолжаться до падения Альенде.

Правительство назначило 24 военных уполномоченных — по одному в каждой провинции — для реквизиции транспортных средств. Эти уполномоченные получили право в случае необходимости использовать войска для конфискации грузовиков.

Правые ответили взрывом опор высоковольтных линий, вызвавшим временное прекращение подачи электроэнергии в девяти центральных провинциях, включая столицу. Около 4 миллионов человек, почти половина населения страны, остались без электроэнергии. Заговорщики планировали взорвать опоры высоковольтных линий электропередачи и в других местах, с тем чтобы парализовать на несколько недель основные экономические центры страны. Но заложенные ими заряды не всюду взорвались.

Опоры высоковольтных линий передачи, сообщил корреспондент «Правды» В. Чернышев, были повреждены чуть позже 10 часов вечера, когда президент Чили Сальвадор Альенде выступал по радио и телевидению с анализом обстановки в стране. Свет одновременно погас по всей столице. Телевизор замолк на полуслове. Пришлось включить транзисторный приемник. Местные станции молчали. Наконец послышался треск, и радио объявило, что радиостудия подключена к аварийной подстанции. Через несколько минут к населению обратился Сальвадор Альенде, который призвал граждан сохранять спокойствие, не выходить на улицы и известил жителей столицы и других городов о срочных мерах, принятых для установления контроля над ситуацией.

13 августа поздно вечером президент Альенде по радио и телевидению обратился ко всем чилийцам с новым призывом выполнить свой долг в

трудный для родины час.

Президент подробно проанализировал незаконный и подрывной характер забастовки владельцев грузовиков и ее тяжелые последствия для национальной экономики.

До 40 процентов предприятий, заявил Альянде, работают на четверть мощности из-за трудностей с подвозом сырья и топлива. Среди этих предприятий — крупнейший сахарный завод страны «Ианса», заводы молочной промышленности. Из-за несвоевременной доставки семян и удобрений под угрозой весенний сев, сказал президент. Пропадает продукция рыбного хозяйства, большие потери несет главная отрасль экономики республики — меднорудная промышленность.

Забастовка сопровождается разгулом терроризма и насилия, заявил Альянде. В результате спровоцированных крайне правыми силами инцидентов имеются человеческие жертвы. «Это фашизм в действии», — подчеркнул президент.

Правительство должно восстановить общественный порядок в стране и не допустить экономического хаоса, продолжал президент. В этой связи Альянде сообщил о первых мерах нового правительства, в частности о создании оперативного комитета в составе министров внутренних дел, национальной обороны, общественных работ и транспорта, экономики, горнорудной промышленности и генерального секретаря правительства для налаживания работы транспорта.

Напомнив о назначении военных уполномоченных во всех провинциях страны с целью ускорения возобновления работы транспорта, президент сообщил, что он направил письмо министру национальной обороны генералу Пратсу с просьбой, чтобы трое командующих родами вооруженных сил срочно подготовили материал о последствиях подрывной забастовки транспортников и о мерах по обеспечению в этой связи национальной безопасности страны. «Мы на грани гражданской войны, надо помешать ей», — заявил президент.

Реакция не унималась. Вильярин и его банда продолжали саботаж, диверсии, нападения на шоферов и грузовики, перевозившие продовольствие. Правые радио-и телестудии ежедневно выливали ушаты клеветы на Альянде, призывали своих сторонников «выйти на улицу», взвинчивали и нагнетали обстановку паническими лживыми слухами. В этих условиях правительство отдало приказ армейским подразделениям и карабинерам приступить к конфискации грузовиков, собственники которых отказывались вернуться к работе. 18 августа власти ликвидировали один из лагерей Леона Вильярина в Пуэнте-Альто в 20 километрах к югу от

Сантьяго, где было отобрано 2500 машин. Военные изъяли грузовики и в других центрах страны. Но пользы от этого было мало. Грузовики были отправлены в казармы и там оставались до самого переворота. И все же заговорщики обеспокоились. Ведь решительные меры правительства могли привести к поражению забастовки. Агентура правых в вооруженных силах стала давить на офицеров, сотрудничавших с правительством, упрекая их в предательстве, расколе армии, в потворстве марксизму, нарушении присяги.

17 августа утром внутренняя разведывательная служба правительства, пишет Хоан Гарсес, была поставлена в известность о плане заговорщиков в армии использовать в своих целях генерала Сесара Руиса, командующего военно-воздушными силами и министра общественных работ и транспорта. 19 августа Альенде назначил вместо него министром генерала Умберто Маглиокетти, а командующим ВВС — генерала Густаво Ли.

На следующий день, 20 августа, вспоминает корреспондент «Правды» в Сантьяго В. Чернышев, на 11 часов утра была назначена церемония передачи командования в авиации назначенному на этот пост генералу Густаво Ли. Однако церемония задержалась до вечера. Воспользовавшись этим, правые радиостанции начали распускать слухи о «волнении в авиации», об ожидающихся «важных событиях», передавать «заявления солидарности» с генералом Сесаром Руисом.

Через некоторое время со ссылкой на агентство новостей «Орбе», принадлежащее христианско-демократической партии, правые радиостанции передали сообщение, подписанное представителем военно-воздушных сил майором Районом Гальегосом. В нем утверждалось, будто авиационные части по своей инициативе объявили о боевой готовности «номер один» и что они признают генерала Сесара Руиса единственно законным командующим военно-воздушными силами. Это заявление тут же было опровергнуто авиационным командованием, а также генеральным секретариатом правительства. Однако, несмотря на это, правые радиостанции продолжали передавать провокационные сообщения, пытаясь сеять панику. В связи с этим власти закрыли радиостанцию «Агрикультура».

А в это время у здания министерства национальной обороны, в ста метрах от президентского дворца, собралась группа женщин, выдававших себя за жен офицеров, хотя среди них были в основном активистки реакционной национальной партии, не имевшие никакого отношения к вооруженным силам. Эти разнаряженные дамочки вопили о своей «солидарности» с генералом Руисом, всячески поносили министра национальной обороны генерала Карлоса Пратса, выкрикивали

оскорбительные эпитеты в адрес правительства, стараясь спровоцировать беспорядки.

Кампания в связи со сменой командования в авиации понадобилась реакции для того, чтобы подтолкнуть вооруженные силы к антиправительственным действиям. Выступая несколько позже по радио и телевидению, президент Сальвадор Альенде разоблачил эту тактику, указав, что настойчивая и постоянная кампания, направленная на то, чтобы превратить вооруженные силы в инструмент защиты экономических и политических интересов реакции, ведется начиная с сентября 1970 года.

Самое пикантное из всей этой возни вокруг смещения генерала Руиса и назначения на его место генерала Ли заключается в том, что и последний входил в круг заговорщиков. С его назначением на пост командующего ВВС «гориллы» еще больше укрепили свой контроль над военной авиацией.

Окрыленные этой удачей, заговорщики продолжали подрывную работу. В последующие два дня они совершили свыше 70 нападений, взрывов и других провокаций. Они убили Оскара Бальбоа, одного из руководителей Патриотического движения транспортников (МОПАРЕ), не присоединившихся к антинациональной забастовке собственников грузовиков и продолжавших перевозку грузов. Они пытались убить Тито Палестро, представителя местной власти одного из рабочих районов Сантьяго, взорвали памятник Эрнесто Че Геваре в рабочем предместье столицы Сан-Мигель.

20 августа, когда президент Альенде находился на юге страны в городе Чильяне, где он должен был выступить на митинге, разведывательная служба правительства получила сведения, что военно-воздушные силы в Сантьяго при поддержке военно-морского флота собираются совершить переворот. Об этом было сообщено Альенде, который поспешил вернуться в столицу, к генералу Пратсу, который болел и лежал дома с высокой температурой. Пратс встает с постели и едет в генштаб. Начальник штаба генерал Аугусто Пиночет заявляет ему, что полностью контролирует положение. Пиночет сообщает Пратсу, что заговорщики предложили ему, Пиночету, вместе с сухопутными силами поддержать государственный переворот, на что он, Пиночет, будто бы решительно ответил: «Я генерал, уважающий конституцию, и я буду оставаться лояльным правительству до конца».

На следующий день, 21 августа, демохристианские профсоюзные лидеры, правое объединение работников умственного труда и объединение розничных торговцев опубликовали воззвания с призывом ко всеобщей

забастовке. Напомним, что свыше 21 тысячи собственников грузовиков все еще бастовали, действовало же только 2600 машин.

В тот же день служба расследования арестовала в доме на проспекте Бустаманте 18 руководителей диверсионных групп организации «Патриа и либертад». Они собрались, чтобы получить последние инструкции относительно операций, намечавшихся на четверг, 23 августа. Каждый из них должен был возглавить группу террористов для нападений на помещения левых партий, массовых организаций, дома государственных и общественных деятелей, грузовики и автобусы. Всего планировалось использовать в ту ночь более ста фашистских групп. Несколько сот взрывов должны были потрясти центр Сантьяго и «превратить город в ад».

В квартире, где проходило совещание фашистов, было обнаружено большое количество динамита и огнестрельного оружия, а также специально изготовленные патроны (в каждый из них вложено до десятка крупных стальных осколков) для стрельбы по большим скоплениям людей. Именно такие патроны были использованы террористами, участвовавшими в убийстве Артуро Арайа, военно-морского адъютанта президента страны.

Но главным были не угроза всеобщей забастовки и не арест руководителей «ПИЛ», а новая провокация против главнокомандующего генерала Пратса, который являлся самым серьезным препятствием на пути заговорщиков.

О событиях этого дня Хоан Гарсес рассказывает:

«Кольцо вокруг Пратса смыкается. 21 августа правые силы организуют новую демонстрацию нескольких сот женщин перед резиденцией министра обороны. Они его грубо оскорбляют и требуют, чтобы он покинул ряды армии. Разведывательная служба фотографирует там шесть жен генералов и других офицеров. Вечером того же дня к больному, лежащему в постели генералу Пратсу приходит ставленник Фрея в армии генерал Бонилья, жена которого была в числе «демонстранток». Бонилья советует ему уйти с поста главнокомандующего вооруженными силами. Через несколько минут после ухода Бонильи приходит президент Альенде. Пратс рассказывает ему о своих впечатлениях. Он считает, что в армии замышляется государственная измена. Он обсуждает с президентом меры, которые необходимо принять, чтобы сорвать заговор.

По возвращении в свою резиденцию Альенде принимает министра внутренних дел и заместителя генерального директора карабинеров генерала Уррутиа. Он пригласил на обед нескольких генералов сухопутных войск, в том числе Лугу сто Пиночета. Предмет переговоров: анализ положения и практические меры, которые необходимо принять для

предотвращения готовящегося государственного переворота. После полуночи президент приглашает руководителей партий правительственной коалиции и Единого профцентра трудящихся Чили. Он объявляет им, что с согласия высших офицеров сухопутных войск и учитывая серьезность положения, он решил уволить в отставку причастных к мятежу генералов, жены которых участвовали накануне в демонстрации перед домом командующего. Осуществление права, которым облечен президент, увольнять в отставку генералов, лишившихся его доверия, может вызвать мятеж. Альенде объясняет, что верховное командование рассмотрело план обороны, предусматривающий сотрудничество регулярных войск с рабочими профсоюзами. Гарнизон карабинеров Сантьяго, то есть вооруженные силы, по своему социальному происхождению тесно связанные с народом, был пополнен тысячей солдат.

Около 2 часов ночи президенту сообщают о прибытии одного офицера, уполномоченного обсудить с правительством и Единым профцентром трудящихся Чили последние детали плана обороны против путча, намечаемого на завтра. Я видел этого генерала. Это был Аугусто Пиночет. Его сопровождал старший офицер, имя которого в данном случае не имеет значения. В то же время радиостанция правых сил передавала из Пуэрто-Монта зашифрованные военные сообщения. В одном из них говорилось: «Нас больше, чем мы думаем. Красная шапочка с нами». Кто-то спросил, кто скрывается под этим псевдонимом, и я подумал, что это «Пиноккио» — Пиночет — или офицер, который сопровождал его в ту ночь. Но это было простое предположение».

22 августа забастовали лавочники, врачи, продолжали бастовать «аристократы» на медных рудниках. Фашистские банды в столице напали на помещение Центрального Комитета коммунистической партии. Бандиты не сумели проникнуть внутрь, но разгромили расположенный в том же здании книжный магазин имени Карла Маркса, после чего террористы около здания конгресса открыли стрельбу по прохожим, подожгли легковую машину, напали на автобус корпуса карабинеров. Судя по всему, карабинеры оказались бессильными совладать с фашистскими боевиками или преднамеренно не особенно старались им препятствовать.

Пока фашисты бесчинствовали у ворот конгресса, в конгрессе бесчинствовала оппозиция. Используя свое большинство в палате депутатов, она по предложению демохристианской партии одобрила так называемое «соглашение палаты», в котором правительство Альенде обвинялось в «нарушении законности», а вооруженные силы призывались не подчиняться впредь приказам правительства.

«Соглашение палаты» являлось чуть завуалированным призывом к военным свергнуть Альенде. «Соглашение» не было обвинением в нарушении конституции, для принятия которого было необходимо 2/3 голосов, — оно же было принято простым большинством и поэтому не имело юридической силы. Однако этот документ обладал большой пропагандистской силой. Он мог служить — и послужил — оправданием для предательства генералов, замышлявших свержение ненавистного для них президента Сальвадора Альенде.

Вожак «Патриа и либертад» Пабло Родригес говорил накануне фашистского мятежа: «Нам не нужны жесткие, которые становятся мягкими. Нам нужны умеренные, которые становятся жесткими».

Теперь этот фашистский головорез располагал такими «умеренными» в лице Фрея и других лидеров демохристиан.

Пратс посетил Фрея, пытаясь убедить его отказаться от попытки свергнуть Альенде. Но Фрей твердил только одно: армия обязана разоружить рабочих и взять в руки власть. После этого нажим со стороны заговорщиков усилился. Питая доверие к начальнику генштаба генералу Аугусто Пиночету, который заверял его и Альенде в своей абсолютной преданности конституционному режиму, Пратс капитулировал. 24 августа он подал в отставку со всех своих постов. В тот же день Альенде принял его отставку и назначил главнокомандующим сухопутными войсками генерала Пиночета. Теперь заговорщики фактически оказались у власти. Им предстояло только сбросить маску друзей правительства, чтобы мир увидел их подлинное обличье «горилл». На это им потребуется еще восемнадцать дней...

Не ведая, что с назначением Пиночета на место Пратса он подписал себе смертный приговор, Альенде, выступая в тот же день с балкона президентского дворца перед участниками молодежной демонстрации, так прокомментировал отставку генерала Пратса: «Этот враг служит делу поддержки правительства» Он направлен против тех, кто пытается воздвигнуть преграду между вооруженными силами, с одной стороны, и чилийским правительством, чилийским народом — с другой».

Положение в стране продолжает оставаться исключительно напряженным, сообщал в тот же день из Сантьяго корреспондент ТАСС. Фашиствующие молодчики из ультраправых группировок не прекращают подрывных действий. В столице, а также в городах Вальпараисо, Вальдивия, Консепсьоне и другие правые взрывают мосты, шоссейные дороги и железнодорожные пути сообщения.

Национальный политический комитет Народного единства

опубликовал заявление, в котором призывает всех трудящихся быть готовыми к выступлению в защиту правительства.

Обстановка в стране осложняется слухами о якобы имеющих место маневрах боливийских войск на границе с Чили, которые распространяются определенными органами печати. Газеты пишут об угрозе иностранного вторжения.

Забастовка транспортников все еще продолжается. Вильярин не только пребывает на свободе, но ежедневно выступает по радиостанции, контролируемой правыми, с призывами продолжать забастовку «до свержения нынешнего правительства».

Удивительным являлось то обстоятельство, что, не смотря на забастовки собственников грузовиков, врачей, торговцев, саботаж и террор фашистских банд, почти перманентный конфликт правительства с законодательной и судебной властями, работали фабрики, население снабжалось продовольствием, действовали школы и университеты и, что не менее важно, успешно развивались внешнеэкономические связи страны.

Как отмечал журнал «Монд дипломатик», накануне военного переворота руководителям чилийской экономики удалось ослабить блокаду, навязанную США. За последние несколько месяцев многие европейские страны решили снова предоставить займы Чили или готовились сделать это. Следовательно, чилийская экономика не только не переживала катастрофу, а, напротив, преодолевала трудности. В июле и августе 1973 года Испания, Швеция, Финляндия и Дания предоставили стране среднесрочные и долгосрочные кредиты. Они позволяли Чили импортировать продовольствие, оборудование, грузовики, получать техническую помощь и делать капиталовложения в промышленность. Правительство ФРГ решило снова дать гарантии своим экспортерам, осуществляющим поставки в Чили. Европейские предприятия начинали проявлять более активный интерес к чилийскому рынку. В августе известные фирмы «Сименс» (ФРГ) и «Филиппе» (Голландия) предоставили долгосрочные кредиты Чили для импорта медицинского оборудования. Итальянское правительство начало переговоры в целях заключения соглашения о помощи.

Нет необходимости подчеркивать, что социалистические страны продолжали оказывать Чили помощь. Она носила форму соглашений о товарообмене (продовольствие на медь), технической помощи, поставок в кредит различного оборудования, даров и субсидий. В июле 750 советских тракторов были доставлены в Вальпараисо, а из Болгарии прибыло продовольствие. В августе Венгрия решила передать Чили телефонное

оборудование. Болгария предоставила учебные пособия для профессиональных училищ и т. д.

Итак, в середине 1973 года чилийская экономика не была больше отрезана от внешнего мира. Напрашивается вопрос, писал «Монд дипломатик», не потому ли сочли нужным «пресечь социалистический эксперимент» в Чили, что Народное единство было уже близко к урегулированию своих дел в экономическом плане?

Между тем правая печать из всех сил старалась подогреть антиправительственные настроения. Так, коллегия медиков, объявившая забастовку в знак «солидарности» с транспортниками, официально включила в свои требования пункт об отставке президента. Ее руководители были тесно связаны с фашистским подпольем, главарем транспортников Леоном Вильярином. Один из руководителей коллегии, некий доктор Артас, на ассамблее медиков прямо заявил: «Мы не остановимся до тех пор, пока не увидим всех коммунистов повешенными на фонарях».

Кампании против президента Альенде реакция придала самый широкий размах. Национальная партия закупила время в программах нескольких радиостанций и через каждые пять минут передавала воззвания с требованием, чтобы президент ушел в отставку. Такие же «воззвания» из дня в день печатала правая пресса. На улицах активисты оппозиционных партий начали сбор подписей с требованиями, чтобы Сальвадор Альенде покинул президентский пост. В анонимных брошюрах, издававшихся заговорщиками, утверждалось, что только армия может «спасти» Чили от хаоса, экономической разрухи и терроризма, в котором якобы повинны левые организации.

26 августа заместитель министра внутренних дел Даниэль Вергара сообщил журналистам, что за истекшие сутки фашистские элементы совершили 20 диверсионных актов. Они взорвали 70-метровый участок железнодорожного полотна в провинции Мальеко, совершили налеты на торговые помещения, нападения на автобусы и грузовые машины, вышедшие на линии. Всего за истекший месяц было совершено свыше 300 террористических актов.

26 августа произошли еще два примечательных события. В одном из ресторанов Сантьяго был арестован главарь «Патриа и либертад» Роберто Тиме. На допросах он вел себя вызывающе и нагло признал, что «ПИЛ» сотрудничает с Вильярином в проведении антинациональной забастовки транспортников, что его головорезы устраивают нападения на грузовики и автобусы, курсирующие на линиях, взрывают мосты, нефтепроводы,

бензоколонки, осуществляют диверсии на железной дороге, нападения на помещения комитетов партий Народного единства и на левых деятелей. Тиме подтвердил, что по его приказу диверсанты взорвали нефтепровод у города Курико, взорвали опоры высоковольтной линии, совершили убийство Артуро Арайа, военно-морского адъютанта президента.

Тиме представил длинный список фамилий членов организации с указанием, кто, когда и где проводил террористические операции. В качестве идеолога и политического стратега организации он назвал профессора права католического университета Хаиме Гусмана, который, по словам Тиме, «внес особый вклад в организацию». В числе руководителей «невидимой команды» отметил Орландо Саенса, президента Общества промышленного развития, объединяющего крупных предпринимателей, и Энрике Кампоса Менендеса, мультимиллионера и бывшего парламентария. Он рассказал, что «ПИЛ» проводила работу, направленную на раскол вооруженных сил и на вербовку в военных кругах сторонников государственного переворота. После того как Пабло Родригес и другие руководители организации бежала за границу, Тиме получил 50 миллионов эскудо для финансирования операций, найма уголовников и закупки оружия. Он рассказал, когда, сколько и каким путем доставлялось в Чили оружие из-за границы, и подтвердил намерение реакции развязать в стране гражданскую войну. Когда следователь заметил, что война привела бы к большим жертвам, Тиме хладнокровно ответил: «Бели необходимы сотни и тысячи убитых для того, чтобы освободиться от марксизма, они будут. Когда идет борьба, должны быть убитые».

Собственно говоря, все эти откровения фашистского главаря ни для кого не являлись секретом, все это было всем хорошо известно. Тиме откровенничал потому, что был уверен в своей безнаказанности. Знал он и то, что свержение Альенде не за горами, и готовился покинуть тюрьму триумфатором, что в действительности и произошло.

Второе событие носило несколько иной характер: около 30 военных моряков захватили радиостанцию в Вальпараисо, откуда обратились ко всем военнослужащим страны с призывом не подчиняться приказам командования. На первый взгляд такой акт мог показаться весьма революционным: в вооруженных силах зрел заговор, и моряки имели веские основания выступить с его разоблачением, призывать солдат к неповиновению. Все было бы хорошо, если бы за выступлением не стояли сами заговорщики. Этому предшествовали следующие события. Некий сержант морской пехоты, служивший на одном из военных кораблей в Вальпараисо, по фамилии Карденас, еще в начале августа пытался

установить связь с Луисом Корвалаиом и предложить ему создать «революционную подпольную организацию» на флоте. Поведение Карденаса показалось товарищам из ЦК КПЧ подозрительным, и Корйалан отказался принять его. Тогда Карденас обратился с таким же предложением к деятелям социалистической партии. Некоторые из них вступили в связь с Карденасом, присутствовали на тайной встрече с «революционными» моряками, организованной сержантом, после чего последовал захват радиостанции в Вальпараисо.

Как выяснилось уже после фашистского переворота, Карденас в действительности работал на военно-морскую разведку, находившуюся в руках заговорщиков. Ему было дано задание вовлечь в «подпольную» деятельность лидеров левых партий, чтобы скомпрометировать их в глазах армии и дать предлог военным судебным органам начать преследование как против них, так и против прогрессивных военных. Провокатор Карденас задание выполнил. После захвата его подручными радиостанции в Вальпараисо этот город был фактически взят под контроль командованием военно-морских сил. Флотская жандармерия стала осуществлять массовые аресты прогрессивных активистов и левых моряков. Арестованных подвергали зверским пыткам, добиваясь от них признания в «заговоре против вооруженных сил». Представители Народного единства потребовали объяснений от военно-морского командования. Альенде приказал расследовать сообщения о незаконных арестах и пытках. В ответ командование военно-морских сил продолжало посылать своих жандармов обыскивать помещения левых организаций, а также предприятия в целях изъятия оружия, а военная прокуратура привлекла к суду сенатора-социалиста Альтамирано и потребовала его ареста по обвинению в «подрывной деятельности».

Таким образом, 26 августа событиями в Вальпараисо фактически начался мятеж. Правительство оказалось бессильным поставить на место вышедшее из его повиновения морское командование.

А что же делал тем временем новый главнокомандующий Пиночет? Вступая в должность, он обещал уволить из армейских рядов генералов, жены которых участвовали в демонстрации против Пратса. Но он с этим не спешит. Он пугает президента, что их увольнение может толкнуть заговорщиков на вооруженное выступление, и заверяет Альенде, что избавится от них, как только упрочит в армии свое собственное положение. В то же время Пиночет создает невыносимые условия для работы двум другим лояльным по отношению к Альенде военачальникам — генеральному директору корпуса карабинеров генералу Сепульведе и

начальнику военных училищ генералу Пиккерингу, сторонникам Пратса. Они подают в отставку, и Пиночет уговаривает президента принять их отставку, что якобы «умпротворнт» армию.

И все же даже теперь Пиночет трусит, виляет, хитрит. Он боится рабочих, ибо знает их решимость защищать свое правительство. Это подтвердил директор ЦРУ Уильям Колби, выступая после переворота на секретном заседании подкомиссии по межамериканским делам палаты представителей конгресса США. «Хунта, — заявил Колби, — была обеспокоена тем, сможет ли она взять в свои руки управление страной, не вызвав настоящей гражданской войны, а такая возможность действительно существовала...»

Пиночет пытается уstrasить, деморализовать своего главного противника — рабочий класс еще до того, как он, глава будущей путчистской хунты, сбросит демократическую маску. Как? Путем повальных обысков, осуществляемых войсками на фабриках, заводах, в помещениях левых партий, профсоюзов, путем прочесывания рабочих поселков. С приходом Пиночета на пост главнокомандующего обыски со ссылкой на ранее принятый конгрессом закон, разрешающий их по доносам любых, в том числе анонимных лиц, производятся по всей стране и часто сопровождаются арестами и избиениями левых активистов. Таких обысков и налетов в поисках оружия у левых до сентябрьского переворота было осуществлено свыше ста. Эти обыски вызывают законное недоумение у трудящихся. Все понимают, что армия, проявляющая «мягкость» к фашистским террористам, действует столь решительно по отношению к рабочим — сторонникам Народного единства не в целях укрепления, а, наоборот, подрыва позиции правительства. Альенде тоже это знает, видит, понимает.

Президент все еще надеется на лояльный ему сектор армии, которого у него уже в действительности нет, и на того же Пиночета, которого он все еще считает своим верным союзником и который уже занес нож за его спиной и ждет только удобного момента, чтобы вонзить его.

28 августа вновь объявила 24-часовую забастовку Конфедерация торговцев и мелких промышленников. Вильярин и его банда продолжают «бастовать», выдвигая все новые и новые требования и вода, по существу, за нос правительство, терпеливо ведущее с ними переговоры. Власти отдают Вильярина, уличенного в прямых связях с фашистским подпольем и участии в подрывных действиях, под суд по обвинению в нарушении закона о внутренней безопасности государства. Однако председатель апелляционного суда Эмилио Ульоа, выслушав «объяснения» Вильярина,

отпустил его на свободу под залог.

29 августа президент объявил о новых назначениях в правительстве, в которое вошли на этот раз два новых военных — контр-адмирал Даниэль Арельяно, ставший министром финансов, и генерал Роландо Гонсалес, возглавивший министерство горнорудной промышленности.

Выступая на церемонии приведения к присяге новых членов кабинета, президент сказал, что основной задачей правительства по-прежнему остается предотвращение гражданской войны и обеспечение национальной безопасности республики. Он указал также на усиление происков реакционных сил, выступающих против законного правительства в стране.

Напомнив об огромном ущербе, наносимом чилийской экономике незаконной забастовкой владельцев грузовиков, о жертвах фашистского террора за последние дни, глава государства указал, что он принял решение прекратить дальнейшие переговоры с бастующими транспортниками. Если они не согласятся с условиями правительства, против них будут приняты все предусмотренные законом меры.

После объявления об изменениях в правительстве в чилийской столице состоялся многотысячный митинг в поддержку правительства, возглавляемого Сальвадором Альенде. По призыву Единого профцентра трудящихся рабочие и служащие Сантьяго вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою решимость отстоять революционный процесс, защитить народное правительство, не допустить развязывания гражданской войны. «Мы не хотим столкновений, но трудящиеся и весь народ Чили выступит против фашизма. Народ и рабочий класс сильнее, чем враги революции», — заявил в своей речи на митинге один из руководителей КУТ, Р. Кальдерон.

30 августа министр внутренних дел Чили Карлос Брионес передал для печати заявление о том, что правительство приняло решение объявить вне закона Объединение владельцев грузовиков, участники которого вот уже больше месяца продолжают незаконную забастовку. Правительство отдало распоряжение распределить грузовики среди тех водителей или местных объединений владельцев средств транспорта, которые выразят готовность честно работать. Подобная же политика будет проводиться и в отношении распределения новых автомашин, предназначенных для использования в качестве такси. Они будут переданы отдельным таксистам или тем местным объединениям водителей, которые согласны немедленно приступить к работе на этих автомашинах на условиях, гарантирующих эффективное обслуживание населения. Всем работающим транспортникам будет обеспечена охрана, подчеркивалось в заявлении.

На следующий день террористы обстреляли из автомашины карабинера, охранявшего резиденцию главы католической церкви Рауля Сильвы Энрикеса, «красного» — для ультраправых — кардинала, выступавшего за переговоры между демохристианской партией и правительством. Однако военные власти не только не предпринимали никаких мер к разоружению фашистских банд, а продолжали обыски помещений левых организаций, профсоюзов и предприятий, национализированных правительством, в поисках оружия.

В ночь на 31 августа морская полиция в Вальпараисо окружила и заняла помещение провинциального комитета компартии под предлогом поиска оружия и арестовала находившихся в нем 30 членов партии. Никакого оружия в помещении не было обнаружено. Но сам факт такой провокации указывал, что военные круги выходят из повиновения правительству.

В начале сентября Альянде вступил в переговоры с Радомиро Томичем, лидером левого крыла демохристианской партии, на предмет изыскания формулы, которая позволила бы наконец разрядить политическую атмосферу и избежать конфронтации и гражданской войны. Томич склонялся к соглашению с правительством. Но правые демохристиане и на этот раз заняли позицию непримиримых. Руководство ХДП предложило — в качестве разрешения политического кризиса! — уйти всем парламентариям и президенту в отставку, что позволило бы провести новые президентские выборы. Для Альянде и партий Народного единства это означало капитуляцию перед правыми. Совершить такое политическое харакири они, разумеется, не могли. Переговоры с демохристианами и на этот раз оказались пустой тратой времени.

4 сентября в Сантьяго состоялась грандиозная демонстрация трудящихся в честь третьей годовщины победы народных сил. В ней приняло участие около миллиона жителей столицы и ее окрестностей. Это была самая внушительная из всех демонстраций, когда-либо проводившихся в поддержку правительства Альянде. Демонстранты были настроены боевито, они требовали принятия решительных мер против фашистских заговорщиков. Более трех с половиной часов четырем гигантскими колоннами шли к президентскому дворцу «Ла-Монеда» текстильщики и металлурги, врачи и учителя, студенты и школьники, крестьяне окрестных кооперативов и центров аграрной реформы. Их приветствовали президент Альянде, члены народного правительства, руководители партий Народного единства.

После окончания марша Сальвадор Альянде выступил с краткой речью

по радио и телевидению. Он подчеркнул, что в своих попытках помешать осуществлению программы правительства реакция открыто перешла к использованию фашистских методов террора. Она не останавливается ни перед чем. Ее может задержать только сила народа, его единство, сказал президент. Те, кто создал существующую в Чили политическую систему, требуют ее ликвидации, потому что она уже не служит их классовым интересам. Они не останавливаются даже перед нападками на церковь, на своего кардинала. Законность? Они топчут ее. Конгресс? Они призывают в нем к перевороту. Террор, к которому прибегают сегодня с таким остервенением фашисты, является примером того, что они станут делать с трудящимися, если захватят власть.

— Я должен с откровенностью сказать вам, мои соотечественники, — предупредил Альянде, — как ваш товарищ и президент: мы должны быть бдительными, быть начеку, с холодным умом и горячим сердцем. Мы являемся свидетелями преступного заговора.

Демонстрации и митинги в честь третьей годовщины победы народных сил прошли во многих городах Чили. В этот день Пабло Неруда, прикованный тяжелым недугом к постели, обратился со следующим посланием к чилийскому народу:

«Отечество нуждается в помощи. Не в первый раз в нашей истории сталкиваются в борьбе патриоты и враги. Так родилась наша республика. И те самые, кто удалил О'Хиггинса в изгнание, стремятся сегодня свергнуть Альянде, используя для этого терроризм, убийства и голод. Но у нас еще есть родина. Товарищи, вставайте все на ее защиту, против предательства и реакции. Против ненависти и разрушения. Мы все вместе с народом, со всей историей Чили и с будущим революции и родины. Вперед!»

Реакционеры по-своему «отметили» трехлетие пребывания Альянде в «Ла-Монеде»: 4 сентября по решению Верховного суда генерал Вио, организатор убийства генерала Шнейдера, был выпущен из тюрьмы и 5 сентября улетел в «изгнание» в Парагвай.

7 сентября утром, свидетельствует Хоан Гарсес, Альянде собирает генералов, которые всегда принадлежали к окружению Пратса, среди них — Пиночет. Президент говорит о своем намерении на следующей неделе обратиться с призывом об организации референдума для разрешения демократическим путем конфликта между ним и палатами конгресса. Генералы не скрывают своего изумления и спрашивают его, принял ли он уже такое решение. Альянде отвечает утвердительно: «Да, господа! Я объявлю о своем решении стране на будущей неделе». «Я был поражен, — вспоминает Х. Гарсес, — видя Альянде таким довольным по окончании

этого собрания...»

Было объявлено, что президент обратится к нации во вторник, 8 сентября.

Решение президента никак не устраивало заговорщиков. Во-первых, проведение референдума дало бы правительству передышку в три месяца, а за этот срок оно смогло бы ликвидировать забастовку транспортников, которая уже шла на убыль, и другие конфликты — с врачами, торговцами и прочими «профессионалами» из средних слоев, что, несомненно, укрепило бы его позиции. Во-вторых, миллионная демонстрация в поддержку Альенде 4 сентября показала, что у него были неплохие шансы одержать победу на референдуме. Поставленные перед выбором между «мумиями» и Альенде, трудящиеся наверняка проголосовали бы за Альенде. За него голосовали бы и многие рядовые демохристиане.

Вот почему перспектива референдума всполошила в первую очередь лидера ХДП. Фрей решил, что час переворота настал. Сразу же, как только стало известно о намерении Альенде провести референдум, национальный совет христианско-демократической партии постановил внести в конгресс проект «конституционного обвинения» против всех министров кабинета Сальвадора Альенде под предлогом, что они якобы «не выполнили соглашения палаты депутатов».

Деятельность Фрея вызвала у фашистских заговорщиков новый прилив энергии. Только за одни сутки 8 сентября они совершили 27 террористических актов. В эти дни главный рупор правых газета «Меркурио» призывала вооруженные силы «взять на себя ответственность и привести страну к царству закона и мира». Фашисты открыто распространяли листовки с требованием к Альенде немедленно уйти в отставку или покончить жизнь самоубийством, в противном случае авторы листовок угрожали президенту и его «сообщникам» расправой. Листовки были подписаны главарями «ПИЛ».

10 сентября напряжение достигло предела.

С самого раннего утра десятки журналистов толпились у президентского дворца, бросаясь с микрофонами и блокнотами на каждого, кто выходил из «Ла-Монеды». Такого столпотворения представителей печати, радио, телевидения, информационных агентств здесь никогда не было. Один слух сменялся другим. Однако за всей этой дымовой завесой слухов все более четко вырисовывалась реальность переворота.

Поздно вечером Политкомиссия ЦК Коммунистической партии Чили обратилась с воззванием к народу, в котором предупредила, что в ближайшие дни реакция намерена совершить государственный переворот,

и призвала трудящихся города и деревни, все демократические силы страны решительно выступить против заговорщиков.

Деятели и активисты левых партий получили указание не ночевать в своих квартирах.

Это была последняя ночь правительства Народного единства и последняя ночь в жизни президента Чили товарища Сальвадора Альенде.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ УМИРАЮТ СРАЖАЯСЬ

Три года прошло с тех пор, как Сальвадор Альенде стал товарищем Президентом, главой чилийского государства, хозяином «Ла-Монеды». Это были годы неустанной борьбы, огромного напряжения, больших свершений, надежд и тревог. Он дал слово осуществить программу Народного единства, быть верным идеалам национального освобождения и социализма и свое слово сдержал.

«Мумии», не терпевшие его и раньше, за эти три года возненавидели его лютой ненавистью, они не могли ему простить, что он не соблазнился их посулами, не стал предателем, не изменил рабочим и крестьянам, не отказался от социалистического кредо. «Мумии» обливали его грязью, клеветали на него, пытались свергнуть и, конечно, уничтожить, а с ним уничтожить и идею социалистических преобразований, пробивавшую себе путь к сердцам чилийских трудящихся, несмотря на саботаж, заговоры, диверсии и лживую пропаганду оппозиции. Но прошло три года, а он все еще находился у власти, живой и невредимый, как всегда, готовый к бою и к встрече с опасностью, откуда и от кого бы она ни исходила. До сих пор ему везло. Он уверовал в свою счастливую звезду и считал, что она не подведет его и впредь.

По своей натуре дон Чичо был бойцом, ему даже нравилась эта атмосфера ожесточенной борьбы, в которую он был погружен уже многие годы и без которой просто не мыслил своего существования. Его качества руководителя, вождя и государственного мужа особенно четко проявлялись в минуты опасности. В такие минуты он становился собранным, решительным, непреклонным. Конечно, три года у власти не прошли для его здоровья бесследно. Он поседел, взгляд его стал жестче, но в целом физически, да и духовно он был в хорошей форме.

Изменила ли власть Сальвадора Альенде как человека? Такой вопрос задали его супруге Ортенсии итальянские журналисты уже после его гибели.

Тенча ответила:

— Да, я должна признать, что после избрания Сальвадор изменился. Власть его не испортила, если вы имеете в виду это. Конечно, человек неожиданно оказался в центре серьезных проблем, вся ответственность

легла на его плечи, трудности возросли. Он был целиком поглощен своей деятельностью. Он стал более напряженным, озабоченным, он, несомненно, утратил спокойствие и невозмутимость прежних времен. Но не потерял чувства юмора. Сальвадор всегда быстро реагировал на шутку и любил сам шутить. Потом такие моменты спокойствия возникали все реже. Его чувство юмора постепенно обрело все большую полемическую силу. Ответы, которые когда-то были тонкими и ироническими, теперь стали резкими и сухими.

Казалось, он предчувствовал, что времени у него мало и что надо экономить даже слова. Его фразы, его суждения, его замечания приобрели иные масштабы, стали более глубокими. Часто у меня появлялось ощущение, что в полемике с противниками он обретал какую-то неизвестную до того силу, совершенно новую силу. Я была восхищена, но в то же время и огорчена этим углублением личности Сальвадора. Я была убеждена, что как государственный деятель он рос, но как человек он утратил былое спокойствие. Он все чаще говорил: «Время, время! Мне нужно больше времени, чтобы сделать все это». Он был сильным, крепким. Мне кажется, что за всю жизнь у него никогда не было даже насморка. Когда он ходил пешком, даже в последнее время, многие, более молодые, еле поспевали за ним.

Годы власти еще более сблизили дона Чичо с его дочерьми, принимавшими активное участие в борьбе за социализм.

Тенча рассказывает:

— Он был очень привязан к детям. Необычайно привязан. Они его любили, они необычайно восхищались им как политическим деятелем. Конечно, между ними бывали споры. Разница между поколениями чувствовалась и в нашем доме, в этом отношении мы не отличались от многих других современных семей. По мнению дочерей, все то, что делалось, следовало делать более решительно, быстрее, более радикально. Так, например, наши девочки не одобряли расширение политической платформы. Они говорили, что это потеря времени, что реформы нужно проводить в жизнь, и все. Проводить их немедленно. В общем, обычные разговоры молодежи. Но их связывала огромная любовь и взаимное уважение...

Ожидал ли он переворота? Разумеется. Более того, он четко представлял себе, что в случае его свержения власть захватят ультраправые. Вскоре после «Танкасо» он говорил: «Нет лучшей альтернативы моему правительству, и, если его свергнут, на его место придет самая зловещая и жестокая диктатура, начнется гражданская война».

Знал ли он, что в роли заговорщиков выступают военные? И это ни для него, ни для других не являлось секретом. Его дочь Беатрис вспоминает: «Фактически весь месяц, предшествовавший перевороту 11 сентября, мы находились постоянно начеку. Не проходило и дня без слухов о военных мятежах и готовящемся государственном перевороте».

Что же представляли собой эти чилийские военные, кому они служили, за кого готовы были сражаться? На этот вопрос не было однозначного ответа.

Чилийские вооруженные силы к моменту переворота включали в себя сухопутную армию — 38 тысяч солдат, в том числе 9 тысяч солдат, служащих по призыву; морской флот, состоящий из 15 тысяч матросов, в том числе 1200 матросов, служащих по призыву; около 22 500 карабинеров и около 8 тысяч офицеров и солдат авиационных сил. Итак, всего 83 500 под ружьем. Рядовой состав рекрутировался из самых отсталых слоев населения. Командование армии исходило из того, что чем невежественнее солдат, тем беспрекословнее он будет выполнять волю офицера.

Чилийская армия была весьма замкнутым организмом, на протяжении почти сорока лет послушно служившим правящим классам. Традиционно она была пропитана прусским духом. В ней имелось много выходцев из семейств немецких колонистов, среди которых были сильны профашистские симпатии и антикоммунистические предрассудки. Впрочем, реакционных взглядов придерживались не только офицеры немецкого происхождения, но и многие креолы. В течение последних десятилетий в армии время от времени, как уже известно читателю, появлялись «гориллы» — претенденты на роль «спасителей родины от коммунизма». Такими были генералы Ариосто Эррера, Вио, Гамбоа и ряд других, но они, как правило, не находили поддержки у своих коллег и исчезали с политической сцены с такой же быстротой, с какой на ней возникали.

Большинство офицерства придерживалось проамериканской ориентации, что в конце концов и явилось решающим фактором, толкнувшим армию на свержение президента Альенде, ее верховного главнокомандующего согласно конституции. Французский журналист Филипп Лабреве в газете «Монд» писал вскоре после переворота 11 сентября: «Если чилийским правым силам удалось свести на нет усилия бывшего президента Альенде в направлении сохранения политического нейтралитета вооруженных сил и заставить последних переметнуться в их лагерь, то это в огромной мере объясняется постоянным влиянием, оказываемым американскими военными на своих чилийских коллег, с

которыми они познакомились во время стажировок по усовершенствованию или специализации. Именно на специальных базах в зоне Панамского канала или в американских военных училищах завязываются связи между офицерами обеих армий и, может быть, рождается единомыслие между ними».

Ежегодно, сообщает тот же автор, проходили стажировку в США и в американской зоне Панамского канала 200 чилийских офицеров и унтер-офицеров, а всего со времени окончания второй мировой войны в США побывало 4 тысячи чилийских офицеров. Один из них, участник переворота генерал Вашингтон Карраско, бахвалился перед французским журналистом, что извлек большую пользу из своей стажировки в Панаме, где его обучали методам «войны против партизан». Что касается генерала Пиночета, то он трижды — в 1965, 1968 и в 1972 годах (от есть уже после прихода Альенде к власти!) — проходил соответствующую обработку по борьбе с «подрывными» элементами на американских базах, расположенных в зоне Панамского канала.

— Вы убеждены, что переворот генералов был организован Соединенными Штатами? — спросил Тенчу после сентябрьских событий корреспондент итальянского журнала «Эуропео».

Тенча ответила:

— Я убеждена в одном, абсолютно убеждена: в огромном влиянии Соединенных Штатов на наши вооруженные силы. Контакты между чилийской армией и американской армией всегда были очень тесными. В наших вооруженных силах всегда было много североамериканцев. По иронии судьбы, союз с североамериканцами был своего рода традицией. Мы сами, представители народного правительства, приглашали генералов Соединенных Штатов в качестве почетных гостей на различные церемонии, награждали их орденами, окружали их уважением, дружбой, забывая обо всех возможных разногласиях, о различных точках зрения, о различных политических позициях.

Я помню, что вскоре после избрания Сальвадора в Чили с визитом прибыло несколько кораблей американского военно-морского флота. Некоторые газеты за границей иронизировали по этому поводу, в Соединенных Штатах кое-кто задал вопрос, не лучше ли отложить визиты. Но американские моряки все-таки прибыли. И они были потрясены теплым приемом, дружбой, проявленной правительством и народом.

За годы пребывания Альенде у власти Пентагон и другие правительственные органы США продолжали предоставлять чилийской армии кредиты и оружие, хотя в целом США проводили в то время по

отношению к Чили политику экономического бойкота и саботажа. При Альенде программа американской военной помощи Чили не только не уменьшилась, но удвоилась по сравнению с президентством Фрея, достигнув 45,5 миллиона долларов. Американцы поставляли чилийским ВВС современные реактивные истребители «А4В Скайхок» и бомбардировщики F5E, на что было получено специальное разрешение конгресса. Доказывая перед соответствующей комиссией конгресса целесообразность такого рода помощи чилийским вооруженным силам, представитель Пентагона адмирал Раймонд Пит указывал на выгоды подобной операции, в особенности на «значительное влияние, которое позволяет оказывать подготовка пилотов для этих самолетов и обслуживание последних после продажи».

При правительстве Народного единства США содержали в Сантьяго военную миссию из 30 опытных офицеров-разведчиков. Особенно тесные связи они поддерживали с военно-морским флотом и военно-воздушными силами, Американцы не жалели ни средств, ни усилий, чтобы сохранить и упрочить свое влияние на армейские круги. Более того, они использовали это влияние для того, чтобы подтолкнуть реакционное офицерство на свержение Альенде.

Причастность определенных кругов США к подрывной деятельности, а затем непосредственно к перевороту, несмотря на официальные опровержения, — общепризнанный факт. Так, вскоре после гибели Альенде бывший чилийский посол в Мексике Вигорена заявил в интервью мексиканской газете «Эксельсиор»: «Полтора месяца назад мы получили сведения о том, что существует конкретный план, подготовленный два года тому назад ЦРУ и получивший название план «Кентавр». Он ставил своей основной целью свержение президента Альенде и подготовку выступления вооруженных сил».

Помощник государственного секретаря по межамериканским делам Джек Кубич, как и следовало ожидать, отрицал существование плана «Кентавр» на открытом заседании подкомиссии по межамериканским делам палаты представителей.

Со своей стороны, Уильям Хиггс, директор далеко не прогрессивного «Комитета по открытому обществу», писал председателю комиссии по иностранным делам сената США Фулбрайту: «Участие ЦРУ в перевороте трудно доказать, но совершенно ясно, что оно вмешивалось на стороне тех, кто подготовил переворот в Чили». Сам Фулбрайт заявил, что его комиссия получает тысячи писем и телеграмм, в которых американцы «с беспрецедентным единодушием» пишут «о серьезных подозрениях в

причастности к перевороту Соединенных Штатов».

Американцы знали о готовящемся в Чили перевороте, сообщала «Нью-Йорк тайме», за день до выступления «горилл» и предупредили об этом свои суда, курсировавшие у чилийского побережья.

Наверняка американцы не только знали, но были теми, кто дергал «горилл» за ниточку. Чилийские военные суда вышли 10-го числа из Вальпараисо на соединение с американской эскадрой, курсировавшей неподалеку для проведения совместных маневров под красноречивым кодовым названием «Унидас» — «Объединение». Чилийские корабли неожиданно вернулись в порт в ночь на 11 сентября. На их борту уже были расстреляны офицеры, отказавшиеся участвовать в перевороте. В 6 часов утра военно-морские силы в Вальпараисо первыми начали мятеж. Предположить, что все это происходило без ведома американцев, было бы просто смешно.

Привлек к себе внимание и необычный молниеносный визит американского посла Натаниэла Дэвиса 6 сентября из Чили в Вашингтон, откуда он вернулся 10 сентября, в канун переворота.

Впрочем, сам директор ЦРУ Уильям Колби, выступая после переворота в подкомиссии палаты представителей по межамериканским делам, показал, что ЦРУ постоянно вмешивалось во внутренние дела Чили и что его операции были санкционированы «Комитетом-40», совершенно секретной группой в Совете национальной безопасности. В апреле 1974 года У. Колби признал в конгрессе, что «в период между 1970 и 1973 годами правительство США выделило более 8 миллионов долларов на тайные операции ЦРУ в Чили, направленные против С. Альенде». Бывший посол в Чили Эдвард Корри цинично заявил, что «правительство США желало поражения Альенде и только лунатик мог бы думать иначе».

Американский журнал «Рэмпартс», на страницах которого было опубликовано немало конфиденциальных документов, разоблачающих империалистический характер политики США в различных частях света, писал вскоре после сентябрьских событий:

«Усиление антиправительственной деятельности внутри Чили тщательно координировалось с американской политикой. Займы и кредиты из государственных, частных и международных банков были прекращены, поставки запасных частей для машин и аппаратуры, импортированных из США, необъяснимым образом «задерживались».

Посольство США в Сантьяго прекрасно подготовилось к оказанию помощи заговорщикам. Посол Натаниэл Дэвис — ветеран с большим практическим опытом по устранению левых. Дэвис окружил себя целой

командой профессионалов в сфере организации подрывной деятельности. Послужные списки сотрудников американского посольства говорят сами за себя. Джон Айзмингер, руководитель политического отдела: 1942 год — американская разведка, 1951-й — разведка для Пентагона: операции в Ла-Пасе и Гватемале. Дениэл Арзао, политический советник: 1943 год — армейская секретная служба, 1951-й — государственный департамент, 1953-й — ЦРУ: операции в Пномпене, Монтевидео, Боготе. Рэймонд Уоррен из канцелярии первого секретаря: 1943 год — ВВС США, 1954-й — госдепартамент, затем ЦРУ: операции в Каракасе и Боготе. Фредерик Лэстрэш, первый секретарь: 1943 год — морская пехота, 1948-й — военно-морская разведка, 1956-й — госдепартамент: операции в Калькутте, Нью-Дели, Аммане, Каире и Каракасе.

Джон Типтон, второй секретарь. ЦРУ и госдепартамент: операции в Мехико, Ла-Пасе и Гватемале.

Переворот не был ни «чистым продуктом» ЦРУ, ни результатом деятельности только чилийской реакции. Это плод объединенных усилий американской и чилийской буржуазии и ее союзника — военщины, интересы которых полностью совпадали».

Конечно, античилийские действия различных официальных и неофициальных органов и учреждений США, тем более после публикации секретных документов ИТТ, ни для кого не являлись секретом. И меньше всего для самого Альенде. Он и его сторонники делали все возможное, чтобы, в свою очередь, укрепить и расширить влияние патриотически мыслящих военных, стоящих на позициях лояльного отношения к правительству Народного единства и сотрудничества с ним.

Вскоре после вступления на пост президента, в апреле 1971 года, Альенде встретился с представителями военного гарнизона в Сантьяго. На этой встрече, в которой приняли участие более двух тысяч военных, Альенде в течение полутора часов объяснял смысл и цели своей политики. Только в течение первых семи месяцев своего правления президент, как подсчитано, устроил более 14 таких встреч, причем не только с офицерами, но и солдатами. Он не упускал ни одной возможности поговорить с военными, донести до них смысл преобразований, проводимых в стране. Альенде использовал для этого и принадлежность некоторых военных к масонству, которое в Чили имеет прогрессивную окраску: 18 процентов чилийских офицеров входили, по данным опросов, в масонские ложи.

Одним из первых актов президента Альенде было повышение денежного довольствия на всех ступенях армейской лестницы. В результате условия жизни солдат, унтер-офицеров и офицеров определенно

улучшились. С 1970 по 1973 год Альенде увеличил расходы на национальную оборону с 1 миллиарда 119 миллионов 700 тысяч эскудо до 7 миллиардов 340 миллионов 19 тысяч, что, несмотря на инфляцию, явилось существенным ростом. Казармы были модернизированы, учебные стажировки за границей, как важный этап в продвижении по служебной лестнице, стали доступными большему числу офицеров. Наконец, вооружение было обновлено: сухопутные войска получили 9 вертолетов, купленных во Франции; военно-воздушные силы — 4 английских истребителя «хоукер», которые они использовали 11 сентября для бомбардировки президентского дворца «Ла-Монеда»; военно-морской флот смог заказать в Великобритании два крейсера и две подводные лодки. В этом перечне не учтено легкое оружие, автоматы и ручные пулеметы, которыми солдаты широко пользовались в дни, последовавшие за путчем.

Политика Альенде по отношению к армии соответствовала основной программе правительства Народного единства, принятой в декабре 1969 года, которая, в частности, обещала «обеспечить вооруженным силам материальные и технические средства оснащения, справедливую и демократическую систему жалования, повышения в чинах и назначения пенсий, что гарантировало бы офицерам, младшим офицерам, сержантскому и рядовому составу экономическую обеспеченность во время пребывания в рядах армии и после выхода в отставку, реальную возможность для всех получить повышение в зависимости исключительно от своих личных способностей».

Альенде посещал казармы, военные учения, церемонии вручения дипломов курсантам военных училищ, оказывал различные знаки внимания младшему офицерскому составу, посылал военные делегации на Кубу, в Советский Союз, другие социалистические страны. Президент активно вовлекал патриотически мыслящих военных в управление государством, назначал их на ответственные административные должности, на министерские посты.

Однако, хотя военная политика президента и приносила хорошие плоды, дальнейшие события показали, что она была недостаточной, чтобы склонить чашу весов в армии в пользу народных сил. Партии Народного единства не вели систематической, глубинной пропагандистской работы в армейских частях, хотя «мумии» с пеной у рта обвиняли их в намерении «разложить» армию.

И все же Альенде был уверен, что за три оставшиеся до окончания его полномочий года ему удастся добиться преобладающего влияния в армии патриотически мыслящих офицеров. Так считали и его противники. Они

пришли к выводу, что время работает не на них...

Ночь на 8 сентября 1973 года Сальвадор Альенде провел в своей резиденции на улице Томас Моро. В 6.20 утра в его спальне раздался телефонный звонок.

Ему сообщили, что в Вальпараисо восстал флот и требует его отставки. Президент пытается созвониться с генералом Пиночетом и другими командующими родами войск, чтобы узнать, как разворачиваются события, но ни один телефон, ни частный, ни служебный, не отвечает. Плохой признак!

— На этот раз они добились своего! — говорит президент Хоану Гарсесу, ночевавшему с ним на Томас Моро. Они — это генералы-предатели.

Президент принимает решение: немедленно направиться в «Ла-Монеду» — символ его власти, которую он обязался не покидать до окончания срока своих полномочий. Теперь настал час доказать, что это не были всего лишь слова.

На прощание президент говорит жене:

— Только мертвым оставляю «Ла-Монеду», но умру сражаясь. Совершать самоубийство, как Бальмасада, я не стану.

С президентом направляются в «Ла-Монеду» Хоан Гарсес и 23 человека из личной охраны — члены ГАП, вооруженные автоматами и тремя базуками. В руках президента тоже автомат, подарок вождя кубинской революции. На нем прибита пластинка с надписью: «Моему соратнику Сальвадору Альенде от Фиделя Кастро».

В 7.20 четыре автомобиля и один грузовик, везущие президента и сопровождающих его лиц, подъезжают к «Ла-Монедо». По дороге от Томас Моро до президентского дворца можно было наблюдать, как усиленные наряды карабинеров и военные патрули занимали боевые посты на перекрестках улиц. Однако президентский кортеж никто не остановил. По-видимому, солдаты и карабинеры еще не знали, какое черное предательство им предстоит совершить в этот день.

В «Ла-Монедо» никаких признаков надвигающейся грозы не наблюдалось; в здании нес караульную службу обычный наряд карабинеров в 25 человек.

«Самым важным было сохранить тайну, — заявил после переворота один из его ведущих участников, адмирал Патрисио Карвахаль, бывший начальник генерального штаба при Альенде и затем министр обороны хунты. — Идеальным временем для операции подобного рода является ночь или предрассветные часы, когда улицы пустынные. Тем не менее для

этого пришлось бы разместить войска на стратегических позициях накануне вечером, и, по всей вероятности, тайна была бы нарушена. По этой причине мы назначили операцию на 8.30 утра 11 сентября.

Основной раздел нашего плана составляла так называемая «операция молчания», то есть захват вооруженными силами контроля над всеми радиостанциями, телефонными станциями и важнейшими коммунальными службами, такими, как электростанции, снабжение водой, газом и бензином.

Мы осуществили эту операцию ранним утром, не вызвав подозрения, потому что мы являлись под предлогом проверки соблюдения закона о контроле над оружием. В результате этой операции мы вывели из строя телефоны должностных лиц правительства и заставили замолчать проправительственные радиостанции».

В «Ла-Монеде» Альенде объясняет карабинерам и своим сотрудникам, что, судя по всему, военные восстали и потребуют его отставки, однако он намерен оказать мятежникам самое решительное сопротивление. Те, кто по каким-либо причинам не желает участвовать в сопротивлении, могут покинуть «Ла-Монеду». Присутствующие заявляют, что останутся защищать президента.

Альенде приказывает подготовить дворец к обороне, занять посты, оборудовать медпункт. Он пытается созвониться с руководителями партий Народного единства, министрами, ему тоже беспрестанно звонят, справляясь о новостях, испрашивая инструкции. Альенде всем заявляет, что намерен сопротивляться в «Ла-Монеде» до конца.

Во дворец являются семь человек из службы безопасности, изъявляющие желание принять участие в его обороне, — первое и последнее подкрепление, полученное президентом в этот день.

Многие из его ближайших сотрудников и министров спешат в «Ла-Монеду». Некоторым удается попасть во дворец. Одним из первых появляется в «Ла-Монеде» его друг и советник по печати Аугусто Оливарес. Он неоднократно заверял Альенде, что в час испытания не покинет его, и теперь пришел выполнить свое обещание. Прибыли во дворец и дочери президента — Беатрис и Мария Исабель. Беатрис была беременна. Увидев ее, Альенде только покачал головой...

Между тем генералы-предатели точно вымерли. Они затаились и пока не подавали признаков жизни. Альенде обращается к населению по радио, предупреждая, что, по имеющимся данным, военные совершили предательство и пытаются захватить власть. Альенде призвал трудящихся к бдительности и сопротивлению силам реакции.

— Я заявляю, — говорит президент, — что не уйду со своего поста и своей жизнью готов защищать власть, данную мне трудящимися.

Несколько минут спустя Альенде вновь обращается по радио к чилийцам:

— Я не уйду в отставку. Я подтверждаю свою непоколебимую решимость продолжать защищать Чили...

Почему президент не призвал своих сторонников к более активным действиям против мятежников, к генеральной забастовке, к захвату фабрик и заводов? Судя по всему, он считал, что практически безоружные трудящиеся не смогут одолеть армию, в этих условиях их безнадёжное сопротивление вызовет неоправданное кровопролитие. Будет полезнее, если трудящиеся максимально сохранят свои силы для будущих сражений и битв. Так, вероятно, рассуждал президент. Но для себя он делал исключение: он намеревался сражаться до конца.

В 7.50 утра мятежники появляются в эфире. Радиостанция «Агрикультура», которая все эти годы выступала против Альенде, передала первую «прокламацию» самозванной военной правительственной хунты, в которой говорилось:

«Учитывая

1) чрезвычайно серьёзный экономический, социальный и моральный кризис, подрывающий страну,

2) неспособность правительства принять меры, чтобы остановить дальнейшее разрастание хаоса,

3) неустанное разрастание военизированных групп, организуемых и обучаемых Народным единством, поддерживающим Альенде, — обстоятельство, которое неизбежно вовлечет чилийский народ в гражданскую войну,

вооруженные силы и корпус карабинеров заявляют:

1) президент республики должен немедленно передать свои высокие полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров;

2) чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за восстановление порядка и конституционного правления;

3) рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и социальные блага, которых они добились на сегодняшний день, не будут подвергнуты большим изменениям;

4) печать, радиостанции и телевизионные каналы Народного единства с этого момента должны прекратить передачу информации — иначе они

будут подвергнуты нападению с суши и с воздуха;

5) население Сантьяго должно оставаться по домам во избежание гибели ни в чем не повинных людей».

Прокламацию подписали:

генерал Аугусто Пиночет (командующий сухопутными войсками),

адмирал Хосе Торибио Мерино (командующий военно-морскими силами),

генерал Густаво Ли (командующий военно-воздушными силами),

генерал Сесар Мендоса (временный командующий корпусом карабинеров).

Пиночет, Мерино, Ли, Мендоса...

Их хорошо знали в Пентагоне и ЦРУ.

Пиночет и Ли почти десять лет пребывали в Вашингтоне на постах военного и военно-морского атташе, адмирал Мерино был военно-морским атташе в Лондоне. Он и генерал Пиночет, кроме того, подвизались и на службе НАТО в роли офицеров связи. Мендоса неоднократно руководил карательными экспедициями против забастовщиков.

Хосе Торибио Мерино и Сесар Мендоса — самозванцы, Они захватили свои посты, сместив лояльных правительству военных.

После передачи «манифеста» путчистов генерал Баэса звонит президенту от имени хунты и требует от него немедленно сдаться хунте, которая взамен обещает сохранить ему жизнь.

Президент отвечает «горилле»:

— Я не совершу подобно вам предательства. Генералам-предателям не понять человека чести. Я буду сражаться с вами до конца.

И тут же записывает новое обращение по радио к народу:

— Я не подам в отставку, я не сделаю этого. Я готов сражаться против мятежников любыми средствами. И пусть это знают те, у кого в руках сила, но не право.

Это обращение передается в эфир через еще действующую радиостанцию социалистической партии.

Своим сотрудникам, по свидетельству его дочери Марии Исабель, президент говорит:

— Если бы я мог оказаться в другом месте для продолжения борьбы, я бы это сделал. Но я здесь, в «Ла-Монеде», и именно здесь я буду бороться и погибну, если потребуется. Я никогда не предавал народ и никогда не предаю его. Мое место в президентском дворце.

«Отца, — вспоминает Мария Исабель, — сразу же удивила координация, точность, внезапность военного мятежа. Он понял, что не

может больше рассчитывать на разногласия в армии и на поддержку верных ему подразделений. С этой стороны он уже больше ничего не ждал. Со стороны гражданских сил — тоже. Он знал, что забастовка транспортников и патрулирование города армией делали невозможным прибытие в «Ла-Монеду» рабочих подкреплений. Он с самого начала понял, что извне ничего не придет».

Между тем карабинеры из охраны президентского дворца, услышав призыв «горилл» свергнуть Альенде, решают перейти на сторону мятежников. Президент с презрением прогоняет их из «Ла-Монеды», а вместе с ними просит покинуть дворец и своих военных адъютантов, в их числе адъютанта ВВС Роберто Санчеса, не желая, чтобы кто-либо из офицеров, представляющих изменившую ему армию, разделил бы с ним честь быть до конца верным своему долгу... С президентом остаются около 40 человек.

Карабинеры, захватив с собой оружие, трусливо покидают «Ла-Монеду». Спускаясь по лестнице, некоторые из них поворачивают автоматы против стоящего на верхней площадке президента и стреляют в него. Его телохранители отвечают автоматными очередями. Карабинеры бегут.

Отходят от «Ла-Монеды» и стоявшие у ворот танкетки тех же карабинеров. Они разворачиваются в глубине площади Конституции, направляя свои пулеметы на «Ла-Монеду», которую присягали защищать...

Альенде звонит на Томас Моро своей супруге Тенче, советует ей немедленно покинуть резиденцию. Не исключено, что мятежники попытаются захватить и ее. Он вновь заверяет Тенчу, что намерен сопротивляться в «Ла-Монед» до последнего патрона.

После телефонного разговора с мужем, последнего в ее жизни, Тенча покинула через монастырский двор дом на Томас Моро и скрылась в мексиканском посольстве. Некоторое время спустя после ее ухода резиденция была превращена в руины самолетами мятежников, разбомбившими ее ракетами. Затем «гориллы» разграбили ее. «Многие жители этого квартала, — писала венесуэльская газета «Ультимас нотисиас», — несмотря на принадлежность к классу буржуазии, забрали себе все, что они могли обнаружить в этой резиденции».

В 9.00 президенту звонит его военно-воздушный адъютант Роберто Санчес:

— Я нахожусь в распоряжении седьмой группы ВВС, куда был вызван по приказу генерала фон Шовена (начальник штаба ВВС. — Я. Л.). Генерал просил вам передать, что вас ждет самолет, полностью заправленный

горючим. Он доставит вас, сеньор президент, и вашу семью туда, куда вы захотите.

— Передайте генералу фон Шовену, — ответил Альенде, — что президент Чили не намерен спастись бегством на самолете, а генералу следовало бы научиться выполнять свой долг солдата.

Проходит некоторое время. Новый телефонный звонок. На проводе сам «горилла» Пиночет. Он передает ультиматум: если президент Альенде сдастся, ему сохранят жизнь и позволят уехать из страны. Если нет, в 11 часов начнется штурм.

Президент говорит четко, делая ударения на каждом слове:

— Я не сдамся. И не покину дворца. Угрозам подчиняются только трусы. И сдаются только трусы. Такие, как вы...

И кладет трубку телефона.

Президент выходит на балкон и машет рукой тем не многим, кому удалось прорваться к дворцу. Танки и бронетранспортеры уже полностью контролируют площадь Конституции. Над дворцом на бреющем полете идут самолеты.

Рене Ларго Фариас, директор Управления информации и радиопередач при президенте, находившийся с ним в «Ла-Монедо» и покинувший ее незадолго до бомбардировки, свидетельствует:

— Примерно в десять часов доктор Альенде говорит своим сотрудникам, собравшимся в зале Тоэски: «Женщины, а также мужчины, у которых нет оружия, чтобы защищаться, должны уйти. Я приказываю, чтобы женщины оставили «Ла-Монеду». Я требую, чтобы они ушли. Здесь со мной две дочери, они тоже обязаны покинуть дворец. Я не собираюсь сдаваться, но не хочу, чтобы вы напрасно жертвовали собой. Сила на их стороне. Во главе революций не могут стоять трусы. Поэтому я остаюсь. Я не собираюсь сдаваться. Благодарю вас за вашу поддержку».

Сотрудники президента, женщины отказываются покинуть «Ла-Монеду».

Президенту сообщают, что самолеты мятежников подвергли бомбардировке радиостанции «Порталес» и «Корпорасьон», призывавшие население выступить в поддержку правительства Народного единства. Оставалась в эфире только одна радиостанция, «Магальянес», принадлежавшая компартии и расположенная неподалеку от «Ла-Монеды». Альенде подключился к передатчикам станции и, привычным жестом взяв микрофон в руку, произнес то, что стало его последней речью. Голос его был спокоен. Говорил он медленно, четко, отточенными и ясными фразами, как бы стремясь, чтобы его слова навсегда запечатлелись в памяти его

слушателей. Наверное, за эти три бурных года он не раз представлял себя в подобной ситуации и мысленно говорил слова, которые ему пришлось бы произнести, прощаясь со своим народом.

Президент Сальвадор Альенде сказал:

— Трудящиеся моей родины! Наверное, это моя последняя возможность обратиться к вам — военно-воздушные силы бомбили радиостанции «Порталес» и «Корпорасьон»... И мои слова будут моральной карой тем, кто нарушил свою солдатскую клятву, — командующим родами войск... Перед лицом этой измены мне остается сказать трудящимся одно — я не сдамся! На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за верность своему народу. И я убежден, что семена, которые мы заронили в сознание тысяч и тысяч чилийцев, уже нельзя будет уничтожить...

Трудящиеся моей родины! Я благодарю вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости и который, поклявшись уважать конституцию и закон, сдержал свое слово. В этот решающий момент, последний, когда я могу обратиться к вам, я хочу, чтобы вы поняли одно: иностранный капитал, империализм и союз с реакцией создали условия, при которых вооруженные силы нарушили традицию...

Я обращаюсь прежде всего к простой женщине нашей земли, к крестьянке, которая верила в нас, к работнице, которая трудилась не покладая рук, к чилийской матери, знавшей, что правительство Народного единства заботится о ее детях.

Я обращаюсь к специалистам-патриотам, тем, кто продолжал работать вопреки саботажу предательских профсоюзов.

Я обращаюсь к молодежи, к тем, кто с песней отдавал свой задор делу борьбы.

Я обращаюсь к народу Чили — к рабочему, крестьянину, интеллигенции, к тем, кого еще будут преследовать потому, что в нашей стране орудует фашизм...

Я всегда буду рядом с вами. И помнить обо мне будут как о достойном и честном человеке.

Трудящиеся моей родины, я верю в Чили, я верю в судьбу моей страны. Другие люди переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что недалек тот день, когда снова откроется широкая дорога, по которой пройдет свободный человек, чтобы строить лучшую жизнь.

Да здравствует Чили! Да здравствует чилийский народ! Да

здравствуют трудящиеся!

Таковы мои последние слова. И я уверен — гибель моя не будет напрасной. Я уверен, что она будет, по крайней мере, моральным уроком и наказанием вероломству, трусости и предательству!

Передав выступление президента, сотрудники радиостанции «Магальянес» собрались в студии и запели гимн левых сил. Они пели его до тех пор, пока мятежники не прервали их автоматными очередями...

В 10.25 в зале Тоэски президент вновь собирает всех своих сотрудников, находящихся в «Ла-Монеде». Твердым и спокойным голосом он сообщает им, что через несколько минут мятежники начнут штурм дворца.

— Никакая революция, — говорит он, — не может победить, если ее руководитель не способен встретить опасность в трудный момент и бороться до конца. Это справедливо. Но справедливо и то, что бессмысленные жертвы абсолютно ничем не могут помочь делу революции. Наоборот, они вредят ей.

Президент приказывает всем, кто не имеет прямого отношения к охране дворца, покинуть его, пока это еще можно сделать. Он же остается здесь. Это его долг: «Я не уйду из «Ла-Монеды». Если нужно, я погибну здесь...»

Мятежники сосредоточивают вокруг «Ла-Монеды» свои силы. К дворцу подходят тяжелые танки «шерман», бронетранспортеры, подкатывают орудия, вокруг занимают позиции несколько батальонов пехоты.

В 11.00 раздается команда: «Взять штурмом дворец!» Солдаты, трусливо перебегая от одного укрытия к другому, пытаются приблизиться к «Ла-Монеде», по которой ведут огонь пушки, танки и броневики. Защитники дворца мужественно сопротивляются. Сам Альенде стреляет из базуки по танкам. Он попадает в танк, который подошел к главному входу во дворец. Танк горит,

Альенде приказывает сжечь конфиденциальную документацию, чтобы она не попала в руки противника, поместить женщин в наиболее безопасное место. Он сохраняет спокойствие, присутствие духа, говорит своим соратникам, что народ в конечном счете победит своих противников, добьется освобождения от оков нищеты и эксплуатации.

В 11.45 президент вновь, да этот раз в категорической форме, приказывает женщинам и безоружным сотрудникам немедленно покинуть «Ла-Монеду»,

— Революция не нуждается в неоправданных жертвах. Вы можете еще

принести пользу будущей борьбе против поработителей чилийского народа.

Его дочери Беатрис и Исабель отказываются и на этот раз подчиниться воле отца.

— Поймите, — говорит он дочерям, — если с вами что-либо случится, противник во всем будет винить меня. Вы нужны матери, вы нужны нашему общему делу. Я приказываю вам, как отец и как президент, которого вы обязаны слушаться, покинуть «Ла-Монеду». Иначе вы заставите меня выйти на улицу.

Беатрис и Исабель вынуждены подчиниться.

«Последний образ отца, оставшийся у меня в памяти, — вспоминает Исабель, — это образ бойца» в каске и с автоматом в руке, который переходил от окна к окну, подбадривал членов своей охраны, шутил с ними, сам стрелял по танкам и руководил боем. Ему предложили надеть пуленепробиваемый жилет. Он отказался со словами: «Почему я? Я такой же боец, как и все».

Воспользовавшись тем, что противник отступил от дворца в преддверии авиационного штурма, дочери Альенде вместе с Хоаном Гарсесом покидают «Ла-Монеду». Им удастся укрыться в надежном месте. Покинула дворец и секретарь Альенде Мирия Контрерас. Ей Альенде передал оригинал первой чилийской конституции, подписанной основателем государства О'Хиггинсом. Оригинал хранился в кабинете Альенде. Солдаты отобрали у Мирии эту национальную реликвию, разорвали ее в клочья и бросили в огонь.

В 12 часов «гориллы» бомбят «Ла-Монеду» с воздуха. Уже пробита во многих местах крыша дворца. Уже он горит. Альенде велит открыть все краны в «Ла-Монедде». Его соратники продолжают отстреливаться. Среди них раненые, убитые, в числе последних Аугусто Оливарес, преданный друг, верный товарищ. Сам президент ранен осколками стекла в спину.

Дым от взрывов и огня проникает во все помещения древнего здания. Президент просит раздобыть противогазы в оружейной палате, расположенной в подвале. Ему докладывают, что дверь палаты заперта. Президент спускается вниз и сам гранатой взрывает дверь. Здесь не только противогазы, но и пулеметы, автоматы, гранаты. Защитники «Ла-Монеды» быстро переносят это оружие на второй этаж. Бой разгорается с новой силой.

После полудня «гориллы» прерывают обстрел и бомбардировку дворца и вызывают парламентариев. К ним выходят генеральный секретарь правительства Флорес и заместитель министра внутренних дел Даниэль Вергара. «Гориллы» требуют от них немедленной капитуляции, угрожая

сравнивать «Ла-Монеду» с землей. Флорес и Вергара настаивают на эвакуации из дворца раненых. В ответ сыплются угрозы. Парламентеры возвращаются в «Ла-Монеду». Им стреляют в спину.

«Ла-Монета» полыхает огнем. Танки и орудия продолжают выпускать по зданию Тоэски один снаряд за другим. Наконец в 13.30 танки врываются сквозь главные ворота во дворец, за ними следуют солдаты. Завязывается жестокий бой у парадной лестницы. Силы защитников тают. Из 40 человек в живых осталось около половины, но они сражаются как львы, следуя примеру своего президента.

В 14.00 противник пробивается на второй этаж. Защитники баррикадируются в Красном зале. Нападающие, которых возглавляет капитан Роберто Гарридо, выбивают дверь. Защитники встречают их ураганным огнем. Но силы сражающихся неравны. Ранен в живот Сальвадор Альенде. Он продолжает стрелять, опираясь на кресло. Гарридо — снайпер. Генерал Паласиос, командующий штурмом дворца, приказал ему убить президента. Автоматная очередь прошивает грудь Альенде. Он падает на пол. Находящаяся в зале любимая собака президента Ака бросается на убийцу, Гарридо стреляет в нее. Затем мятежники, точно уstraшенные чудовищностью содеянного ими преступления, отступают. Защитники «Ла-Монеды» их преследуют по коридорам президентского дворца. Другие уносят Альенде в его кабинет, кладут его в президентское кресло, надевают на грудь президентскую ленту — символ его власти, покрывают плечи чилийским знаменем...

Когда два часа спустя головорезам капитана Гарридо удалось наконец убить последнего защитника «Ла-Монеды» и ворваться в президентский кабинет, они увидели сидящего за столом Сальвадора Альенде. Капитан Гарридо подошел к нему и в упор выпустил в мертвое тело президента еще одну автоматную очередь ^[15].

Через некоторое время радиостанция мятежников «Агрикультура» в одной из передач сообщила: «Капитан Гарридо, этот доблестный офицер, собственной рукой прострелил красную голову марксиста Альенде».

Семь часов сопротивлялась горстка защитников «Ла-Монеды» во главе с Сальвадором Альенде натиску танков, артиллерии, ракетной авиации, отборных армейских частей.

— Президент не только показал себя мужественным и достойным, выполняя данное им слово умереть, защищая народное дело, но в последнюю годину испытаний проявил подлинный героизм, — сказал Фидель Кастро на траурном митинге в Гаване, посвященном памяти Сальвадора Альенде. — Никогда на Американском континенте ни один

президент не совершал столь драматического подвига. Грубая сила много раз торжествовала над незащитной мыслью. Но теперь можно сказать, что никогда грубая сила не встречала такого сопротивления в вооруженной схватке с мыслящим человеком, оружием которого были до того только слово и перо. Смерть Альенде — жест несравненного величия — заклеила навсегда Пиночета и его приспешников.

Вот пример революционера!
Вот пример настоящего человека!
Вот как гибнет подлинный боец!
Вот как гибнет защитник народа!
Вот как гибнет борец за социализм!

ТВОЙ НАРОД ПОБЕДИТ, ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ!

Жизнь политического и государственного деятеля неотделима от жизни его народа, его страны. Она часто выходит далеко за пределы хронологических рамок рождения и смерти героя, продолжая оказывать влияние и волновать людей и после того, как перестало биться его сердце. В особенности это относится к революционерам, к борцам за народное счастье, которые остаются в строю и после смерти. Их преданность народному делу, их мужество, принципиальность, неподкупность служат примером грядущим поколениям, вдохновляют их на новые свершения и подвиги в борьбе за социальную справедливость, независимость и подлинную свободу.

Именно таким останется в памяти народной образ Сальвадора Альенде, убитого фашистскими палачами в «Ла-Монеде» 11 сентября 1973 года. Но свергнуть и убить Сальвадора Альенде не было самоцелью «горилл». Они стремились покончить с идеей народовластия в Чили, которую он олицетворял, ликвидировать, разрушить, уничтожить систему буржуазной демократии, которая функционировала в Чили на протяжении почти 150 лет, ибо эта система, как они считали, перестала служить интересам эксплуататоров и открывала путь социализму. А для этого мало было свергнуть и убить Сальвадора Альенде. Нужно было одновременно устроить кровавую баню трудящимся, разгромить народные партии и организации, повергнуть и растоптать демократические институты, установить в стране царство террора, беззакония и произвола.

В то время как танки и самолеты бомбили «Ла-Монеду» и президентскую резиденцию на улице Томас Моро, в столице и других городах страны войска, карабинеры и фашистские головорезы из «Патриа и либертад» и других реакционных банд громили помещения народных партий и профсоюзов, осаждали фабрики и заводы, расстреливали из пушек, пулеметов и автоматов трудящихся, оказывавших им сопротивление. «Патронов не жалеть» — таков был приказ генерала-предателя Пиночета.

Сколько человек было убито путчистами во время переворота и в последующие дни и недели в Чили? Пиночет со свойственным ему цинизмом утверждает, что всего 1400 человек. Но эта цифра опровергается

всеми другими обозревателями, свидетелями и участниками чилийской трагедии. Ортенсиа Бусси, вдова Сальвадора Альенде, выступая 26 февраля 1974 года в комиссии ООН по правам человека, заявила, что палачи хунты, по неполным данным, убили около 80 тысяч человек. Особенно многочисленны были жертвы фашистского террора в Сантьяго, где морги на протяжении недель ломились от трупов. Сотни трупов были выброшены в реку Мапочо. Озверевшая солдатня расстреливала «подозрительных» среди беда дня на улицах. Стадионы были превращены в гигантские места заключения, где пытали, истязали и убивали сторонников правительства Народного единства. То же самое происходило в казармах, военных училищах, на авиабазах, военных кораблях. На безлюдных островах Магелланова пролива, архипелага Хуан-Фернандес, в заброшенных селитряных шахтах в пустыне Атакама было создано около 100 концентрационных лагерей, куда фашисты заключили тысячи людей, единственным «преступлением» которых было то, что они являлись патриотами, стремились к социальному прогрессу, любили свободу. В один из таких лагерей был брошен и славный сын чилийского народа Генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан, многие министры правительства Альенде, профсоюзные лидеры. Военная хунта распустила конгресс, запретила деятельность партий Народного единства, конфисковала их собственность, объявила вне закона их руководителей. Изгнала из университетов прогрессивных преподавателей, левых студентов, из государственного аппарата — сторонников Сальвадора Альенде.

Изображая из себя националистов, Пиночет и его подручные начали травлю иностранцев. Но не банкиров, агентов ЦРУ, представителей монополий — таких иностранцев хунта приветствовала, а политических эмигрантов-демократов из Боливии, Бразилии и других стран, где власть находилась в руках таких же сатрапов, как и Пиночет.

«Гориллы» со свойственной фашистам ненавистью к культурным ценностям жгли «крамольные» книги, громили библиотеки и книжные магазины. Один из генералов, командующий военной зоной Магальянес, даже издал приказ, в котором приравнивал марксистские книги к оружию и угрожал их владельцам военным трибуналом и расстрелом.

Преступные действия фашистских генералов встретили решительное осуждение всего цивилизованного мира.

Центральный Комитет КПСС опубликовал по поводу военного переворота в Чили заявление, в котором, в частности, говорилось:

«11 сентября реакционные силы Чили захватили власть в стране...

Жертвой насильственных действий мятежников стал президент Сальвадор Альенде, мужественный борец за дело чилийского народа, демократию и мир, выдающийся деятель освободительного, антиимпериалистического движения Латинской Америки.

Свержение правительства С. Альенде явилось кульминацией подрывных действий чилийской реакции... Сейчас реакция, нагло поправшая волю народа, растоптавшая элементарные демократические нормы, осуществляет расправу с прогрессивными деятелями. Поступают сообщения об арестах членов партий коалиции Народного единства, других прогрессивных организаций трудящихся и репрессиях в отношении Единого профсоюзного центра Чили.

Центральный Комитет КПСС решительно осуждает действия реакционных сил в Чили, попрание ими демократических институтов и конституционных норм, их зловещие планы репрессий против прогрессивных партий и организаций.

В этот трудный для чилийского народа час, выражая чувства советских коммунистов, всех советских людей, ЦК КПСС заявляет о своей полной солидарности с братской Коммунистической партией Чили, с социалистической партией, с другими партиями Народного единства, со всеми трудящимися Чили, которые, несмотря на удары реакции, остаются верными делу борьбы за независимость, демократию и социальный прогресс — те благородные цели, за которые мужественно боролись Сальвадор Альенде, правительство Народного единства, трудовой народ Чили.

ЦК КПСС выражает твердую уверенность в том, что никакие репрессии, никакой террор не способны сломить волю народа, преградить путь экономического и социального прогресса».

Только сутки спустя после переворота, 12 сентября, фашистская хунта сообщила, что солдаты, захватившие «Ла-Монеду», «обнаружили» в одной из комнат президентского дворца тело Альенде и что «комиссия медицинской службы вооруженных сил и национальной полиции и один судебно-медицинский эксперт удостоверили его смерть». В этом коммюнике «гориллы» не отважились заявить то, что они стали утверждать потом, а именно: что Альенде якобы покончил с собой. Никакого медицинского свидетельства в подтверждение версии о самоубийстве никогда не было опубликовано, хотя представители хунты обещали это сделать.

В тот же день путчисты доставили супругу президента Ортенсию Бусси из мексиканского посольства, где она нашла убежище, на один из

военных аэродромов в Сантьяго. Там ее посадили в самолет, где уже находился гроб, покрытый солдатским одеялом. «Гориллы» заявили Тенче, что ее доставят в Вальпараисо, где будет похоронен Альянде.

— Я настаивала на том, чтобы мне разрешили взглянуть на тело моего мужа, — рассказывает Тенча. — Военные не позволили. Я продолжала требовать. Они сдвинули крышку с гроба, и я смогла увидеть лишь простыню. Я не знала, покоится ли там его голова или его ноги.

В Вальпараисо тело Альянде было захоронено в семейном склепе на кладбище Санта-Инес.

Тенча у могилы мужа сказала:

— Здесь мы оставляем Сальвадора Альянде, который является президентом республики и которого даже не разрешили сопровождать в последний путь его семье.

Пусть весь мир знает о том, что произошло. Президент Альянде был предан и свергнут в результате фашистского переворота, и его похороны состоялись в обстановке полной секретности.

Из Вальпараисо Тенчу переправили обратно в Сантьяго, откуда она вскоре отбыла на личном самолете мексиканского президента в Мехико.

Когда в Вальпараисо хоронили Альянде, в Сантьяго на Национальном стадионе, превращенном в гигантскую камеру пыток, палачи приканчивали народного поэта и певца Виктора Хару, члена ЦК Коммунистической молодежи Чили. Хара был доставлен на стадион с гитарой. Он играл и пел песни заключенным. Палачи сломали ему руки, размозжили голову. Но песнь, которую он сочинил и пел на стадионе смерти, обошла весь мир.

Жизни одного поэта фашистским палачам было мало. Пабло Неруду — вот кого они хотели видеть мертвым. Поэт лежал, прикованный смертельным недугом к постели, в своем доме на холме Сан-Кристобаль в Сантьяго. Солдатня стала ломиться к нему, варвары в военных мундирах разграбили знаменитую дачу-музей поэта в селении Исла-Негра на берегу Тихого океана. На улицах жгли его книги. Поэт ненавидел этих прислужников «мумий» и иностранных монополий, он в течение всей жизни разоблачал и клеймил их позором в своих стихах. Звериное обличье фашизма было ему хорошо знакомо еще по гражданской войне в Испании.

Умирающий поэт сражался с этими врагами рода человеческого до последнего вздоха.

10 сентября Пабло Неруду доставили в больницу Санта-Мария, его поместили в палату 402 под наблюдение автоматчиков. 23 сентября в 11.30 вечера великий поэт скончался. Несмотря на запрет и угрозы хунты, похороны поэта превратились в первую открытую демонстрацию против

фашистских путчистов. Несколько сот человек сопровождали гроб поэта на кладбище, где под пение «Интернационала» он был предан земле. В ноябре 1974 года хунта конфисковала дом поэта в Исла-Негра и его квартиру в Сантьяго.

Бесчинства фашистских генералов продолжались. В Сантьяго и других районах пылали костры из «марксистских» книг. Памятник Эрнесто Че Геваре, вернее, то, что осталось от него после взрыва бомбы, подложенной провокаторами еще до генеральского мятежа, был по приказу Пиночета снят с пьедестала и отправлен на переплавку.

Террор, угрозы, клевета были направлены не только против чилийских трудящихся, но и против посольств и граждан социалистических стран, в первую очередь Советского Союза и революционной Кубы, что привело к разрыву дипломатических отношений. 22 сентября было опубликовано Заявление Советского правительства, в котором отмечалось:

«За последние дни в Чили в результате захвата власти военной хунтой, свергнувшей законное правительство во главе с президентом Сальвадором Альенде, сложилась крайне напряженная обстановка.

Жертвой насильственных действий военных мятежников пал президент Альенде, был распущен Национальный конгресс, отменены конституционные гарантии элементарных демократических нрав чилийских граждан, арестованы и подвергаются репрессиям вплоть до физического уничтожения руководящие деятели правительства Народного единства. Военная хунта обрушила на страну волну кровавого террора, направленного против прогрессивных сил страны, против всего чилийского народа. Террор против чилийских патриотов сопровождается антикоммунистической истерией, развязанной всеми средствами пропаганды правых сил... В сложившейся обстановке Советское правительство считает невозможным дальнейшее пребывание в Чили посольства СССР и заявляет, что оно прерывает дипломатические отношения с Чили и отзывает из Чили посла СССР и состав советского посольства».

Порвали отношения с хунтой и другие социалистические страны. Лишь китайское правительство как ни в чем не бывало продолжало поддерживать отношения с хунтой. Более того, оно поспешило выдворить из Пекина чилийского посла, назначенного правительством Альенде. Хунта направила своего представителя в Пекин, которому был оказан китайскими властями подчеркнуто радушный прием.

Альенде с большим уважением относился к китайской революции. Вступив в должность президента, Альенде установил дипломатические

отношения с Китайской Народной Республикой. Чилийский представитель в ООН голосовал за ее принятие в эту организацию. Китайские же руководители относились к Альенде прохладно. Они не могли простить ему дружеского отношения к Советскому Союзу, к КПСС. Альенде отказался следовать раскольническим лозунгам маоистского руководства, он отвергал клеветнические антисоветские выпады властелинов современного Китая, хотя вряд ли он мог вообразить, что Пекин будет приветствовать фашистскую хунту и что ее глава Пиночет направит в знак благодарности Мао Цзэ-дуну за признание хунты и по поводу его 80-летия такую телеграмму: «В день Вашего рождения имею честь передать Вам тысячу поздравлений и пожелание личного счастья».

«Позиция правительства Китайской Народной Республики, — отмечает известный чилийский журналист Луис Альберто Мансилья, бывший редактор газеты «Эль Сигло», — вызвала глубокое разочарование среди трудящихся, среди всех, кто подвергается преследованиям и пыткам, среди родственников чилийцев, убитых правительством Пиночета, главного палача чилийского народа. Двери китайского посольства оставались наглухо закрытыми даже для их собственных сторонников, которых в Чили было, правда, немного».

Фашистский переворот, злодейское убийство Сальвадора Альенде, массовый террор, развязанный хунтой против демократов и патриотов, вызвали невиданную по своим масштабам волну гнева и возмущения во всем мире. В ряде латиноамериканских республик: на Кубе, в Мексике, Венесуэле, Аргентине — был объявлен в память об Альенде государственный трехдневный траур, во многих странах на пяти континентах прошли и продолжаются многотысячные демонстрации и митинги протеста против террора хунты и солидарности с чилийскими патриотами.

Единодушно осудили злодеяния контрреволюционной хунты советские люди. Выступая на митинге трудящихся в болгарской столице 19 сентября 1973 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал:

«Мы скорбим о гибели верных сынов и дочерей Чили, ставших жертвой империалистического террора. Мы склоняем головы перед светлой памятью героически павшего президента Республики Чили, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сальвадора Альенде. Он был одной из самых чистых и благородных фигур современной политической жизни, был до конца предан делу народа и отдал за него свою жизнь. Его подвиг будет вдохновлять трудящихся Чили

и многих других стран на новые славные дела в борьбе за свободу, мир и прогресс. И мы твердо уверены, что никакие зверства реакционеров не сломят гордого духа свободолюбивого народа Чили, не остановят неукротимого стремления к свободе, демократии и прогрессу в других странах Латинской Америки».

Столь же решительно осудил Леонид Ильич Брежнев преступления фашистской хунты в своей памятной речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 года:

«Чудовищное, ничем не прикрытое надругательство над конституцией страны, бесцеремонное попрание демократических традиций целой нации, издевательство над элементарной законностью, расстрелы, пытки и варварский террор, костры из сжигаемых книг — вот он, подлинно фашистский оскал военной хунты, вот оно, подлинное лицо реакции, внутренней и внешней, готовой пойти на любое преступление для того, чтобы восстановить свои привилегии вопреки ясно и свободно выраженной воле народа.

Трагедия Чили острой болью отозвалась в сердцах миллионов людей, в самых различных кругах демократической общественности всех стран мира. Имя Сальвадора Альенде, имена других героев этой страны, отдавших жизнь во имя свободы и мира, навсегда сохранятся в нашей памяти. Позвольте с трибуны конгресса выразить нашу полнейшую солидарность с демократами и патриотами Чили и твердое убеждение, что правое дело, за которое они боролись и ныне борются в столь тяжелых условиях, — дело независимости, демократии и социального прогресса — непобедимо, неистребимо! И защита этих высоких ценностей, их претворение в жизнь, борьба с теми, кто им угрожает и стремится их уничтожить, неразрывно связаны с борьбой за обеспечение прочного мира на земле».

Фашистские убийцы были осуждены в ООН и на других международных форумах. Во многих странах были созданы представительные комитеты помощи чилийским антифашистам. Движение солидарности с народом Чили охватило весь цивилизованный мир. В Советском Союзе и других странах в память о Сальвадоре Альенде были названы его именем площади, улицы, школы, корабли, изданы почтовые марки.

Фашистская хунта оказалась в изоляции, генералы-предатели были осуждены мировым общественным мнением. Пиночет и его подручные пытались оправдать свое предательство, свержение законного президента Чили Сальвадора Альенде, его убийство и массовый террор якобы тем, что

правительство Народного единства нарушило конституционный порядок и готовилось осуществить таинственный план «Зет», предусматривавший арест командного состава вооруженных сил. Но эти «объяснения» звучали издевательством над здравым смыслом. Генералы-предатели — «защитники конституции и законности», захватив власть, первым делом отменили конституцию, закрыли конгресс, перечеркнули все чилийские законы. Что касается мифического плана «Зет», который хунта обещала опубликовать, то такого просто не существовало в природе. Фантазия генералов оказалась весьма убогой, ее даже не хватило на то, чтобы сочинить такой план. В их «белой книге», где они пытаются оправдать свои преступные действия, начисто отсутствуют какие-либо доказательства существования такого плана или незаконных, антиконституционных действий правительства Сальвадора Альенде, которого если и можно было в чем-либо упрекнуть, то лишь в слишком скрупулезном соблюдении буржуазной законности и правопорядка, попранных не Народным единством, а солдатским сапогом путчиков.

Заговорщики давно готовили переворот, в чем признался в интервью чилийскому журналу «Эрсилья» сам главарь фашистской хунты генерал Пиночет. Он заявил, что уже в апреле 1972 года армия начала подготовку к перевороту, а в мае 1973 года приступила к разработке конкретного плана свержения правительства. Эти признания полностью опровергают измышления хунты о том, будто бы военные совершили переворот, узнав о существовании плана «Зет».

Генералы-предатели выдают себя за спасителей страны от хаоса и разрухи, в которое якобы ввергло Чили правительство Народного единства. Они выдают себя за друзей трудящихся, за представителей средних слоев, за защитников суверенитета страны, но их кровавые дела опровергают жалкие потуги на патриотизм. Захватив власть, они лишили рабочих прав на забастовку, на участие в профсоюзах, на любой вид протеста против капиталистической эксплуатации. Они стали возвращать фабрики и заводы капиталистам, земли — помещикам, банки и рудники — иностранным монополистам.

Следует ли удивляться, что международные монополии в благодарность стали осыпать хунту кредитами, в которых они отказывали правительству Сальвадора Альенде. За полгода после переворота хунта получила таких кредитов свыше 300 миллионов долларов.

Генералы-предатели действуют в интересах чилийской олигархии и американских монополий. Экономическую политику хунты осуществляют Фернандо Ленис, бывший управляющий и президент газетного треста

«Меркурио», этой твердыни чилийской контрреволюции, Рауль Саэс, бывший министр финансов в правительстве Фрея.

Среди других советников хунты — Орландо Сане, председатель «Общества развития промышленности» — штаба крупных чилийских промышленников; Андрее Саускевич — доверенное лицо компании «Анаконда»; Фернандо Маркес де ла Плата — президент Национального общества сельского хозяйства, объединяющего чилийских латифундистов. С хунтой сотрудничают Онофре Харпа — лидер национальной партии, Хулио Дуран — правый радикал, Кармона — правый клерикал, автор закона об изъятии оружия, Леон Вильярин, босс собственников грузовиков, возглавлявший забастовку автотранспортников против правительства.

Хосе Мигель Варас, один из сотрудников правительства Альенде, пишет, что ничто не отражает классовый характер военно-фашистского режима, установленного в Чили, с такой ясностью, как грабительское перераспределение национального дохода путем повышения цен, снижения заработной платы, удлинения рабочего дня. Благодаря экономической политике Народного единства покупательная способность трудящихся города и деревни значительно возросла. Заработная плата рабочих и служащих, которая в 1970 году составляла 51,6 процента от внутреннего национального дохода, в 1973 году увеличилась примерно до 65 процентов. Несмотря на инфляцию, условия жизни семей низкооплачиваемых трудящихся ощутимо улучшились. Трудящиеся получали продовольствие в первую очередь и по официальным ценам.

Теперь же под лозунгами «возврата к реальности», «оплаты по счетам» и «затягивания поясов» хунта проводит политику ничем не ограниченного роста цен, которые достигли чудовищного уровня. За четыре месяца военно-фашистского режима стоимость жизни возросла почти на 900 процентов. Цены на хлеб увеличились более чем в 10 раз, на растительное масло — в 15 раз, на говядину и птицу — в 10 раз.

В то же время с момента переворота были уволены и стали безработными примерно 200 тысяч трудящихся, впоследствии некоторые из них были вновь приняты на работу за меньшую плату. Существование многочисленной армии безработных, которые просто голодают, позволяет хозяевам еще более усиливать эксплуатацию. Капиталисты увеличили свои прибыли благодаря общему продлению рабочей недели на четыре часа.

Подлинный вдохновитель фашистского заговора, лидер демохристианской партии Эдуардо Фрей раболепно приветствовал «горилл», убивших Альенде, распявших чилийскую демократию. Фрей был убежден, что палачи, выполнив «черную работу», отдадут ему власть и он

предстанет перед всем миром как «спаситель» чилийской демократии. Но «гориллы», оказавшись у власти, повернулись к нему спиной.

Фашистские генералы объявили о своем намерении искоренить «марксизм». Под этим термином они подразумевают не только коммунистическую и социалистическую партии и классовое профсоюзное движение, но и левых католиков, «мятежных» священников, всех демократов.

«Убит при попытке к бегству», «повесился в тюрьме», «умер в тюрьме от инфаркта», «расстрелян» — так ежедневно сообщает хунта о расправах над чилийскими патриотами. Так мировая общественность узнала о гибели Хосе Тоа, видного деятеля социалистической партии, занимавшего в правительстве Альенде посты военного министра и министра внутренних дел: по сообщению хунты, он «повесился в тюрьме».

Более того, «гориллы» со свойственной им жестокостью расправляются со многими своими коллегами — офицерами и солдатами — сторонниками конституционного порядка и законности. Хунта убила бывшего директора корпуса карабинеров Хосе Марию Сепульведу, генерала ВВС Альберто Бачелета (официальная версия гласила, что он умер от инфаркта), бросила в застенки генералов Фабиана Пароди, Гильермо Пиккеринга, Хермана Сепульведу, Серхио Поблете, выслала из страны генерала Карлоса Пратса. Хунта расстреляла многих неугодных ей офицеров. В конце сентября 1974 года ее агенты зверски убили в Буэнос-Айресе генерала Пратса и его жену.

Так действовал Гитлер, так действуют Пиночет и его сподручные. Чилийские «гориллы» были уверены, что смогут «ликвидировать марксизм» путем безудержного террора, массовых убийств, пыток, запугивания, угроз, грязной демагогии. Как плохо эти «националисты» знают свой народ, как они заблуждаются, уповая, что прикладом и дубинкой можно поставить его на колени, превратить в покорное стадо. «Эти господа обманывают себя, если думают, что могут уничтожить марксизм, — заявил бесстрашный сын чилийского народа Луис Корвалан, заключенный в лагере смерти на острове Досон, корреспонденту бразильского журнала «Визау». — Коммунистическую идеологию нельзя уничтожить. И это было доказано столько раз, сколько враги трудящихся и предатели народа пытались задушить ее. Это будет доказано еще столько же раз, сколько потребуется».

Вскоре после свержения народного правительства Коммунистическая партия Чили опубликовала обращение «К чилийскому народу», в котором заявила о своей непреклонной воле продолжать борьбу против фашистской

хунты за светлое будущее чилийского народа, во имя тех идеалов, за которые жил, боролся и погиб на своем посту Альенде и тысячи других патриотов.

«Военная хунта, — говорится в обращении, — прибегнув к помощи всех реакционных средств информации, развернула гнусную кампанию с целью очернить память президента республики Сальвадора Альенде.

Они как вороны набросились на труп президента. Но как они ошибаются, если думают, что им удастся вырвать из сердца народа память о таком человеке, как Сальвадор Альенде, который любил свою родину больше всего на свете, десятки лет боролся за освобождение эксплуатируемых и угнетенных и геройски погиб в сражении. Пройдут черные дни, и имя Сальвадора Альенде, президента, вернувшего Чили ее медь, восставшего против империализма и олигархии, не склонившегося ни перед похвалами, ни перед угрозами врага и сохранившего верность народу до последней минуты жизни, будет вписано в историю нашей страны и всей Латинской Америки наряду с именами О'Хиггинса, Бальмаседы, Рекабаррена, Агирре Серды и других чилийцев, отдавших все за родину и свой народ. Те же, кто их чернит, не оставят после себя никакого следа...»

Коммунистическая партия Чили призвала к установлению самого широкого единства всех антифашистских сил для борьбы за свержение военной хунты:

«Единство — для того, чтобы защитить право на жизнь и положить конец репрессиям и смерти.

Единство — для того, чтобы защитить право на труд, покончить с массовыми увольнениями и репрессиями.

Единство — для того, чтобы защитить завоевания рабочего класса, добиться повышения зарплаты, которая должна обеспечивать уровень жизни, который был при правительстве Народного единства.

Единство — для того, чтобы сохранить профсоюзную организацию; единство — для того, чтобы бывшие хозяева не возвратились на национализированные предприятия.

Единство — для того, чтобы восстановить гражданские свободы.

Единство — для того, чтобы снова пойти по пути революционных преобразований.

В этих единых рядах есть место для каждого мужчины и женщины, юноши и девушки нашей страны, даже если вчера под влиянием реакционной пропаганды они были в оппозиции.

Миллионы чилийцев увидели воочию, что такое фашизм, и готовы бороться против него.

С нами весь народ. Чили победит!»

Призыв компартии был услышан всеми демократическими и антифашистскими силами страны. В Чили образовался широкий фронт противников хунты, рамки которого далеко выходят за пределы блока Народного единства. Этот патриотический фронт ведет неравную и тяжелую борьбу против фашистской хунты. Но, каких бы еще жертв ни потребовала эта борьба, в ней будет только один победитель — народ Чили.

Размышляя над судьбами Латинской Америки, Л. И. Брежнев в своем выступлении на всенародном митинге на площади Революции в Гаване 29 января 1974 года говорил:

«Были в Латинской Америке замечательные взлеты освободительной борьбы, героические подвиги и победы.

Но были и поражения, кровавые расправы с патриотами и революционерами. Опыт убедительно учит: там, где позиции империализма и его слуг оказываются под угрозой, буржуазия начисто забывает свою пропагандистскую болтовню о «демократии» и «свободном мире», она не останавливается ни перед каким насилием, ни перед какой жестокостью. События последних лет — кровавый фашистский переворот в Чили, наступление реакции в некоторых других латиноамериканских государствах говорят об этом достаточно ясно.

Но ничто из уроков прошлого не пропадает даром. И, в частности, опыт прихода к власти партий Народного единства Чили, несомненно, будет использован борцами за свободу и национальную независимость.

Революцию питает не чья-то «пропаганда» или «подрывная деятельность», как о том любит кричать империалистическая пресса. Революцию питает сама действительность, невыносимые условия жизни, в которые поставлены народы. В этом ее глубочайшие и неистребимые корни. И любые попытки преградить дорогу прогрессу, подавить стремление к свободе с помощью террора и репрессий могут лишь усилить возмущение народных масс».

В той же речи Л. И. Брежнев назвал Латинскую Америку замечательным, ярким и своеобразным континентом с его многотрудным и героическим прошлым, бурным настоящим и великим будущим.

За это великое будущее Латинской Америки, за освобождение ее трудящихся от гнета местных и чужеземных эксплуататоров, за счастье своей родины Чили отдал жизнь Сальвадор Альенде Госсенс.

Некогда В. Г. Белинский писал: «У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты, и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал и каким являлся в эти

моменты, когда на весах судьбы лежала и его жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее».

Прощай, товарищ Президент. Ты с честью выполнил свой революционный долг.

Твой народ не сломлен, он борется, он победит.

Память же о Тебе, славном сыне Чили, будет жить в веках!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ

1908, 26 июня — В Вальпараисо в семье адвоката Сальвадора Альенде Кастро и Лауры Госсеес Урибе родился Сальвадор Альенде Госсеес.

1918 — Поступает учиться в столичный Национальный институт.

1922, 2 января — Образование Коммунистической партии Чили.

1924 — Альенде заканчивает среднее образование, становится чемпионом страны по десятиборью среди юношей.

1925 — Отбывает военную службу в кирасирском полку в городе Винья-дель-Мар.

1926 — Поступает на медицинский факультет Национального университета в Сантьяго.

1931 — Участвует в борьбе против диктатуры Ибаньеса. Подвергается аресту. Один из руководителей левой студенческой организации «Наступление». Избирается членом университетского совета.

1932 — Арест и суд над Альенде. Смерть отца. Альенде клянется у его могилы посвятить себя делу освобождения трудящихся от капиталистического порабощения. Заканчивает медицинский факультет.

1933 — Получает диплом врача, работает анатомом в Вальпараисо. В апреле участвует в создании социалистической партии. Возглавляет ее организацию в Вальпараисо.

1935 — Редактор «Медицинского бюллетеня Чили», руководитель Медицинской ассоциации. Выпускает книгу «Организация национального здравоохранения». За участие в борьбе против реакционного правительства Алессандри подвергается ссылке в селение Кальдеру, где находится с июля по ноябрь.

1936, 19 марта — Образование Народного фронта. Альенде возглавляет организацию Народного фронта в Вальпараисо.

1937, март — Впервые баллотируется в парламент. Избирается депутатом по списку социалистической партии от округов Кильота и Вальпараисо на период 1937–1941 годов.

1938 — Руководит в Вальпараисо избирательной кампанией кандидата Народного фронта в президенты Педро Агирре Серды. Избирается заместителем генерального секретаря социалистической партии. 1939, 28

сентября — Альянде назначается министром здравоохранения и социального обеспечения в правительстве Педро Агирре Серды. Брак с Ортенсией Бусси Сото.

1940 — Принятие конгрессом предложенного Альянде закона о социальном страховании. Издает книгу «Медицинско-социальные проблемы Чили».

1942–1943 — Покидает пост министра Избирается генеральным секретарем социалистической партии.

1945 — Избирается сенатором от округов Вальдивия, Льянкиу, Чилоэ, Айсеп и Магальяпес.

1949–1963 — Президент Медицинского колледжа Чили.

1951 — Участвует в образовании Фронта народа, в который входят коммунистическая и социалистическая партии.

1952 — Впервые выдвигается кандидатом в президенты от Фронта народа. Представляет конгрессу проект закона о национализации меди.

1953 — Избирается сенатором от округов Тарапака и Антофагаста.

1954 — Впервые посещает Советский Союз. 12 августа — выходит в «Правде» статья Альянде «Борьба народа Чили за национальную независимость».

1958 — Альянде во второй раз участвует в президентских выборах как кандидат ФРАП.

1959, январь — Посещает революционную Кубу, где устанавливает дружеские отношения с Фиделем Кастро, Эрнеста Че Геварой а другими руководителями кубинской революции.

1961 — Избирается сенатором от округов Аконкагуа и Вальпараисо. Посещает Пунта-дель-Эсте (Уругвай), где вместе с Эрнесто Че Геварой разоблачает империалистический характер «Союза ради прогресса».

1963, январь — Выдвигается ФРАП кандидатом на пост президента.

1964 — В третий раз баллотируется в президенты от блока левых сил.

1966–1969 — Председатель сената Чили.

1967 — Возглавляет чилийскую делегацию на Трехконтинентальной конференции в Гаване. Посещает Москву, где участвует в торжествах в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. 1969 — Избирается сенатором от округов Чилоэ, Айсеп и Магальянес. Посещает Канаду, Кубу, КНДР, Лаос, Камбоджу, ДРВ, где встречается с Хо Ши Мином.

1970, 22 января — Выдвигается кандидатом в президенты от блока Народное единство. 4 сентября побеждает на президентских выборах. 24 октября — конгресс утверждает Сальвадора Альянде в должности

президента. 3 ноября — официальное вступление на пост президента Республики Чили. Установление дипломатических отношений с Кубой, ГДР, КНР.

1971, 16 января — Органы безопасности предотвращают покушение на Альенде. Апрель — внушительная победа Народного единства на муниципальных выборах: левые получают 50,86 процента всех голосов. Июль — принятие конгрессом конституционной поправки, разрешающей президенту Альенде национализировать собственность иностранных монополий, владеющих медью и другими природными богатствами страны. Провозглашение 11 июля в честь национализации медной промышленности Днем национального достоинства. 24 июля — подписание «Декларации Сальта» совместно с президентом Аргентины генералом Лануссе, посещение Перу, Эквадора, Колумбии. Октябрь — встреча Альенде и Лануссе в Антофагасте. 10 ноября — 5 декабря — визит Фиделя Кастро в Чили. «Сковородочный бунт».

1972 — Установление дипломатических отношений с КНДР, ДРВ, Временным Революционным Правительством РЮВ, Народной Республикой Конго, признание Народной Республики Бангладеш. Осуществление аграрной реформы, национализация частных банков. Усиление подрывной деятельности против правительства Альенде. Экономическая блокада Чили со стороны США. Забастовка технического персонала на медных рудниках. 10 октября — 5 ноября — 26-дневная забастовка владельцев грузового транспорта. Альенде посещает Нью-Йорк, где выступает с речью на сессии ООН. Наносит визит в Мексику, в Советский Союз, на Кубу.

1973 — Фашистские организации и правая оппозиция призывают к свержению правительства Альенде. Январь — раскрытие заговора под руководством генерала Альфредо Каналеса. 4 марта — Народное единство получает на парламентских выборах 43,39 процента голосов. Апрель — новая забастовка технического персонала на руднике «Эль-Теньеате». Альенде — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Май — присутствует в Буэнос-Айресе на торжествах по поводу вступления в должность нового президента Аргентины Эктора Кампоры. 28 июня — академик Н. Н. Блохин вручает Альенде в Сантьяго международную Ленинскую премию. 29 июня — мятеж 2-го бронетанкового полка в Сантьяго («Танкасо»). 27 июля — убийство фашистскими террористами военно-морского адъютанта президента капитана первого ранга Артуро Арайа. Общенациональная забастовка собственников грузовиков. 22 августа — реакционное

большинство конгресса призывает армию не подчиняться приказам президента. 24 августа — отставка генерала Карлоса Прадса, назначение на пост главнокомандующего армией генерала Аугусто Пиночета. 28 августа — забастовка торговцев и мелких промышленников. 30 августа — правительство объявляет объединение владельцев грузовиков вне закона. 4 сентября — гигантская демонстрация в Сантьяго с участием миллиона трудящихся в поддержку правительства Альенде и в честь 3-й годовщины победы Народного единства. 11 сентября — фашистский переворот. Гибель Сальвадора Альенде.

Стихи Пабло Неруды цитируются в тексте в переводах М. Ваксмахера, П. Грушко, О. Савича, И. Эренбурга.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., Изд-во политической литературы, 1972.

«Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Куба. 28 января — 3 февраля 1974 года. Речи и документы». М., Изд-во политической литературы. 1974.

Альенде С. Борьба народа Чили за национальную независимость. «Правда», 1954, 12 августа.

«Коммунистическая партия Чили в борьбе за революцию (К 50-летию Коммунистической партии Чили)». М., «Мысль», 1973.

Корвалан Луис, Путь победы. М., Изд-во политической литературы, 1971.

Бушуев В. Г. Ветер перемен над Андами. М., Изд-во политической литературы, 1972.

Гаранин Ф. А. Народный фронт в Чили. 1936–1941 гг. М «Наука», 1973.

Жуков Ю. Чилийский дневник. М., «Молодая гвардия». 1970.

Зорина И. Н. Революция или реформа в Латинской Америке. М., «Наука», 1971.

Кастро Фидель. Сила революции в единстве. Речи, выступления, интервью во время визита в Чили. 10 ноября — 4 декабря 1971 года. М., Изд-во политической литературы, 1972.

Кудачкин М. Ф., Чили: борьба за единство и победу левых сил. М., «Мысль», 1973.

Лабарка Годдард Э. Чили, раскаленное докрасна. М., «Прогресс», 1973.

Лабарка Годдард Э. Вторжение в Чили. М., «Прогресс», 1972.

Лаферте Элиас. Жизнь коммуниста. М., Изд-во иностранной литературы, 1961.

«Очерки истории Чили». Отв. ред. Н. М. Лавров. М., «Наука», 1967.

«Путь революционера. Жизнь и деятельность чилийского коммуниста Рикардо Фонсека». М., Изд-во иностранной литературы, 1955.

ФОТОГРАФИИ

Его дедушка — Красный Альенде.

Чичо.

Чичо (справа) и Альфредо с отцом.

В период службы в кирасирском полку.

Вальпараисо.

Доктор Сальвадор Альенде.

Командир социалистической милиции.

Сантьяго. Общий вид.

С матерью, братом и сестрами.

Национальный конгресс, Сантьяго.

Пабло Неруда. Фото с дарственной надписью автору.

В окрестностях столицы.

В кругу семьи.

Штаб-квартира Народного фронта. Сантьяго, 1952.

Сердце Сантьяго — "Ла-Монеда".

Первый визит в СССР, 1954. У дома ВОКСа в Москве.

В Разливе, у ленинского шалаша.

Его родина. Высокогорный рудник «Эль-Теньенте».

Во дворе «Ла-Монеды».

У ворот президентского дворца.

Победа! 1970, сентябрь.

Товарищ Президент.

Митинг победы на Национальном стадионе в Сантьяго, 1970.

День национального достоинства. Президент подписывает декрет о национализации меди.

С Фиделем Кастро. 1971, ноябрь.

С создателем фильма «Пылающий континент» Романом Карменом.

Ему нравилось это фото с Тенчей.

На митинге в Сантьяго в честь 50-летия КПЧ. 1972, январь.

**Руководители Народного единства с главой делегации ЦК КПСС
А. П. Кириленко.**

С советскими друзьями в "Ла-Монеде"

Хосе Тоа, Сальвадор Альенде, Луис Корвалан, А.П. Кириленко на встрече с трудящимися в Сантьяго.

Визит в Москву, 1972.

Обход почетного караула.

В Кремле. Перед началом советско-чилийских переговоров.

Встреч со студентами МГУ.

В Большом театре.

В Киевском метро.

На одной из фабрик Москвы.

Отдавая дань героическим защитникам Киева.

С детьми Москвы.

У стен Кремля.

Памятник Эрнесто Че Геваре в Сантьяго. Фашисты взорвали его.

На выборах 1972 года. Народное единство одержало внушительную победу.

Сантьяго 4 сентября 1973 года. Народ поддерживает своего президента.

Луис Корвалан — любимый вождь чилийских трудящихся.

11 сентября 1973 года. Горит «Ла-Монеда».

11 сентября 1973 года. «Ла-Монеда» после варварской бомбардировки.

Последнее фото героических защитников «Ла-Монеды». Слева в каске и с автоматом президент Альенде.

Вот они — "авторы" переворота!

Штурмуют «Ла-Монеду».

Сжигают книги.

У гроба Пабло Неруды.

Аугусто Оливарес — он погиб, сражаясь в «Ла-Монед».

Виктор Хара — его замучили на Национальном стадионе.

Здесь похоронен президент Альенде.

Ортенсия Бусси де Альенде с трибуны Всемирного конгресса миролюбивых сил клеймит позором злодеяния фашистской хунты.

Его светлый образ будет вечно жить в памяти народной.

В

notes

Примечания

«Пелуконы», от испанского «пелука» — парик, головной убор испанских колониальных чиновников. Пелуконы выступали против демократических порядков и за предоставление иностранному капиталу различных льгот.

«Рото» оборванец, босяк; так называли в Чили бедняков, трудящихся, ходивших в опорках и лохмотьях.

«Деспертадор де лос трабахадорес» — газета, которую основал в городе Икике в 1901 году Лупе Эмилио Рекабаррен Серрано (1876–1924), один из зачинателей социалистического движения и основателей Коммунистической партии Чили.

Фундо (чил.) — поместье.

Уасо (чил.) — погонщик скота, табунщик, синоним мужественного человека.

Куэка — народный чилийский танец.

Город Тарапака — место рождения А. Алессандри.

Как следует из этих цифр, в голосовании участвовало всего около 15 процентов населения. Это объясняется тем, что конституция лишала права голоса неграмотных — более 20 процентов взрослого населения, граждан моложе 21 года, а также солдат и унтер-офицеров вооруженных сил. Впоследствии избирательные права были расширены, но даже и тогда в голосовании принимало участие не более 25 процентов населения.

В избирательных бюллетенях Фрей шел под номером 2, а Альенде —
1.

Речь идет о расстреле карабинерами демонстрации забастовщиков в Сантьяго 23 ноября 1967 года.

На 4 сентября 1970 года были назначены президентские выборы.

С таким возгласом бросился на abordаж перуанского судна во время Тихоокеанской войны чилийский национальный герой Артуро Прат (1848–1879).

Документы цитируются по чилийскому изданию, осуществленному по личному указанию президента Альянде в 1972 году. В издании приводятся факсимильные фотокопии секретных документов ИТТ, опубликованных Андерсоном, и их перевод на испанский язык, осуществленный также по указанию президента Альянде под контролем переводчиков генштаба чилийских вооруженных сил. Последнее распоряжение Альянде имело всем очевидный политический подтекст. Привлекая к переводу документов ИТТ экспертов из генштаба, президент как бы говорил им: «Смотрите, как низко пали некоторые ваши коллеги и с каким презрением относятся к вам империалисты!»

Карлос Рафаэль Родригес и Мануэль Пинейро — члены ЦК
Коммунистической партии Кубы.

По данным американского журнала «Ньюсуик», в теле Альенде вскрытие обнаружило 13 пулевых ран. Венесуэльский сенатор Хесус Сото Амести, председатель комиссии по иностранным делам Национального конгресса, приводит цифру 17.